

ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

10(3) 2024

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 10. № 3. 2024

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-932X

Volume 10. № 3. 2024

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора по связям с зарубежными авторами: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный редактор: Новак М.В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Ответственный секретарь: Масалов А.Г., кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг Научной библиотеки им. Н.Н. Страхова, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – *председатель редакционной коллегии*

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагић С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований,

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy Chief Editor: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Managing Editor: MARGARITA V. NOVAK, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Executive secretary: ALEXEI G. MASALOV, PhD in Philosophy, Head of the Department of Rare Books of Strakhov Scientific Library, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Russia

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – *Chairman*

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Mediaology, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailovič), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва), Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтinen Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Mikhail S. Shirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Belgorod National Research University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Vesa Oittinen, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Belgorod National Research University, Russia

Zhu Tsyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4/year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
Петрова Е. В. Гуманитаризация экологии как метод борьбы с экологическим кризисом	5	Petrova E. V. Humanitarianization of ecology as a method of combating the ecological crisis	5
Шошкич Р. В. «Общество спектакля»: диагноз (пост)модерности и его проблемы	20	Šoškić R. V. “The Society of the Spectacle”: a Diagnosis of (Post)Modernity and Its Challenges	20
Пенская Т. М. Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie... О концепции «Русского момента» Маршалла Т. По	27	Penskaya T. M. Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie... About the concept of the “Russian moment” by Marshall T. Poe	27
Миличевич Н. М. EMDR терапия и лечение детей-жертв насилия в мире и войне	51	Milićević N. M. EMDR therapy and treatment of child victims of violence in peace and war	51
Черновицкая Ю. В. Легитимность насилия в техногенном обществе	62	Chernovitskaya Yu. V. Legitimacy of violence in a technogenic society	62
Винокурова Е. Н. Антиутопии как «самосбывающиеся пророчества» об использовании технологий искусственного интеллекта в информационной войне	75	Vinokurova E. N. Anti-utopias as “self-fulfilling prophecies” about the use of AI in information warfare	75
Ломанов П. В., Бардаков А. В. Культурологический аспект понятия «гражданская идентичность»	85	Lomanov P. V., Bardakov A. V. The culturological aspect of the term “civic identity”	85
Новак М. В. Генеалогия практик совместного потребления в европейской культуре	100	Novak M. V. The genealogy of consumption practices in European culture	100
АРХИВ		ARCHIVE	
Рупова Р. М. Философский диалог: М.М. Бахтин – А.А. Дорогов (воспоминания и архивные свидетельства)	110	Rupova R. M. Philosophical dialogue: Mikhail Bakhtin – Alexey Dorogov (evidences and documents)	110
Макарова Е. Ю. Образ России: «Записки о реформах Петра Великого» Кан Ювэя	120	Makarova E. Yu. The Image of Russia: <i>An Account of the Reforms of Peter the Great</i> by Kang Yu-wei	120
Агафонов И. С., Нагибина Н. П. Житие святого Трифона Вятского как исторический источник сведений о Перми Великой XVI-XVII веков	129	Agafonov I. S., Nagibina N. P. The Life of Saint Tryphon of Vyatka as a historical source of information about Perm the Great in the XVI-XVII centuries	129

**РАЗНОЕ:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ**

**MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**

Жаров С. Н. Экзистенциальные смыслы образования и науки	140	Zharov S. N. Existential meanings of education and science	140
Степанова О. И. Рецепция идей Блеза Паскаля в философии Льва Шестова	152	Stepanova O. I. Reception of the Ideas of Blaise Pascal in the Philosophy of Lev Shestov	152
Белогорцев А. Д. Два этапа развития автофикшн	162	Belogortsev A. D. Two stages of autofiction development	162
Унукаев Г. А. Мировоззренческий статус фэнтези: историко-философский аспект	171	Unukaev G. A. The ideological status of fantasy: historical and philosophical aspects	171

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК 101

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-1

Петрова Е. В.

Гуманитаризация экологии как метод борьбы
с экологическим кризисом

Институт философии РАН,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия; *philosophyx@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальной современной тенденции в экологической науке – гуманитаризации экологии, в которой автор видит новый способ борьбы с экологическим кризисом. Практика показывает, что существующие меры борьбы с кризисом недостаточно эффективны. Более целесообразным представляется действовать через формирование экологического сознания и экологической культуры, в структуре которых важнейшую роль играет эмоционально-личностная составляющая, эмпатия, эстетическое отношение к природе. Современный человек катастрофически отчужден от природы, окружающая его среда давно уже несводима к природной, она включает в себя культурную, социальную и символическую среды. Объединяющим методологическим принципом для спектра экологических дисциплин, в том числе и гуманитарных (экология визуальной и цифровой среды, экология языка, экология культуры) служит средовой подход. Не противопоставляясь культуре, а преломляясь в культурных контекстах, природа на новом, более осмысленном уровне, должна включаться в жизненный мир современного человека. В экологию активно проникают методы гуманитарных наук. Автор приходит к выводу, что гуманитаризация экологии помогает бороться с экологическим кризисом за счет нового подхода к природе (через понимание, переживание, а не объяснение).

Ключевые слова: экология; экологический кризис; гуманитарная экология; видеоэкология; средовой подход; экология культуры; экологическое сознание; умвельт

Для цитирования: Петрова Е. В. Гуманитаризация экологии как метод борьбы с экологическим кризисом // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 5-19. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-1

E. V. Petrova

Humanitarianization of ecology as a method
of combating the ecological crisis

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Bld.1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; *philosophyx@rambler.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current modern trend in environmental science – the humanitarianization of ecology, in which the author sees a

new way to combat the environmental crisis. Practice shows that the existing measures to combat the crisis are not effective enough. It seems more appropriate to act through the formation of environmental consciousness and environmental culture, in the structure of which the emotional and personal component, empathy, and aesthetic attitude to nature play a crucial role. Modern man is catastrophically alienated from nature, his environment has long been irreducible to the natural one, it includes cultural, social and symbolic environments. The unifying methodological principle for a range of environmental disciplines, including the humanities (ecology of the visual and digital environment, ecology of language, ecology of culture) is the environmental approach. Not opposing culture, but refracting in cultural contexts, nature at a new, more meaningful level, should be included in the life world of modern man. Methods of the humanities are actively penetrating ecology. The author comes to the conclusion that the humanization of ecology helps to combat the ecological crisis through a new approach to nature (through understanding, experience, and not explanation).

Key words: ecology; ecological crisis; humanitarian ecology; videoecology; environmental approach; ecology of culture; ecological consciousness; umwelt

For citation: Petrova E. V. (2024), "Humanitarianization of ecology as a method of combating the ecological crisis", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 5-19, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-1

«Классические» атрибуты экологического кризиса, такие как загрязнение атмосферы, почвы, водных ресурсов, исчезновение видов животных и растений, давно у всех на слуху. Принимаемые меры – строительство очистных сооружений, создание заповедников, освоение альтернативных источников энергии – также давно известны. Проблема состоит в том, что даже широкая осведомленность о признаках и последствиях экологического кризиса, равно как и комплекс мер по борьбе с ним, не дают достаточных результатов. Более того, постоянные новости об очередных экологических проблемах и катастрофах, звучащие в фоновом режиме, приводят к тому, что эти проблемы становятся чем-то привычным, их важность недооценивается: «Опасным проявлением современного этапа экологического кризиса является не сам факт участвующих экологических катастроф, а то, что эти экологические катастрофы в совокупности становятся экологическим опытом подрастающего

поколения, точкой отсчета их представлений об «экологической норме, благополучии». Экологический опыт современного ребенка перенасыщен негативными примерами взаимодействия человека и природы» (Вагнер, 2011: 189). Соответственно, выросший с такого рода опытом человек привыкает к постоянно напряженной экологической обстановке и не воспринимает всерьез призывы к борьбе с кризисом, который может угрожать самому существованию человечества.

Чтобы любая наука, и экология в том числе, успешно развивалась и выполняла свои функции, в ней не должно содержаться внутренних проблем и противоречий. К сожалению, в действительности это не всегда так. Один из парадоксов современной экологии и природоохранной деятельности – ее «отчужденность» от того, кто непосредственно влияет на экологическую ситуацию и в то же время сам испытывает на себе влияние неблагоприятной экологической обстановки. Речь идет, конечно же, о человеке. Обычный для

рядового современного человека экологический «горизонт событий» достаточно узок. По сути, он сводится к тревожному, но давно ставшему привычным новостному фону о неблагоприятной экологической обстановке, а также к локальной и довольной ограниченной экологической деятельности конкретного индивида, вроде раздельного сбора мусора. Можно возразить, что основной источник загрязнения – не бытовая деятельность людей, а крупные промышленные предприятия. Но, во-первых, это не совсем верно. Миллионы людей наполняют своими каждодневными отходами гигантские свалки, а миллионы автомобилей вносят наиболее существенный вклад в загрязнение атмосферы крупных городов. Во-вторых, промышленные предприятия управляются конкретными людьми, от уровня экологического сознания которых зачастую зависит наличие и совершенствование очистных сооружений, а также другие природоохранные меры. И, в третьих, с ростом уровня экологического сознания конкретных людей растет уровень экологического сознания всего человечества, что отражается на принимаемых решениях в области экологического законодательства.

В свою очередь, практическая природоохранная деятельность не может быть развитой и успешной, если есть нерешенные проблемы в организации науки, которая разрабатывает ее принципы – то есть в экологии. Одной из таких проблем является отсутствие внутренней целостности экологии как науки. Современная экология – достаточно сложная, разветвленная и многосоставная наука. К сожалению, зачастую входящие в нее дисциплины, такие как общая экология, охрана природы, экология культуры, экология человека, – разрозненны, изучают каждая свой узкий объект исследования и имеют весьма слабые междисциплинарные, а зачастую и

внутридисциплинарные связи. Классическая биоценология выглядит в глазах представителя информационной экологии сухой, во многом устаревшей академической дисциплиной. В свою очередь, биоэколог, возможно, даже не признает эколоингвиста своим коллегой. Таким образом, расширение сферы интересов экологии привело к размыванию ее методологического основания, что, в свою очередь, затрудняет процесс развития экологического сознания. Без высокого уровня экологического сознания и экологической культуры каждого отдельного человека и человечества в целом невозможна в полной мере осознанная и эффективная природоохранная деятельность, направленная не просто на обеспечение комфортного существования человечества, но и на сохранение и гармоничное развитие биосферы. В свою очередь, высокоразвитое экологическое сознание не может быть сформировано на основе экологического образования, понимаемого только как изучение теоретической биоэкологии.

В связи с вышесказанным, назрела необходимость в разработке нового методологического принципа, организационного подхода, который мог бы послужить основой для широкого спектра современных экологических исследований. На мой взгляд, таким принципом мог бы стать средовой подход. Замечу, что все больше современных исследователей подчеркивают актуальность средового подхода в самых разных областях человеческого познания: «средовой подход в естественных и гуманитарных науках стал одним из самых востребованных в исследованиях XXI века, обозначив важность систематического изучения “окружения” объектов и процессов и выявления определенных закономерностей и условий, при которых появляются новые возможности и изменения» (Махотин, 2020: 3).

Если вспомнить классическое определение экологии как науки о взаимодействии организмов и среды, то становится ясно, что средовой подход является основой экологии с самого ее зарождения как науки. Однако есть важное различие в трактовке средового подхода классической биологической экологией и экологией современной. В биоэкологии «среда» – это всегда природная среда, во всем многообразии своих биотических и абиотических факторов. Современная же гуманитаризирующаяся экология понимает среду предельно широко. Недавно возникшие дисциплины экологического спектра – видеозэкология, экология цифровой среды, экология языка – всесторонне анализируют взаимодействие человека с созданной им средой. К примеру, экология культуры, по Н.Ф. Реймерсу, изучает «культурную среду обитания человека, ее формирование и воздействие на людей» (Реймерс, 1994: 11). Культура является домом человечества в не меньшей степени, чем природа. Культурная среда может быть как материальной (живописные полотна, памятники архитектуры), так и нематериальной, духовной (нравственные ценности, память предков). Экология культуры помогает осознать ценность памятников культуры не только как материальных объектов, но и как духовно-символических ценностей, охрана которых несводима к чисто экономической целесообразности. Глубокие впечатления, полученные человеком при созерцании выдающихся памятников культуры, прослушивании музыкальных произведений, способствуют его формированию как личности и выбору дальнейшего жизненного пути. Деятельность по охране культурного наследия схожа по своим целям с природоохранной деятельностью. Разрушение памятника архитектуры – это катастрофа в области экологии культуры, точно так же, как загрязнение водоема или вырубка леса – природная экологическая

катастрофа. Каждый памятник культуры уникален; если вырубленный лес еще возможно посадить заново, то утрата памятника культуры необратима, так как, воссозданный, он уже не будет представлять исторической ценности, будет лишь «видимостью» (Лихачев, 2015). «Задачи экологии культуры должны определяться, прежде всего, интересами сохранения накопленного человечеством опыта, чтобы пространство культуры не вытеснялось, не подвергалось агрессивному воздействию со стороны социума, который часто воспринимает проблемы культурных смыслов и ценностей как помеху в решении экономических, технологических, производственных задач» (Устюгова, 2013: 69).

На примере экологии культуры наглядно видна трансформация понятия окружающей среды. В ней как бы одновременно сосуществуют несколько планов. Например, на материальном плане дворец – здание, построенное из камня. Но на культурном, символическом плане – это памятник архитектуры, относящийся к определенному стилю и определенной эпохе. «Окружающая среда современного человека – его, так сказать, природа – это сложная конфигурация символических миров, включающих, помимо материальной реальности животных, растений, гор, долин и рек, еще и символическую, культурно и исторически значимую реальность (нарратив, информацию, знание и т.п.)» (Щедрин, 2022: 7). Информационные потребности человека Реймерс относит к сфере изучения экологии духа. Сюда же можно отнести и вопросы нравственности и воспитания.

Наиболее ярко символический характер окружающей современного человека среды проявляется при анализе искусственной информационной, цифровой среды. Острая актуальность вопроса взаимосвязи экологии культуры и экологии информационной среды

обусловлена тем, что «взаимовлияние глобальных тенденций экологизации и информатизации культуры, проблем информационной и экологической безопасности, глобализации информационных процессов и экологических проблем обуславливают качественно новый культурологический взгляд на проблемы экологии человека, определяют новый междисциплинарный формат исследований проблем экологии человека в контексте развития экологической культуры личности и общества информационной эпохи» (Вагнер, Глазачев, Глазачев, 2013: 23). Процесс внедрения цифровых технологий во все сферы жизни человека может обострять уже существующие и порождать новые проблемы в области экологии культуры и экологической культуры личности. Одной из таких проблем является обилие сцен насилия в компьютерных играх. В природном мире животные и растения уникальны. Раз уничтожив, человек не в силах вернуть их к жизни. В пространстве компьютерной игры у живых объектов несколько «жизней», что создает иллюзию возможности возрождения, тем самым снижая ценность жизни и живого. Еще одной проблемой является создание с помощью СМИ негативного информационного фона в области экологии. Люди привыкают к тому, что экологические проблемы постоянно присутствуют в общем информационном фоне, зачастую считают, что СМИ преувеличивают их ради просмотров и рейтингов, соответственно, меньше внимания уделяют борьбе с ними. Кроме того, культ потребления и гедонизма, пропагандируемый масс-медиа, распространяется и на отношение к природе. А яркость изображения природы на экранах телевизоров и смартфонов снижает интерес, особенно у детей, к живой природе, которая на этом фоне выглядит более «тусклой». В то же время некоторые эксперты отмечают и

положительные аспекты информатизации, например, дополнительные возможности экологического образования, в частности, дистанционного, повышение уровня экологической культуры путем просмотра фильмов и научно-популярных передач о живой природе. По сути, цифровая среда является инструментом, который при правильном использовании может способствовать формированию экологических ценностей и экологического сознания, а при неправильном – разрушать или создавать ложные ценности. Человек по-прежнему «мера всех вещей», и плоскость пересечения экологии культуры и информационной экологии лежит в проблемном поле экологии человека.

Важной частью экологии культуры является экология слова или экология языка – это «наука о целостности языка, о его связи с культурой своего народа, и вместе с тем о его связи с земной семиосферой» (Миловатский, 2001). Исследователи подчеркивают взаимосвязь биоэкологии и экологии языка: «экология слова обнаруживает много родственного в биоэкологии и даже черпает оттуда “заготовки” для своих терминов, например, таких: “лингвоцид”, “лексическая эрозия”, “языковая аллергия”» (там же). Все богатство языков, на которых говорит человечество, можно уподобить разнообразию биосферы, а отдельные языки – видам живых существ. Языки проходят разные стадии развития и могут отмирать, так же как вымирают биологические виды. Задача экологии языка – их сохранить, а также не допустить обеднения и загрязнения языка, так же как необходимо не допускать болезней и вырождения видов. В качестве факторов, загрязняющих язык, выступают безграмотность, слова-паразиты и жаргонизмы, избыточные заимствования из иностранных языков. Проблема загрязнения языка стоит очень остро, так как «кризисное состояние экологии языка может привести к деградации человека,

для которого данный язык является родным» (Франко, 2019: 26). Речь можно сравнить с экосистемой, способной поддерживать гомеостаз. Биология, в свою очередь, имеет свой язык – язык генов, ДНК, феромонов, медиаторов. Существует и такое направление как эколлингвистика, в западной традиции ее проблемное поле шире, чем у философии языка, в отечественной науке эти понятия зачастую взаимозаменяемы.

Визуальная экология или видеозкология – раздел экологии, изучающий влияние визуальной среды на здоровье, психику, настроение, работоспособность человека. Имеет тесную связь с урбанистикой, поскольку визуально неблагоприятная среда образуется, как правило, в городах, особенно в мегаполисах. Природная среда обычно всегда визуально благоприятна для человека, хотя есть и исключения – например, бескрайние заснеженные пространства Крайнего Севера. В современной же городской застройке обилие неблагоприятных визуальных стимулов поражает. Это огромные однотонные пространства стен небоскребов с рядами однотипных окон, длинные ряды заборов, большие заасфальтированные площади. Кроме того, как отмечает В.В. Савчук, неблагоприятное воздействие на человека оказывает статичное освещение внутри жилых, производственных и общественных помещений. Природное же освещение всегда изменчиво из-за смены погоды, облачности, игры света и тени в листве деревьев. Талантливые архитекторы пытались воссоздать природную игру света и тени за счет особой формы и расположения окон и светильников, например, в храмах. Интересно, что именно с изменчивостью и новизной В.В. Савчук связывает привлекательность современных цифровых СМИ (Савчук, 2016).

Отечественный специалист в области видеозкологии В.А. Филин подчеркивает,

что гомогенная (однородная) визуальная среда противоестественна для человека, так как в природе всегда присутствует разнообразие форм, цветов и фактур. Агрессивная среда «не только не доставляет эстетического наслаждения, но и порождает большое число социальных проблем» (Филин, 2006: 43). То, насколько острыми могут быть эти проблемы, иллюстрирует описание В.В. Савчуком судьбы одного микрорайона. «Дома этого района из-за однообразия поверхностей, ярко выраженного функционализма, монотонности организации пространства вызвали депрессию у его жителей, повышение процента наркоманов и самоубийц» (Савчук, 2016: 27). Реконструкция не помогла, в итоге микрорайон пришлось снести. Причем вредной является как бедность и однообразие визуальной среды, так и ее перенасыщенность слишком яркими, неестественными красками и образами (например, обилие наружной рекламы). Избыточное потребление цифрового контента также наносит большой вред, приводя к зависимости и к «визуальной булимии» (Колесникова, 2016). Улучшению визуальной среды способствует отказ в строительстве от прямых углов, однообразных поверхностей и слишком ярких красок. Например, современные детские площадки в Европе делают не из ярко окрашенного пластика и металла, а из неровных, необработанных, похожих на природные, кусков дерева (Савчук, 2016). Визуальное восприятие старинной архитектуры (дворцы, храмы, памятники деревянного зодчества) благоприятно воздействует на человека из-за схожести с природной средой: плавные линии, отсутствие как слишком ярких красок, так и цветовой монотонности. В.А. Филин связывает любовь к жизни, активность, малую подверженность депрессиям жителей приморских районов Италии и Греции с живописной и благоприятной визуальной средой, красивыми пейзажами, большим

количеством солнечных дней в году. Если мы вспомним теорию зрительного восприятия Дж. Гибсона, то поймем, что такие понятия как освещенность и поверхность являются очень важными для живого существа, так как, предоставляя различные возможности, составляют его жизненный мир, умwelt. В природе практически отсутствуют четкие геометрические линии, поэтому генетическая память человека подсказывает ему, что здание с плавными линиями и естественными цветами предоставляет возможность убежища, покоя, безопасности. Напротив, прямые углы, слишком большие размеры и неестественные цвета являются эволюционно чуждыми для нашей психики, внушая чувство тревоги.

В анализируемой И.К. Лисеевым концепции индустриального градостроительства «Город рассматривался как компонент культуры во многом противоположный Природе» (Лисеев, 2014: 307). Современное же градостроительство, в котором прослеживается влияние видеоэкологии, должно быть в первую очередь ориентировано не на производство или экономическую эффективность, а на человека, являющегося частью природы, так как в современной цивилизационной модели «укрепляется понимание того, что общество и окружающая его природная среда взаимно связаны, взаимно влияют друг на друга и изменяют друг друга» (там же).

Может возникнуть вопрос: оправдано ли такое расширение проблемного поля экологии? Не является ли употребление терминов «экология языка», «видеоэкология» и т. п. просто данью моде «на все экологическое». Мне представляется, что термин «экология» мы можем использовать везде, где существуют взаимоотношения объекта с окружающей средой, построенные по принципу обратной связи, то есть взаимовлияния. Приведу пример из сферы

информационной экологии. В информационной экологии есть несколько схожих, но, тем не менее, различающихся понятий: информационное пространство, информационная среда и информационное поле. Экологическим смыслом из них наделено только понятие «информационная среда», поскольку подразумевает наличие объекта и окружающей среды. Информационное пространство и информационное поле не предусматривают выделение внутри себя объекта, на который влияет среда, они более или менее однородны. Соответственно, такие разделы экологической науки, как экология культуры, экология духа, экология языка – в полной мере имеют право на существование, так как имеют дело с объектом (как правило, это человек) и окружающей средой: языковой, культурной и т. д.

Как я уже подчеркивала ранее, «универсальность и методологическая ценность экологического подхода» объясняется тем, что «взаимовлиянием объекта и окружающей среды можно объяснить многие особенности их становления и развития. Включается принцип обратной связи: развиваясь и изменяясь, объект оказывает воздействие на среду, изменения которой, в свою очередь, влияют на объект» (Петрова, 2023: 62-63).

При использовании универсального экологического подхода необходимо различать окружающую среду вообще, в целом, и значимую окружающую среду. Последняя близка к понятию «умwelt» Я. Фон Икскуля и имеет ключевое значение. То есть из всего многообразия окружающих предметов и явлений выделяются только те, которые обладают смыслом и значением для конкретного организма: «живые организмы, по сути, живут в различных, часто не пересекающихся друг с другом мирах восприятия и действия. Каждый вид и каждая особь в нем извлекают из этого

мира свою, отвечающую их телесной организации и нуждам выживания информацию» (Князева, 2014: 69).

Какая же часть окружающей среды является значимой для современного человека, формируя его умwelt, жизненный мир? Это явно не природа, от которой человек давно уже отделился улицами мегаполисов и стенами небоскребов. Отчасти это урбанизированная среда, пространство городов, квартир, автомобилей, офисов. Но такая среда выступает скорее как общий фон, основные смыслы современного человечества лежат не в ней, а в символических и виртуальных мирах. Наиболее значимым из таких миров является цифровая среда, в которую человек погружается во всех сферах своей жизни, в процессе работы, учебы, досуга, коммуникации и которая зачастую содержит для него гораздо больше смыслов, чем внешний материальный и социальный мир. В искусстве создания символических миров цифровым технологиям нет равных. Цифровая среда настолько притягательна для человека, что «сколько бы не говорили о сознательном ограничении времени пребывания в интернете, о манипулятивных и агрессивных медиа-технологиях, о деградации мышления и разрушении семейных отношений, экономия времени и усилий, удобство и простота переноса коммуникации в виртуальное пространство от взаимодействия школьников с учителем до госуслуг, высокая скорость получения необходимой информации перевешивает опасности и заставляет игнорировать риски» (Асеева, 2024: 27).

Современное подрастающее поколение настолько отчуждено от природы, что это вызывает серьезные опасения. Если детей просят нарисовать определенное животное или растение, почти в половине случаев они изображают известный образ из мультфильма (например, мышонок Микки-Маус, ежик

Соник), а не реальное живое существо, которого они, весьма вероятно, никогда в жизни не видели. Экраны телевизоров и смартфонов превратились в экраны, заслоняющие от детей живую природу. Дикие животные, птицы, грибы, леса становятся для детей, особенно живущих в мегаполисах, экзотикой. Их мир – это мир асфальта, машин, светофоров, небоскребов (Вагнер, 2011). Привычное с детства разделение мира природы и мира человека усугубляет экологический кризис, так как страдающая и гибнущая природа воспринимается как находящаяся «где-то там, вонне», за границами уютного и привычного человеческого мира.

По сути, современный человек сам создает и преобразовывает свой умwelt: «умwelt строится благодаря активной связи живого организма и окружающей его среды, которую он осваивает и превращает в свою среду. Поскольку условия окружающей среды текучи, постоянно изменяются, то отчасти перестраивается и умwelt живого организма, который активно адаптируется к изменяющимся условиям окружающей среды» (Князева, 2023: 132).

Что можно сделать для преодоления экологического кризиса, если старые меры неэффективны? Как вдохнуть «новую жизнь» в природоохранную деятельность? Необходимо вернуть природной среде статус умweltа, значимой среды. Напрямую это сделать невозможно, человечество не откажется от благ цивилизации и цифровизации, не вернется к жизни на лоне природы и к натуральному хозяйству.

Значимость природы для человека можно повысить через формирование экологического сознания и экологической культуры. Под экологическим сознанием в данном случае можно понимать «совокупность идей, представлений, убеждений, стереотипов и других духовных образований, отражающих и регулирующих взаимоотношения человека с окружающей средой» (Ашхамаф,

2010: 16). Сущностью же экологической культуры «является синтез эмоционально-чувственного и осознанно-ценностного отношения к окружающей среде и человеку как ее части, его психическому и социальному здоровью. Экологическая культура призвана характеризовать способы взаимодействия не только с природной, но и с социально-исторической средой. Она выполняет интегративную роль во взаимосвязях и взаимодействии материальной и духовной культур» (Дорошко, 2012). Личностные, нравственные качества человека, его эмоциональное, чувственно-образное отношение к природе зачастую имеют для формирования экологического сознания даже большее значение, чем теоретическая база. Например, очень важна развитая эмпатия, как способность сопереживать другому живому существу. Любование природой, эстетическое отношение к ней также повышает степень экологической осознанности. Прекрасное труднее решиться уничтожить и хочется сохранить для будущих поколений. Эстетическое отношение к природе может формироваться как напрямую в процессе ее созерцания, так и опосредованно, через отражение эстетики природы в живописных полотнах, к примеру, великих русских художников-пейзажистов, таких как И.И. Левитан и И.И. Шишкин. В способности восприятия эстетики природы и живописи прослеживается тесная взаимосвязь экологической культуры и общей культуры личности. Таким образом, для формирования полноценно развитого экологического сознания как основы экологической культуры важна как совокупность знаний о природе и ее защите, навыки их практического применения, так и любовь к природе, желание помогать ей и защищать ее.

При рассмотрении природы через призму концепции умвелта она, как и культура, наполняется смыслами. Смыслы зарождаются в процессе использования организмом возможностей,

предоставляемых окружающей средой. Смыслы и возможности зависят от видовой принадлежности животного, скажем, для собаки и воробья в одной и той же среде они будут разными. Ветка дерева бессмысленна для собаки, так как недостижима с земли. Для воробья же она имеет смысл, входит в его умвелт, так как на ней можно сидеть, искать пищу (насекомых), свить гнездо. Дж. Гибсон называл такого рода возможности аффордансами (affordances). Развитие и жизнедеятельность живого существа строятся на основе предоставленных и использованных возможностей.

К примеру, поверхность земли для животного – это не пространственное, геометрическое понятие. Животное не мыслит геометрическими категориями, они для него не имеют смысла. Смысл имеют возможности, полезные или вредные – опереться, вскарабкаться, спрятаться в нору, упасть, столкнуться. Воздух дает возможность дышать, вода – возможность утоления жажды. Друг для друга животные также предоставляют возможности – пищи, игры, размножения (Гибсон, 2002: 188-191). При этом «чем лучше восприятие адаптировано к окружающему пространству, тем больше возможностей и соответственно отдельных объектов индивид находит» (Мойжес, 2020: 42).

Гибсон вообще считает ошибочным разделение естественного и искусственного, природы и культуры: «существует только один мир, каким бы многообразным он ни был, и все животные живут в нем, несмотря на то, что мы, очеловеченные животные, преобразовали его для своей пользы» (Гибсон, 2002: 192-193). Таким образом, теория аффордансов находит свое применение не только по отношению к природной среде, а, например, при анализе виртуального мира компьютерных игр: «...играть значит воспринимать, использовать и изменять возможности, связанные с игровой системой и другими участниками игры»

(Linderoth, 2011). Игрок обнаруживает в игровом пространстве и использует возможности, зачастую, как и в мире природы, неожиданные. Окружающей средой в данном случае является пространство игры, а использование предоставляемых им возможностей осуществляется по аналогии с адаптацией к среде.

Термин «умвельт» может применяться для анализа как мира животных, так и человека, культуры и социума: «Umwelt человека может быть понят как жизненный мир человеческого вида, т.е. как специфичность чувственного восприятия и изначальных концептуализаций, предопределенных биологической природой и нервно-психологической организацией Homo sapiens. Это жизненный мир человека в его предельной общности, за которой следуют жизненные миры отдельных сообществ и индивидов, где к детерминирующим факторам общебиологического характера добавляются культурные особенности больших общностей – такие, как категориальный строй языка и разделяемая мифология – и малых общностей – коллективная память, система авторитетов и т. п.» (Михайлов, 2017: 202). По-видимому, различие умвельтов (выбор своей версии жизненного мира) зависит от пола, возраста, профессиональной принадлежности. В одном и том же микрорайоне в умвельт ребенка войдут детская площадка и киоск с мороженым, ученого – книжный магазин и библиотека, автомобилиста – заправка и магазин автозапчастей.

Гуманитарные методы все больше проникают в экологию и укореняются в ней. Дильтеевское противопоставление «наук о природе» и «наук о духе» размывается: «в том же ключе, как толковали ранее священные или юридические тексты – так же сегодня ученые, философы обращаются к природе – истолковывая, применяя, примеряя ее к своей собственной

реальности» (Щедрина, 2023: 95). Если мы хотим продвинуться на пути преодоления экологического кризиса, мы должны перестать воспринимать природу как нечто внешнее, чуждое. «Сегодня эколог, практикующий герменевтическую методологию – это тот, кто разговаривает – и с природой, и с людьми» (там же). Истинное понимание, переживание природных процессов означает, что случившееся в природе человек должен воспринимать как случившееся в родном доме, а не в далекой стране. В этом и заключается изначальный смысл понятия «экология», произошедшего от греческого «ойкос» – дом.

Если говорить не об отдельных гуманитарных экологических дисциплинах, а о гуманитарной экологии в целом, то ее можно определить как науку, изучающую «природу и символические, психологические, этические, религиозные, культурные и другие отношения человека с природой при помощи методов гуманитарных наук – этики, эстетики, культурологи, теологии, истории, этнографии, социологии, политологии, лингвистики, фольклористики и т. д.» (Сикорская, 2008: 4). Недостатком этого определения является некоторая его узость, поскольку в качестве окружающей среды оно учитывает только природную среду, оставляя без внимания разнообразие других сред, окружающих человека: социальную, культурную, техногенную и символическую. Одним из постулатов гуманитарной экологии является утверждение о том, что «единицей выживания является не индивид или вид, а организм-и-его-окружающая среда» (Harries-Jones, 1995: 66), которая, как показано выше, для современного человека давно уже несводима к природной. Основная цель гуманитарной экологии состоит в объединении идей и методов естественных и гуманитарных наук на основе понятия окружающей среды. Важную роль экологии

в объединении знаний о природе и социуме подчеркивал еще В.С. Степин: «Экологическое знание играет особую роль в формировании научной системы представлений о той сфере природных процессов, с которой человек взаимодействует в своей деятельности и которая выступает непосредственной средой его обитания как биологического вида. Эта система представлений образует важнейший компонент современной научной картины мира, который соединяет знания о биосфере, с одной стороны, и знания о социальных процессах – с другой» (Степин, 2006: 357). Гуманитаризация экологии как нельзя лучше воплощает собой одну из важнейших тенденций постнеклассической науки – тенденцию человекообразности. Природа и социум – два сложных и неравновесных мира, настолько тесно переплетенных между собой, что их рассмотрение по отдельности оказывается зачастую невозможным. Отличительной чертой всех перечисленных выше направлений, за счет которых экология расширила свой предмет, является включенность в них человека. Человек служит объединяющим звеном, так как оказывает влияние на природу, создает культуру, и сам изменяется под влиянием среды.

Практика показывает, что экологическое сознание и мышление, сформированные извне, как реакция на природоохранные лозунги и систему экологических запретов, поверхностны и неэффективны. До сих пор борьба с экологическим кризисом предполагала подход к экологии как к «науке о природе» (в дильтеевском и риккертском смысле), для познания которой мы прибегаем к процедуре объяснения. При таком подходе природа является чем-то внешним и чуждым для нас. Чтобы получить от природы какое-то знание, ее нужно «пытать», как завещал Ф. Бэкон. Такой подход к природе, зародившийся в Новое

Время, господствовал в науке в течение нескольких веков. Это классический пример экофобной культуры, в рамках которой человечество удовлетворяет за счет природы свои нужды, не заботясь о ее дальнейшей судьбе. Возможно, именно в этом кроется причина того, что экологический кризис до сих пор не преодолен, а многие проблемы приобретают все большую остроту.

Гуманитаризация экологии предполагает не объяснение, а *понимание* природы, то есть отношение к ней как к чему-то значимому, внутреннему, как к умельту. Напрямую вернуть такое отношение к природе современному урбанизированному, оторванному от своих природных корней человеку очень сложно. Включение в познавательное поле экологии мира культуры, социума, а также символических миров делает эту науку ближе и понятнее современному человеку, для которого именно эти миры являются умельтом. Необходимо преодолевать, например, жесткое разграничение мира природы и городской среды. Именно на это направлены новейшие проекты в области урбанистики (вертикальное озеленение домов, создание смешанных природно-культурно-спортивных зон, концепция биосферосовместимого градостроительства.)

Успешное преодоление экологического кризиса невозможно без возвращения природе статуса значимой жизненной среды человека. Для этого предмет экологии должен расшириться, включив в себя, в рамках средового подхода, всю значимую для человека среду – культурную, природную, символическую. Такое переплетение сред может быть парадоксальным и даже, на первый взгляд, негативным. Но в конечном итоге оно отражает культурно-историческое измерение экологической науки. Например, чернобыльская катастрофа зачастую включается в сознание современных подростков не сама по себе, как историческое и экологическое

событие, а через сюжет компьютерной игры. Старшему поколению это может казаться странным и неправильным, но, будь игры, возможно, подростки не знали бы о Чернобыле вообще ничего. Таким образом, происходит трансформация понятия экологической культуры, которая «является результатом отражения экологической проблематики взаимосвязи общества с природой в разных сферах культуры (науке, искусстве, литературе, технологии, религии и др.) с использованием как рационального (научного, понятийного), так и иррационального (чувственно-образного, художественного, мифологического) способов мышления, сочетания разных форм формального, неформального, информального образования» (Алексеев, 2015: 47).

Через понимание природы, пусть даже опосредованное ее преломлением в символических мирах, человек приближается к формированию личностного, глубокого экологического сознания. Хотелось бы надеяться, что такого рода экологическое сознание, сформированное в масштабах человечества, сможет повысить статус экологии и вывести борьбу с экологическим кризисом на принципиально новый уровень. Такого рода надежду укрепляет тот факт, что гуманитаризация экологического образования признана основным вектором его развития до 2030 г. (Дзятковская, Захлебный: 2021).

Литература

Алексеев, С.В. К вопросу о культуре устойчивого развития и ее оценке // Биология в школе. 2015. № 3. С. 47-57.

Асеева, И.А. Кривое зеркало цифровизации // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 25-33.

Ашхамаф, А.Р. Экологическое сознание: к проблеме определения понятия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история,

социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 3. С. 15-18.

Вагнер, И.В. Гуманитарная экология: как преодолеть отчуждение от природы и развивать ценности экологической этики // Вестник ТГПУ. 2011. № 13. С. 189-191.

Вагнер, И.В., Глазачев, О.С., Глазачев, С.Н. Фактор культуры в проблемном поле экологии человека: информационное общество и экологическая культура // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Социально-экологические технологии. 2013. № 2. С. 21-37.

Гибсон, Дж. Восприятие как функция стимуляции // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимовой, М.Б. Михалевской. М.: ЧеРо; Московский психолого-социальный институт, 2002. С. 182-200.

Дзятковская, Е.Н., Захлебный, А.Н. Гуманитаризация экологического образования как вектор его развития до 2030 г. // Непрерывное образование: XXI век. 2021. Вып. 1 (33). С. 1-14.

Дорошко, О.М. Современные подходы к определению понятия «Экологическая культура» // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-ekologicheskaya-kultura> (дата обращения: 14.09.2024).

Князева, Е.Н. Ландшафты миров живых существ: экосемиотический подход // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 3 (37). С. 122-141.

Князева, Е.Н. Понятие Umwelt Я. Фон Иксюля и перспективы экологической мысли // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2014. № 1. С. 68-74.

Колесникова, Д.А. Координаты визуальной экологии // Визуальная экология: формирование дисциплины: Коллективная монография / под ред. В.В. Савчука. СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 12-18.

Лисеев, И.К. Экофилософские основания биосферосовместимого градостроительства // Архитектура, градостроительство, историко-культурная и экологическая среда городов Центральной России, Украины и Беларуси. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти

засл. архитектора РФ В.Н. Городкова. Брянск: Брянская государственная инженерно-технологическая академия, 2014. С. 306-311.

Лихачев, Д.С. Экология культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 485-499.

Махотин, Д.А. Цифровая среда и образовательная среда: взаимосвязь понятий. Что важнее для педагогической науки? // Интерактивное образование. 2020. № 2. С. 2-5.

Миловатский, В.С. Об экологии слова. М.: Просветитель, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://heathen.narod.ru/library/milovatskiy.html> (дата обращения: 14.09.2024).

Михайлов, И.Ф. К онтологии жизненного мира человека: современный взгляд // Вопросы социальной теории. 2017. Т. IX. С. 200-211.

Мойжес, Л.В. Анализ идеологического потенциала видеоигры с точки зрения теории аффордансов Джеймса Гибсона // Социология власти. 2020. Т. 32. № 3. С. 32-52.

Николаева, Е.Н., Зотов, В.В., Попел, А.Е. Гуманитарная экология как ответ на глобальный кризис культуры и цивилизации // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 5А. С. 111-117.

Петрова, Е.В. Экология как методологический принцип // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Мат-лы XIV Всерос. очно-заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чита, ЗабГУ, 2023. С. 55-65.

Реймерс, Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. 364 с.

Савчук, В.В. Прологомены к критериям загрязнения визуальной среды // Визуальная экология: формирование дисциплины: Коллективная монография / под ред. В.В. Савчука. СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 19-44.

Сикорская, Г.П. Гуманитарная экология: Учебная программа. Екатеринбург: УрГУ, 2008. 20 с.

Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени канд. наук. М.: Гардарики, 2006. 314 с.

Устюгова, Е.Н. Экология культуры: грани проблемы // Вестник СПбГУ. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. Вып. 3. С. 64-69.

Филин, В.А. Визуальная среда города // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2006. № 2. С. 43-50.

Франко, Е.П., Франко, М.В. Экология языка в современном обществе // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 26-33.

Щедрина, И.О. Историческая память и нарратив: экологические контексты. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 174 с.

Щедрина, И.О. Экогерменевтика как междисциплинарный феномен // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 4. С. 92-101. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-0-9

Harries-Jones, P. A Recursive Vision: Ecological Understanding and Gregory Bateson. Toronto: University of Toronto Press, 1995. 358 p.

Linderoth, J. Beyond the Digital Divide: An Ecological Approach to Gameplay // Think Design Play: The fifth international conference of the Digital Research Association (DIGRA). Hilversum, The Netherlands, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20170809131302id/http://www.cul.gu.se/infogluCalendar/digitalAssets/1775376968_BifogadFil_Beyond%20the%20digital%20divide%20SUBMITTED%20VERSION%20CORRECTED.pdf (дата обращения: 14.09.2024) DOI:10.26503/TODIGRA.V1I1.9

References

Alekseev, S. V. (2015), "On the issue of the culture of sustainable development and its assessment", *Biologiya v shkole* [Biology in school], 3, 47-57 (in Russ.).

Aseeva, I. A. (2024), "The distorting mirror of digitalization", *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2, 25-33 (in Russ.).

Ashkhamaf, A. R. (2010), "Ecological consciousness: on the problem of defining the concept", *The Bulletin of the Adyghe State University, series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*, 3, 15-18 (in Russ.).

Doroshko, O. M. (2012), "Modern approaches to defining the concept of 'Ecological culture'", *Russian Journal of Education and Psychology*, 9 [Online], available at:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-ekologicheskaya-kultura> (Accessed 14 September 2024) (in Russ.).

Dzyatkovskaya, E. N. and Zakhlebnyy, A. N. (2021), "Humanitarianization of environmental education as a vector of its development until 2030", *LIFELONG EDUCATION: The 21st Century*, 1 (33), 1-14 (in Russ.).

Filin, V. A. (2006), "Visual environment of the city", *Herald of the International Academy of Science. Russian Section*, 2, 43-50 (in Russ.).

Franko, E. P. and Franko, M. V. (2019), "Ecology of language in modern society", *Political Linguistics*, 5 (77), 26-33 (in Russ.).

Gibson, J. (2002), "Perception as a function of stimulation", *Psikhologiya oshchushcheniy i vospriyatiya* [Psychology of sensations and perception], in Gippenreyter, Yu. B., Lubimova, V. V. and Mikhalevskaya, M. B. (eds), *CheRo*; Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute, Moscow, Russia, 182-200 (in Russ.).

Harries-Jones, P. (1995), *A Recursive Vision: Ecological Understanding and Gregory Bateson*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.

Knyazeva, E. N. (2014), "The Concept of Umwelt by J. von Uexküll and the Prospects of Ecological Thought", *Herald of the International Academy of Science. Russian Section*, 1, 68-74 (in Russ.).

Knyazeva, E. N. (2023), "Landscapes of Living Worlds: An Ecossemiotic Approach", *ИПАЭИМА. Journal of Visual Semiotics*, 3 (37), 122-141 (in Russ.).

Kolesnikova, D. A. (2016), "Coordinates of visual ecology", *Vizualnaya ekologiya: formirovaniye distsipliny* [Visual Ecology: Formation of a Discipline], in Savchuk, V. V. (ed.), Publishing House of the Russian State Academy of Arts, St. Petersburg, Russia, 12-18 (in Russ.).

Likhachev, D. S. (2015), "Ecology of Culture", *Izbrannyye trudy po russkoy i mirovoy kulture. 2-ye izd.* [Selected Works on Russian and World Culture. 2nd ed.], in Zapesotskiy, A.S. (ed.), Publishing House of St. Petersburg State University of Printing Arts, St. Petersburg, Russia, 485-499 (in Russ.).

Linderoth, J. (2011), "Beyond the Digital Divide: An Ecological Approach to Gameplay",

Think Design Play: The fifth international conference of the Digital Research Association (DIGRA), Hilversum, The Netherlands, [Online], available at: https://web.archive.org/web/20170809131302id/http://www.cul.gu.se/infoglugueCalendar/digitalAssets/1775376968_BifogadFil_Beyond%20the%20digital%20divide%20SUBMITTED%20VERSION%20CORRECTED.pdf (Accessed 14 September 2024). DOI:10.26503/TODIGRA.V1I1.9

Liseev, I. K. (2014), "Ecophilosophical foundations of biosphere-compatible urban development", *Arkhitektura, gradostroitelstvo, istoriko-kulturnaya i ekologicheskaya sreda gorodov Tsentralnoy Rossii, Ukrainy i Belarusi* [Architecture, urban development, historical, cultural and ecological environment of the cities of Central Russia, Ukraine and Belarus. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the memory of the honored architect of the Russian Federation V. N. Gorodkov], Publishing House of the Bryansk State Engineering and Technological Academy, Bryansk, Russia, 306-311 (in Russ.).

Makhotin, D. A. (2020), "Digital environment and educational environment: the relationship between concepts. What is more important for pedagogical science?", *Interaktivnoye obrazovaniye* [Interactive education], 2, 2-5 (in Russ.).

Mikhaylov, I. F. (2017), "Towards the ontology of the human life world: a modern view", *Voprosy sotsialnoy teorii* [Questions of social theory], IX, 200-211 (in Russ.).

Milovatskiy, V. S. (2001), *Ob ekologii slova* [About the ecology of words], Prosvetitel, Moscow, Russia [Online], available at: <https://heathen.narod.ru/library/milovatskiy.html> (Accessed 14 September 2024) (in Russ.).

Moyzhes, L. V. (2020), "An Analysis of the Ideological Potential of a Video Game from the Perspective of James Gibson's Affordance Theory", *Sociology of Power*, 32 (3), 32-52 (in Russ.).

Nikolaeva, E. N., Zotov, V. V. and Popel, A. E. (2019), "Humanitarian ecology as a response to the global crisis of culture and civilization", *Culture and Civilization*, 9 (5A), 111-117 (in Russ.).

Petrova, E. V. (2023), "Ecology as a methodological principle", *Problema sootnosheniya yestestvennogo i sotsialnogo v obshchestve i cheloveke* [The Problem of the

Relationship between the Natural and the Social in Society and Man. Proceedings of the 14th All-Russian In-person and Correspondence Scientific and Practical Conference with International Participation], Publishing House of the Transbaikal State University, Chita, Russia, 55-65 (in Russ.).

Reymers, N. F. (1994), *Ekologiya (teorii, zakony, pravila, printsipy i gipotezy)* [Ecology (theories, laws, rules, principles and hypotheses)], Magazine "Russia Young" Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Savchuk, V. V. (2016), "Prolegomena to the criteria of pollution of the visual environment", *Vizual'naya ekologiya: formirovaniye distsipliny* [Visual Ecology: Formation of a Discipline], in Savchuk, V. V. (ed.), Publishing House of the Russian State Academy of Arts, St. Petersburg, Russia, 19-44 (in Russ.).

Shchedrina, I. O. (2022), *Istoricheskaya pamyat i narrativ: ekologicheskiye konteksty* [Historical Memory and Narrative: Environmental Contexts], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow; St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shchedrina, I. O. (2023), "Ecohermeneutics as an interdisciplinary phenomenon", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (4), 92-101 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-0-9

Sikorskaya, G. P. (2008), *Gumanitarnaya ekologiya: Uchebnaya programma* [Humanitarian Ecology: Curriculum], Publishing House of the Ural State University, Yekaterinburg, Russia (in Russ.).

Stepin, V. S. (2006), *Filosofiya nauki. Obshchiye problemy: Uchebnik dlya aspirantov i soiskateley uchenoy stepeni kand. nauk* [Philosophy of Science. General Problems: Textbook for postgraduate students and candidates for the degree of candidate of science], Gardariki, Moscow, Russia (in Russ.).

Ustyugova, E. N. (2013), "Ecology of Culture: Facets of the Problem", *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy.*

Conflict Studies. Culture Studies. Rerligious Studies, 3, 64-69 (in Russ.).

Vagner, I. V. (2011), "Humanitarian Ecology: How to Overcome Alienation from Nature and Develop the Values of Environmental Ethics", *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 13, 189-191 (in Russ.).

Vagner, I. V., Glazachev, O.S. and Glazachev, S.N. (2013), "The cultural factor in the problematic field of human ecology: information society and ecological culture", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Seriya: Sotsialno-ekologicheskie tekhnologii* [Bulletin of M. A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Social and ecological technologies], 2, 21-37 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Петрова Екатерина Викторовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; philosophyx@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-0814-6173

Researcher ID (Web of Science): M-4524-2016

ABOUT THE AUTHOR:

Ekaterina V. Petrova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; philosophyx@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-0814-6173

Researcher ID (Web of Science): M-4524-2016

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-2

R. V. Šoškić

“The Society of the Spectacle”: a Diagnosis of (Post)Modernity
and Its Challenges¹

University of Priština in Kosovska Mitrovica,
Filipa Višnjića St., Kosovska Mitrovica, 38220, Republic of Serbia; radoje.soskic@pr.ac.rs

Abstract. This paper critically examines the complexities of contemporary society through the theoretical framework of Guy Debord’s *The Society of the Spectacle* (1967), highlighting how modernity has transformed individuals from passive observers of the world to egomaniacal creators of their own reality, ultimately leading to a sense of alienation and existential unease. Furthermore, the paper elucidates the transition from a state of survival to one of collective psychosis, where the pursuit of abundance and commodification has ensnared individuals within a perpetual cycle of materialism and alienation. Debord’s concept of the spectacle is discussed to demonstrate how it has evolved into a tool for the suppression of genuine human interaction and a mechanism for upholding the prevailing status quo. The pivotal role played by the Situationist International and Guy Debord in confronting this social paradigm is also explored. Emphasis is placed on their concerted efforts to foment change and reignite a sense of enchantment in a world that has forfeited its mystique. In conclusion, the paper acknowledges the enduring relevance of Debord’s insights in the contemporary milieu, positing that rebellious youth, seeking to secure their own freedom, should turn to his works for guidance in addressing the challenges posed by “the society of the spectacle”.

Keywords: spectacle; society; Guy Debord; reality; falsehood; alienation; postmodernity

For citation: Šoškić R. V. (2024), “*The Society of the Spectacle: a Diagnosis of (Post)Modernity and Its Challenges*”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 20-26, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-2

Шошкич Р. В.

«Общество спектакля»: диагноз (пост)модерности
и его проблемы¹

Приштинский университет в г. Косовска-Митровица,
ул. Филипа Вишничца бб, Косовска Митровица 38220, Сербия; radoje.soskic@pr.ac.rs

Аннотация. В статье критически анализируются сложные аспекты современного общества через теоретическую призму труда Ги Дебора «Общество спектакля» (1967). При этом подчеркивается, как современность превратила индивидов из пассивных наблюдателей мира в эгоманьяков, создающих свою собственную реальность, что в конечном итоге приводит

¹ This study was supported by the Ministry of Science, Technological Development and Innovations of the Republic of Serbia (Contract No. 451-03-66/2024-01/200184).

к чувству отчуждения и экзистенциального беспокойства. Кроме того, в статье раскрывается переход от состояния выживания к состоянию коллективного психоза, когда стремление к изобилию и товаризации вовлекает индивидов в бесконечный цикл материализма и отчуждения. Концепция спектакля, предложенная Дебором, обсуждается как инструмент подавления подлинного человеческого взаимодействия и механизм поддержания существующего статус-кво. Также исследуется ключевая роль, которую сыграли Ситуационистский интернационал и Ги Дебор в противостоянии данной социальной парадигме. Особое внимание уделяется их скоординированным усилиям по стимулированию изменений и возрождению чувства очарования в мире, утратившем свою мистику. В заключении статьи признается неослабевающее значение идей Дебора в современном контексте; утверждается, что бунтующая молодежь, стремящаяся обрести свою свободу, должна обратиться к его трудам за руководством в решении проблем, связанных с «обществом спектакля».

Ключевые слова: спектакль; общество; Ги Дебор; реальность; ложь; отчуждение; постмодерность

Для цитирования: Шошкич Р. В. «Общество спектакля»: диагноз (пост)модерности и его проблемы // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 20-26. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-2

1 INTRODUCTION

If we attempt to temporarily extricate ourselves from the reality we are entangled in as members of contemporary society, we will be overwhelmed by a horror akin to that experienced by Blaise Pascal when he became aware of the boundless vastness of the universe. It would not be superfluous to apply the words of the French thinker uttered at that time to our situation: “Le silence éternel de ces espaces infinis m’effraie.”¹ However, the significant difference lies in the fact that Pascal stood as a stranger before an infinity he was not the cause of, so it is not surprising that a fragile being from a galactic province feels threatened when confronted by such a force. What is terrifying is precisely this – feeling like a stranger and threatened by a world one has created for oneself. How did we even get to this point? We must briefly consider the diagnosis of the modern era that Pascal provided at its inception. Terrified by the infinity of the universe that had opened before him, the

modern man transformed into a Cartesian egomaniac, as this seemed easier than accepting that he is a “a lone straw tossing in the whirlwind,” confining himself within the bounds of a world he has created for himself (Njegos, 2016: 26). The incomprehensible unknown was translated into an infinite realm of possibilities, and a biologically feeble being was elevated to a level of omnipotence through the glorification of the mind and its powers. There came a moment in human history when, through the telescope, we peered through the keyhole of the starry vaults. Reflexively turning our gaze back to the earth, frightened by the cold and darkness discovered on the other side, we have not dared to squint back at the heavens through even one closed eye to this day. Thus pinned to the earth, we directed all our strengths and abilities towards it. The paradigmatic figure of the new era became the farmer, who cultivates the land that seems to gladly submit to the metamorphosis performed by a conscious being. The task was clear – to

¹ “The eternal silence of these infinite spaces frightens me” (eng.).

adapt a cold and alien world to human needs, warming it to a temperature the skin can endure. Playing with our creative powers, and placing ourselves at the center of this process, we seem to have overplayed our hand. Temporally and spiritually distant from the initial optimism characteristic of the dawn of this project, we are finally able, if we muster the strength, to view its product in the right way.

2 LIFE OUT OF BALANCE

Here, we can invite the reader to engage in a thought experiment, similar to the one conducted by our French friend in the seventeenth century. Let us take as a starting point a worker on an assembly line in a large factory in America, absentmindedly repeating the same motions for hours, and slowly distance ourselves from them, casting our gaze over the vastness of that very plant, just one of many in the multitude of such factories. Beyond this production line, our view will quickly meet the lights of a metropolis, its skyscrapers, people bustling underneath, supermarkets, and shopping centers that could accommodate thousands of consumers. If we are fortunate enough to observe this city from a spatial distance under the night sky, we will see car lights passing by at an elusive speed, leaving a trail that more closely resembles a play of lights than the movement of real people in our earthly space and time. For the sake of clarity in illustrating what we are talking about, it would be precious to watch the film by Godfrey Reggio, *Koyaanisqatsi*, whose images present the products of modern human efforts in their full dimension. When we encompass all these images within a whole, if we attempt to bring them to life before us and translate them into a proper experience, we will exhale, bringing us back to the starting point: “The eternal silence of these infinite spaces frightens me.”

It should be emphasized once again that such a conscious or unconscious feeling of contemporary people places them in a more unfavorable situation than that of Pascal’s contemporaries. There is nothing more

dreadful than the coldness of one’s own home when a person is nowhere, not even within themselves, at home. Those who are awake to such a feeling cannot reconcile themselves with such a situation because it compels them to make a change. This is why the aforementioned director aptly chooses the title of his film. The word “koyaanisqatsi” denotes a life that is out of balance, i.e., a state calling for a change in the existing way of life. If we look at the events in the second half of the twentieth century, especially the 1960s, we will see that this period was marked by precisely this kind of unrest. Some responded with war, others with the hippie movement, and still, others with peaceful and not-so-peaceful protests. Some fought for human rights, others killed their leaders, and some were in a hurry to leave this planet in search of better spaces that we had not yet ruined. Some authors believe that this general state of affairs was an alarm to governments worldwide that a way must be found to calm the masses, make them more obedient, and willing to maintain the existing order. The method to achieve this was the pacification of people through technology. As we, especially the offspring of the third millennium, are witnessing, the result of this process is the inhabitants of a virtual space whose content is controlled, thereby producing a consciousness that will be obedient, largely unaware of problems, and even less prepared for any form of resistance. We now see a hybrid of the human species in front of us, one that does not think or question but only accepts and consumes content designed to entertain it and distance it from the unbearable situation in which it finds itself.

3 GUY DEBORD AND THE SITUATIONIST INTERNATIONAL

What is the role of Guy Debord and the Situationist International in raising awareness and confronting such a setup? The idea and role of the situationists at that time are well represented in Charles de Gaulle’s televised address in 1968: “This explosion has been caused by several groups who are rebelling against modern, consumerist, technological

society, both the communist one in the East and the capitalist one in the West. These groups do not know what to replace such a society with, but what they enjoy are negation, destruction, violence, anarchy, and waving black flags”.² Although more than half a century has elapsed since Debord’s *The Society of the Spectacle* was published, the fact remains that it is still referred to in criticisms of modern consumer society, and his insights seem more relevant than ever. Michael Löwy, in his work *Morning Star: Surrealism, Marxism, Anarchism, Situationism, Utopia* (2009), explains the comprehensiveness of Debord’s insights, warning that it is erroneous to interpret Debord’s “society of the spectacle” merely as the tyranny of television. On the contrary, it represents a much broader ambition that seeks to reveal the economic, political, and social system of modern society as elements of a “society of the spectacle,” which turns individuals into passive observers of the movement of commodities (Löwy, 2009).

It is important to note that Debord never aimed to be a mere theoretician of such a society but to create a movement capable of changing the existing society. Löwy, besides identifying the influences of Hegel, Marx, and Lukács in Debord’s work, also sees him as an author aligned with the romantic approach of Blake, Morris, Fourier, and Breton. The correlation of Debord with Romanticism allows for the fact that even the famous situationists never hid their fascination with earlier forms of social organization. Nevertheless, Debord’s orientation towards the past never implied a Rousseauian desire to return to some previous state. Instead, it served as a driving force to provoke the dismantling of the existing order. According to Löwy, another aspect of Debord’s approach that aligns him with these thinkers is his attempt to “re-enchant” a “disenchanted” world. The method Debord chooses to achieve this is akin

to the path of Mephistopheles, a force that negates everything. Thus, Debord follows the line of destruction and negation of the existing order, often without providing an alternative to pave the way forward.

4 SPECTACLE AS A SUBSTITUTE FOR REALITY

The image of reality that Debord paints could be understood, in line with the influences he has received from other authors, as an inverted Hegelianism. The situation we live in could be seen as a re-inversion of the “inverted world.” The consciousness of our contemporaries is turning into a consciousness that enjoys the illusion and wants to spread it throughout all aspects of life until the last glimmer of truth is destroyed. Only such a process would guarantee that the illusion, in its culmination, becomes the only affirmed reality. Accordingly, the process unfolding before our eyes is no longer “progress in the consciousness of freedom,” but the progress of unfreedom in the unconsciousness of it and the enjoyment of this collective unawareness. Thus, Debord rightly observes: “Dans le monde réellement renversé, le vrai est un moment du faux” (Debord, 2010: 2)³. In this regard, it is entirely natural that Debord introduces us to the Society of the Spectacle, reminiscent of Feuerbach’s diagnosis of his own time, which he claimed represented an era in which the sign, the copy, and the spectacle are substituted for the signified, the original, and the essence, ultimately leading to the truth constantly eluding us, as illusion is the only thing we encounter and before which we bow in almost religious reverence.

Debord points out that the mere fact that the spectacle wants to present itself to our consciousness as a mere addition or decoration to life confirms the falseness of the reality created by the spectacle. According to Debord, the truth is that the spectacle is actually the

² The address is available at:
https://www.cvce.eu/en/obj/discours_de_charles_de_gaulle_sur_les_evenements_de_mai_68_paris_30_mai_1968-fr-77c0d5bf-e29b-4f73-97f8-bff6c17d00f0.html

(Accessed 12 July 2024). Translated into English by the author of the paper.

³ “In a world that is *really turned upside down*, the true is a moment of the false”. Translated into English by the author of the paper.

result and the goal of the existing order, and it is the center from which this order can only be understood. It represents the central phenomenon of contemporary society from which other seemingly unrelated phenomena are understood because it is not only the main product of modern society but is also the form of life imposed on the entire community, which operates under the motto: “ce qui apparaît est bon, ce qui est bon apparaît” (Debord, 2010: 3).⁴ According to Debord, the foundations of the “society of the spectacle” should be sought in a worldview that has now come to fruition. Within it, the long-lost unity of life is restored, where everything that was once immediately experienced is now reduced to the level of representation.

Interestingly, as part of this thesis, Debord simultaneously claims that the roots of the problem can be traced back to the time of the emergence of Western philosophy, which puts thought at the service of technical development and aims, according to Debord, to understand every activity as a representation. As an achievement and consequence of such a project that characterizes the development of Western civilization, the essence of the spectacle is revealed – social relations in any form can no longer be realized directly but are always mediated by images. Consequently, Debord suggests that the spectacle should be understood as the opposite of dialogue and as a means in the hands of the existing order, designed to inhibit the consciousness of the workforce or consumers and to prevent any form of direct interaction and communication between individuals. The spectacle thus becomes a machinery that produces alienation, and only alienation ensures a society composed of individuals who will be passive and unaware of their situation, and thus unprepared for any form of resistance. The

individuals making up this society do not have the status of masters over their own lives because the spectacle shapes their consciousness and manufactures their needs and desires according to the demands of the market. It should be noted that the figure of the consumer is simultaneously the figure of the producer, and the spectacle itself is a part of the production process. When these two premises are combined, along with Debord, we can easily conclude that the individual who enjoys the spectacle is akin to a commodity that strengthens its master and the shackles by which the master holds them. Through their own labor, individuals consolidate and maintain a situation where an impersonal and lifeless thing governs over conscious beings, depriving them of the ability to genuinely plan and shape their lives and construct immediate interpersonal relationships. The end result is the creation of a society solely composed of what Debord calls “des foules solitaires” (Debord, 2010: 7).⁵

5 FROM SURVIVAL TO COLLECTIVE PSYCHOSIS

What has led us to this state? Guy Debord places the emergence of the “society of the spectacle” within a broader process that can be related to Enlightenment theories of the social contract and the abandonment of Rousseau’s “natural man” through the process of emancipation, accompanying the development of productive forces. This process can be understood as part of what Debord names as “l’histoire réelle inconsciente” (Debord, 2010).⁶ Namely, the imagined human of the original communities was motivated solely by the goal of survival, and the mode of production at the time was suited to those aims. Incapable of satisfying all their needs in a world that was harsh due to

⁴ “What appears is good; what is good appears”. Translated into English by the author of the paper.

⁵ “lonely crowds”. Translated into English by the author of the paper.

⁶ “the unconscious history”. Translated into English by the author of the paper.

their physical inadequacy, these early humans initially produced only what was necessary to sustain their biological lives. According to Debord, over time, a “surplus of survival” was created, leading to the emergence of the commodity sector. This moment marked the beginning of economic development, primarily in quantitative terms. Economic growth, as the author interprets, liberated society from concerns about survival but also marked the advent of a new form of captivity. Paradoxically, this time, the figure that was previously called the liberator, the “abundance of commodities,” became the jailer. Following this analysis, we might conclude that something unusual happened in this developmental trajectory. Instead of using the liberation from fear for one's own existence as the basis for qualitative improvement and the meaningful planning of one's life, the liberated individual continues to enhance the quantitative aspect. It appears as if we are caught in a kind of collective psychosis caused by the primordial trauma of the possibility of not surviving in a world that is not the one we create ourselves. Thus, we act like people who are always stockpiling or saving for “a rainy day” or some catastrophe that has not yet occurred, rather than simply living and giving meaning to our experiences. Therefore, it is evident that the production and accumulation of what is produced create a cycle with no way out, reducing human life to mere survival. This outlined scheme and its underlying causes are also supported by Debord's claim that the continuous expansion of the dimensions of consumerist survival is motivated by a permanent “sense of scarcity.” The current state of affairs with the spectacle reaches its maximum because the spectacle is distinct from any other form of product in that it cannot be consumed in the true sense of the word – it can only be observed! The distinctiveness of the spectacle, as Debord masterfully points out, allows us to completely expose the false utility of commodities, while also highlighting

that mere quantitative production and the enjoyment of its products are an entirely wrong and unsuitable use of life for humanity.

6 CONCLUSION

Hannah Arendt once said in a letter to Karl Jaspers during the “pandemic” of protests in 1968 that she hoped that a future generation would remember those events in a way similar to how we talk about 1848 (Baehr, 2000). Unfortunately, from this historical distance and geographical proximity, it seems that this wave of rebellion only strengthened the mechanisms of repression, which became more aware of the threat to the existing order. The authorities knew that they might not have the opportunity to suppress such an uprising twice. The real question for us is: why did they succeed in the first place? Many believe that the failure of the youth uprising was primarily due to the fact that they knew the existing system was rotten but were divided on the alternative to replace it. From that perspective, the situationists faced the same problem in their confrontation with what they called the “society of the spectacle”.

Debord clearly conveys to his readers that he wanted to harm that society with his teachings. Time has shown that he didn't succeed in that regard. However, he has left us a rich body of work that helps us understand the “society of the spectacle,” which today seems stronger and more threatening than ever to our ability to think and resist. We dare say that Debord's failure was not because he attacked a construct that had taken over the world practically alone, but because he could not propose anything better than “NEVER WORK”. By urging people not to be content with a passive attitude towards life, reducing themselves to mere consumers of commodities, but to focus on consciously creating life, Debord was indeed close to the idea of a dignified and human existence. The key missing piece was the content and meaning of this new life. Debord was not sufficiently aware that it was not the capitalist mechanism that caused the meaninglessness, but that the meaninglessness allowed the emergence of the

capitalist mechanism. Debord often falls short of being an adequate interlocutor when it comes to providing an antidote to the current situation or identifying its hidden causes. On the other hand, it is difficult to find someone better than him to diagnose the situation we find ourselves in. That is why a new rebellious youth who seeks to secure their own freedom not only through thought but also through genuine active dismantling of the existing order should turn to him.

References

Baudrillard, J. (1994), *Simulacra and Simulation*, The University of Michigan Press, Ann Arbor.

Baehr, P. (ed.) (2000), *The Portable Hannah Arendt*, Penguin Books, New York.

Debord, G. (2010), *La Société du spectacle*, Gallimard-Jeunesse, Paris.

Gilman-Opalsky, R. (2011), *Spectacular Capitalism: Guy Debord and the Practice of Radical Philosophy*, Minor Compositions and Autonomedia, New York.

Löwy, M. (2009), *Morning Star: Surrealism, Marxism, Anarchism, Situationism, Utopia*, University of Texas Press, Austin.

McDonough, T. (2004), *Guy Debord and the Situationist International: Texts and Documents*, The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, USA.

Njegoš, P. P. (2016), *Gorski vijenac*, Kosmos Beograd & Nova Knjiga Podgorica, Beograd, Podgorica.

Reggio, G. (1982), *Koyaanisqatsi*, (film).

Литература

Baudrillard, J. *Simulacra and Simulation*. The University of Michigan Press, Ann Arbor, 1994. 164 p.

Debord, G. *La Société du spectacle*. Paris: Gallimard-Jeunesse, 2010. 221 p.

Gilman-Opalsky, R. *Spectacular Capitalism: Guy Debord and the Practice of Radical Philosophy*. New York: Minor Compositions and Autonomedia, 2011. 208 p.

Löwy, M. *Morning Star: Surrealism, Marxism, Anarchism, Situationism, Utopia*. Austin: University of Texas Press, 2009. 168 p.

McDonough, T. *Guy Debord and the Situationist International: Texts and Documents*. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, USA, 2004. 514 p.

Njegoš, P. P. *Gorski vijenac*. Beograd, Podgorica: Kosmos Beograd & Nova Knjiga Podgorica, 2016. 214 p.

The Portable Hannah Arendt / Baehr, P. (ed.) New York: Penguin Books, 2000. 576 p.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

ABOUT THE AUTHOR:

Radoje V. Šoškić, Associate Professor of Modern English and American Literature, Faculty of Philosophy, University of Priština in Kosovska Mitrovica, Filipa Višnjića St., Kosovska Mitrovica, 38220, Republic of Serbia; radoje.soskic@pr.ac.rs

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7690-2145>

Шошкич Радое В. неординарный профессор, философский факультет, Приштинский университет в г. Косовска-Митровица, улица Филипа Вишничича бб, Косовска Митровица 38220, Сербия; radoje.soskic@pr.ac.rs

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7690-2145>

УДК 93/94

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-3

Пенская Т. М. | **Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie...**
О концепции «Русского момента» Маршалла Т. По¹

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. История изучения процессов модернизации государства и общества и перехода от традиции к модерну в России прошла долгий путь. Исследователи разных школ и направлений предлагали самые разнообразные объяснения феномену русской модернизации, пытаясь ответить на вопрос, действительно ли Россия смогла пройти этот путь до конца и в чем своеобразие русского варианта модернизации. Естественно, что, обсуждая эту проблему, большинство ученых-гуманитариев рассматривали ее с европоцентричных позиций, помещая Россию, в зависимости от традиций школы, к которой они принадлежали, или в европейский контекст, или в азиатский. Американский историк Маршалл По в своей книге о «Русском моменте» в истории, которая стала бестселлером, попробовал дать оригинальный ответ на вопрос – почему Россия, в отличие от других раннемодерных неевропейских империй, смогла добиться успеха на пути модернизации при том, что стартовые условия у нее были неблагоприятны. Секрет успеха России, которая, по мнению М. По, и не Европа, и тем более не Азия, заключался в том, что русская военная элита сумела создать политический режим (самодержавие как идеальную форму монархии, доведенную до абсолюта), обеспечивший мобилизацию скудных российских ресурсов для противостояния экспансии Запада. Попутно самодержавие, как считал М. По, соответствующим образом перестроило русское общество, прибегнув к методам изоцированной социальной инженерии. Концепции М. По не откажешь в стройности, логичности и убедительности, но, как показывает автор рецензии, в погоне за эффектным изложением автор «Русского момента» преднамеренно опустил ряд существенных деталей русского исторического процесса. В результате при пристальном рассмотрении его концепции оказывается, что она страдает рядом врожденных изъянов, ставящих под сомнение всю ее целиком и, как считает автор рецензии, делает ее не более чем любопытным историографическим артефактом.

Ключевые слова: Средневековье; Новое время; традиция; модернизация; реформы; власть; общество; самодержавие; автократия; Россия

Для цитирования: Пенская Т. М. *Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie...* О концепции «Русского момента» Маршалла Т. По // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 27-50. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-3

¹(По, 2023). Первое издание: (Рое, 2003). Отметим, что перевод оригинального издания выполнен в целом вполне адекватно, почему дальше мы и будем ссылаться на русское издание, а не на оригинал текста. Отметим также, что «Русский момент» стал развитием тезисов, изложенных М. По в 2002 г. в работе «Правда о Московии» (Рое, 2002).

T. M. Penskaya

**Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie...
About the concept of the “Russian moment” by Marshall T. Poe**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. The history of studying the processes of modernization of the state and society and the transition from tradition to modernity in Russia has come a long way. Researchers from different schools and directions have offered a wide variety of explanations for the phenomenon of Russian modernization, trying to answer the question of whether Russia was really able to go this route to the end and what is unique about the Russian version of modernization. Naturally, when discussing this problem, most humanities scholars viewed it from a Eurocentric position, placing Russia, depending on the traditions of the school to which they belonged, either in a European context or in an Asian one. The American historian Marshall Poe, in his book about the “Russian moment” in history, which became a bestseller, tried to give his original answer to the question – why Russia, unlike other early modern non-European empires, succeeded on the path of modernization, given that the starting conditions were unfavorable to her. The secret of the success of Russia, which, according to M. Poe, is not Europe, and especially not Asia, was that the Russian military elite was able to create a political regime (autocracy as an ideal form of monarchy, brought to the absolute), which ensured the mobilization of the meager Russian resources to resist Western expansion. Along the way, the autocracy, as M. Poe believed, restructured Russian society accordingly, resorting to methods of sophisticated social engineering. M. Poe’s concept cannot be denied of harmony, logic and persuasiveness, but, as the author of the review shows, in pursuit of an effective presentation, the author of “The Russian Moment” deliberately omitted a number of essential details of the Russian historical process. As a result, closer examination of his concept reveals that it suffers from a number of inherent flaws that cast doubt on its entirety and, according to the author of the review, make it nothing more than a curious historiographical artefact.

Keywords: Middle Ages; Modern Age; tradition; modernization; reforms; power; society; autocracy; Russia

For citation: Penskaya T. M. (2024), “Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie... About the concept of the “Russian moment” by Marshall T. Poe”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 27-50, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-3

В минувшем году издательство «Весь мир» опубликовало русский перевод эссе известного американского историка-русиста Маршала Т. По «Русский момент в мировой истории». Написана она была в начале нулевых годов этого столетия, опубликована в 2003 г. и, по утверждению автора, стала своего рода эпилогом его

четвертьвековых изысканий в области русской истории. Как писал автор в предисловии к русскому изданию, «я изучал Россию на протяжении 25 лет и, по моему ощущению, сделал в этой области все, что собирался». Решив расстаться с занятиями русистикой, «соскочить» с темы, продолжал он далее, По счёл, что теперь

«наконец смогу написать то, о чем не раз думал, но о чем не писал, и сумею это сделать по-новому» (По, 2023: 9).

Заметим, что появлению «Русского момента» предшествовала статья «Правда о Московии» (Рое, 2002: 473-486), опубликованная годом ранее и вызвавшая реакцию ряда американских русистов (Halperin, 2002: 501-507; Kivelson, 2002: 487-489, and others). Надо полагать, что М. По в ответ на критические замечания решил расширить и дополнить свою аргументацию и доработал эту небольшую статью в более внушительный текст. Как определил сам историк цель своего нового исследования и аудиторию, к которой он обращается?

Во введении автор «Русского момента» формулирует ответы на эти вопросы. Он пишет, что «граждане демократической страны обладают всей полнотой власти в государстве и исполняют вытекающие из этого обязанности. Им необходимо знать свою историю и историю других народов», и это их право. Однако, продолжал дальше По, «профессиональные историки (и себя он не отделяет от этого сообщества. – Т.П.) <...> свою работу не выполняют», так как «они не умеют рассказать согражданам о наиболее важных исторических предметах так, чтобы это было интересно». Исторические монографии и очерки этой задаче, по мнению историка, не соответствуют, и потому, пишет По, «я хочу сделать то, что, по моему мнению, никто пока не сделал», а именно «доступно объяснить несведущему читателю, почему Россия встала на собственный путь развития; показать, какое значение для мировой истории имела ее эволюция и какими последствиями чреват для будущего России ее современный коллапс... (напомним, что книга была закончена в самом начале нулевых, когда будущее России представлялось в весьма мрачных красках. – Т.П.)» (По, 2023: 16). Поэтому, продолжал дальше М. По, «моей целью было просто изложить все, что я

знаю о ходе русской истории, в возможно более краткой книге, написанной телеграфным стилем (курсив мой. – Т.П.) ...» (По, 2023: 16).

Итак, желание доступно и просто объяснить несведущему читателю особенности исторического пути России определили форму предпринятого М. По исследования. Его работа представляет собой не столько традиционную, написанную в академическом стиле и оснащенную обширнейшим научно-справочным аппаратом монографию (что, на наш взгляд, неправильно – списка если не использованной, то хотя бы рекомендованной литературы в «Русском моменте» явно не хватает), сколько обширное концептуальное эссе, написанное в заведомо провокационном стиле. Исследователь намеренно заостряет свои тезисы, порой ставя в тупик читателя противоречащими друг другу утверждениями и подвергая жесткой критике устоявшиеся в историографии мнения и концепции.

Насколько автору «Русского момента» удалось выполнить свой замысел и «тряхнуть Москву», выступив возмутителем спокойствия в мире западной и отечественной русистики? В известном смысле удалось. Оригинальность подхода к анализу ключевых моментов русской истории и основных направлений ее развития вкупе с не менее оригинальной формой изложения концепции не остались незамеченными. Выход в свет «Русского момента» немедля вызвал к жизни поток рецензий и отзывов ведущих западных историков-русистов – даже беглый просмотр историографических разделов ведущих журналов дает полтора десятка отзывов, среди авторов которых такие авторитетные русисты, как М. Перри, Дж. ЛеДонн, Р. Хелли, П. Дьюкс, Д. Брауэр (Brower, 2003: 389-391; Dukes, 2006: 428-429; Hellie, 2005: 1163-1166; LeDonne, 2005: 130-132; Pettie, 2004: 553-555 и др.). Естественно, что и разброс мнений был весьма широким – от выдержанных во

вполне дружелюбном тоне, как, например, рецензии Р. Легволда (Legvold, 2004: 180), до довольно критических, как, например, отзыв Д. Кристиана (Christian, 2004: 880-881). Но все рецензенты отмечали, что при всех недостатках и уязвимых местах «Русского момента» (во многом, на наш взгляд, обусловленных как формой изложения, которая неизбежно вела к широким обобщениям, а дьявол, как известно, кроется в деталях, – так и стремлением автора эссе вложить в краткий объем без малого две тысячи лет русской истории) это оригинальное исследование заслуживает внимания и широкого обсуждения.

Посмотрим теперь, насколько восприняты были идеи М. По в России. Краткий дайджест «Русского момента» появился на свет уже в 2005 г. в реферативном журнале «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература», издаваемом ИНИОН РАН (Большакова, 2005: 28-39). Довольно объемистый десятистраничный реферат позволял читателю составить в целом полноценное представление о концепции американского исследователя, одно из важнейших положений которой гласит, что «Россия стала единственной из традиционных империй раннего Нового времени, которой удалось отстоять свою независимость перед лицом европейской гегемонии. Российская элита сумела выработать свой собственный механизм модернизации, отличный от европейского, и достигла серьезных успехов в экономическом, культурном и военном отношении, и при этом, в отличие других государств, не стала ни партнером, ни клиентом Европы» (Большакова, 2005: 29).

Казалось бы, при такой постановке вопроса российское историческое сообщество должно было обратить особое внимание на «Русский момент», однако этого не произошло. Нет, сказать, что эссе М. По было проигнорировано, нельзя (см., например: (Узлов, 2011: 34)), однако выход «Русского момента» не вызвал оживленной

дискуссии. Возможно, сложившаяся ситуация связана с необычной формой изложения и с тем, что оригинальный текст не только написан на английском языке, но и долгое время был относительно труднодоступен для основной массы отечественных исследователей, особенно в провинции (как правило, если они и используют работы зарубежных авторов, то не на языке оригинала, а в русском переводе). Будем надеяться, что теперь, по прошествии 20 лет, когда «Русский момент» переведен на русский язык, пусть и с серьезным запозданием (фактически можно говорить о том, что за это время выросло новое поколение историков, политологов, культурологов), обсуждение основных положений выдвинутой американским исследователем теории все же состоится.

И кажется, это обсуждение уже началось. И.И. Курилла, известный представитель либерального «дискурса» в отечественном историческом сообществе, дал свою оценку «Русскому моменту» и концепции Маршалла По на интернет-портале «Горький» (Курилла, 2024). Критик отметил, помимо прочего, что это «развернутое эссе», не являясь классической академической монографией, пользуется определенной популярностью – оно присутствует в списке рекомендованной литературы в 70-ти курсах, преподаваемых в англоязычных университетах. Но есть в этой концепции одно уязвимое место, продолжал далее рецензент: «Если мы не согласимся с постулируемым По исключением России из Европы, а представим ее одной из европейских держав, то самой проблемы в том, что она не оказалась подчинена Европой, не будет. Она и была Европой, а отношения между европейскими империями подчинялись другим международным закономерностям. Но тогда все красивое построение о полутысячелетнем “русском моменте” окажется под вопросом».

С таким утверждением можно было бы согласиться и на этом поставить точку – раз нет предмета обсуждения. Но есть одно «но», которое не позволяет это сделать. Да, конечно, русская элита, политическая и интеллектуальная, последние по меньшей мере два с половиной столетия позиционировала себя как часть элиты европейской, и связанные с этим позиционированием настроения со временем проникали все глубже и глубже в толщу общества. Но, говоря о подобного рода вещах, следует, на наш взгляд, всегда помнить о том, что подобного рода процесс идентификации носит двусторонний характер. Россия может считать себя Европой, но считает ли Европа (и Запад в целом) Россию частью своего «райского сада»? И ответ на этот вопрос стоит признать отрицательным, поскольку, как отмечал Л. Вульф (упомянутый, кстати, И.И. Куриллой), не Россия изобретала и навязывала концепт «Европы» как синонима «цивилизации» и «культуры» (Вульф, 2003). А в таком случае аргумент «против», приведенный Куриллой, следует полагать недействительным – Россия не Европа, как пишет Маршалл По, но и не Азия, «*Россию будет гораздо легче понять, приняв постулат о том, что она представляет собой явление культурно sui generis и исторически обособленное ...* (курсив мой. – Т.П.)», ибо она «возникла в той части света, в которой ранее не было цивилизаций и от которой современные ей цивилизации находились очень далеко», и «Россия сразу оказалась отдаленной от них во времени и пространстве» (По, 2023: 13).

Мы не случайно выделили именно это место. Собственно говоря, это один из ключевых тезисов в концепции исследователя, посредством которого он далее будет объяснять «инаковость» России и причины, по которым в итоге сложился особый русский цивилизационный путь, *Sonderweg*, и это то, что отличает Россию от Европы. Маршаллу По не откажешь в наблюдательности, ибо если европейский

«райский сад» сложился в пределах греко-римской Ойкумены, то территории, на которых впоследствии сложилось Русское/Российское государство и общество, находились на очень дальней периферии этой ойкумены, куда культурные и цивилизационные импульсы практически не доходили. И даже позднее, когда Русь попала в орбиту влияния «Византийского содружества» (Оболенский, 1998), все равно она оставалась медвежьим углом христианского мира, унаследовавшего в большей или меньшей степени античную цивилизационную традицию, выстраивая на этой основе свою идентичность. Великая схизма 1054 г., расколовшая доселе более-менее единый христианский мир на западную и восточную части, только усугубила ситуацию – религиозные отличия способствовали формированию восприятия русских европейцами как «других», равно как и русские воспринимали европейцев как «иных», о чем писал, к примеру, И. Нойманн (Нойманн, 2004). В этой связи нельзя не отметить наблюдения относительно особенностей рецепции византийского культурного наследия на Руси, расходящиеся с доминирующей в историческом сообществе (и в массовом историческом сознании) точкой зрения на Византию как на культурную метрополию по отношению к Руси, которые сделали отечественные исследователи В.М. Живов и С.А. Иванов (См.: Иванов, 2003; Живов, 2002: 73-115).

Итак, американский историк уверен в том, что правящая элита Русского/Российского государства сумела выработать свой *Sonderweg*, свой вариант модернизации (По, 2023: 149), который позволил ей на протяжении веков успешно сдерживать европейский экспансионизм. Как так получилось, почему именно Россия, а не, к примеру, Китай (который, как справедливо указывал По, «во времена династий Мин и Цинь экономически, технически и в военном отношении (до

появления у европейцев огнестрельного оружия) стоял на уровне других государств Западной Евразии» (По, 2023: 110)), сумела создать свой «момент»? В последующих главах Маршалл По поэтапно формулирует свой ответ на этот вопрос.

Прежде всего автор «Русского момента» отвечает на вопрос «Что такое Россия и чем она не является» – этому посвящена первая глава его эссе. По винит бесчисленное множество «средневековых монахов, книжников эпохи Возрождения, беллетристов эпохи Просвещения и нестройному хору современных ученых, знатоков и негодяев», которые смело брались за разгадку русской тайны, но лишь немногие сумели внести действительно стоящий вклад в это сложное дело. «Многое же, увы, никаких ценных сведений не несет.., – подчеркивал дальше По, – поэтому будет более чем уместным в нашем исследовании отбросить этот груз, чтобы получше разглядеть подлинное лицо России и ее народа» (По, 2023: 17).

Утверждение, согласимся, более чем смелое, ибо оно намекает открытым текстом на то, что значительная часть западной *Rossica* (как старой, так и современной) сформирована бэконовскими «идолами пещеры» и потому откровенно непригодна в качестве основы для дальнейших исследований в области русской истории, цивилизации и ментальности. Среди этих «идолов пещеры» По на первое место ставит, по его собственному выражению, «глупость», согласно которой русские некоторым образом предрасположены к авторитарному образу правления. Сделав столь категоричное утверждение, историк приводит и неопровержимое доказательство своей правоты: «Не будет преувеличением сказать, – пишет он, что демократическое правительство (в нашем понимании) является исключительно порождением Европы эпохи модерна» и «вплоть до недавнего появления демократического национального

государства европейского образца (а также оружия, способного его поддержать и распространить на иные земли), *правительство*, по сути своей, означало *недемократическое правление*». Россия в этом плане, делает вывод По, не отличалась от остального мира (По, 2023: 18).

Второй «идол», на который ополчился исследователь, – утверждение, что русским присуще особенное стремление к территориальной экспансии посредством войны. Да, пишет По, территория России за время ее существования существенно увеличилась, и преимущественно военным путем, «однако утверждать, что русские по своей природе – нация империалистическая и при этом единственная в таком роде, можно, только надев исторические шоры», поскольку «истина состоит в том, что почти все государства воевали и расширялись». Правда, воинственность и экспансионизм прежних государств По выводит из того, что, по его мнению, «вплоть до конца XIX в. во главе государств преимущественно стояли военные», почему и «русская правящая элита вела себя точно так же, как любой другой военный правящий класс: она сражалась с подобными себе противниками за славу и пространство», при этом, подчеркивал исследователь, русская экспансия была направлена на территории малонаселенные, на которых обитали туземцы с традиционным образом жизни. В случае экспансии в западном направлении, «в сторону густонаселенной, хорошо организованной, технически оснащенной Европы, они (русские. – Т.П.) неизменно терпели неудачу» (По, 2023: 18-19), или же их успехи носили временный характер. Заметим, что и для европейской экспансии была характерна такая же особенность – внутри самой Европы территориальные границы более или менее устоялись в эпоху Модерна, и с тех пор особо не передвигались, если не считать образования национальных государств во

второй половине XIX – первой половине XX вв.

Третий «идол» Бэкона, с которым сражается По, это представления о каком-то особенном, присущем русским, врожденном мессианизме. «Русское мессианство есть плод размышлений начитавшихся Гегеля русских историсоффов конца XIX в.», которые, как полагает По, «неправильно истолковав ряд довольно расхожих текстов XVI в. касательно *translation imperii*..., выдумали, что московиты считали себя истинными наследниками Римской империи, чье предназначение – спасение мира». «К счастью, – продолжал историк, «все меньше и меньше людей воспринимали такое *напыщенное пустословие* (курсив мой. – Т.П.) всерьез, особенно когда стало ясно, что цели Кремля (и тогда и теперь) скорее земные, нежели духовные» (По, 2023: 19-20).

Покончив с этими «идолами», По переходит к главному, по его мнению, заблуждению относительно России. Россия – это не Европа, безапелляционно заявляет он, и «то, что Россия в итоге оказалась в Европе, есть следствие исторической случайности, а именно геополитического превосходства Европы, навязавшей миру свои собственные географические понятия». Однако Россия и не Азия, утверждает историк, так как «концепция единой Азии полностью искусственна; она есть грубое порождение европейского империалистического высокомерия, склонного стричь все под одну гребенку (и как тут не вспомнить нашумевший в свое время «Ориентализм» Э. Саида [(Саид, 2006)] ...)» (По, 2023: 23). А раз Россия не Европа и в то же время не Азия, то кто же она в таком случае? По уверен в том, что Россия является *российской*. Стоит заметить, что в таком мнении М. По не одинок – так, французский историк А. Берелович в 2001 г. писал о том, что русских раннего Нового времени отделяло от их современников в Европе «иное понимание

пространства, времени, отношений между людьми и институтами, которые этими людьми управляют» (См.: Berelowich, 2001).

Связано эта «русскость», по его мнению, далеко не в последнюю очередь с тем, что изначально «Россия оставалась обособленным, северным княжеством, удаленным от основных торговых путей и, таким образом, от великих цивилизационных источников, существовавших в Европе, на Ближнем Востоке, в районе Амударьи и в Восточной Азии (курсив мой. – Т.П.)» (там же). С этим утверждением американского исследователя можно в равной степени и согласиться, и не согласиться, поскольку степень изоляции Руси от окружающего мира По явно преувеличивает, так как формирование раннесредневекового Русского государства происходило на перепутье двух великих торговых путей, связывавших север Европы, циркумбалтийскую культурно-цивилизационную общность, с Средиземноморьем через «путь из варяг в греки», и со Средней Азией по Волге (Древнейшие государства Восточной Европы, 2017; Лебедев, 2005). Другое дело, что впоследствии, во время кризиса XIII в., реконфигурация торговых маршрутов способствовала определенной изоляции части Русской земли, прежде всего северо-восточной, да и то степень этой изоляции не стоит преувеличивать (см., например: Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга, 2005; Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования, 2010)).

В результате восточные славяне как первопроходцы на территории, которая станет ядром Русского государства, принесли с собой «самое поверхностное знание иудео-христианских и греко-римских традиций, которые в глубинно-историческом смысле являются основанием европейскости», но при этом «они ничего не знали о классических культурах Ближнего Востока, Центральной

Азии, Индии или Китая» (По, 2023: 24). Этот тезис относительно культурно-исторической обособленности России М. По повторяет раз за разом, и вряд ли этот повтор можно отнести на счет его невнимательности и пренебрежения окончательной редактурой текста. Сделано это, очевидно, сознательно, именно в расчете на тех же студентов, которым в руки попадет это эссе – повторение, как известно, мать учения, особенно если речь идет о фундаментальных тезисах, определяющих самую глубинную, «ядерную» сущность концепции автора.

Во второй главе своего эссе М. По анализирует предысторию Русского государства, начав с эпохи Великого Переселения Народов и славянской миграции с исторической прародины к северу от Дуная на территорию Восточной Европы. Здесь историк отмечает любопытную особенность, присущую предкам русичей. «Славяне были необычайно динамичны», – пишет он, и, развивая далее свою мысль, указывает, что им удалось сделать то, на что оказались не способны ни их предшественники, ни соседи, а именно – «создать сельскохозяйственные поселения в очень неблагоприятных условиях европейского северо-востока» (По, 2023: 28).

Стоит заметить в этой связи, что еще С.М. Соловьев писал о том, что «природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной Европы, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха» (Соловьев, 1991: 8). В работах отечественных историков в последующие десятилетия, как в советское, так и в постсоветское время, этот тезис получил дальнейшее развитие (Дулов, 1983; Кульпин, 1995; Милов, 2001 и др.), хотя разделялся и не всеми исследователями. Так, например, Б.Н. Миронов писал, что «хотят того сторонники географического детерминизма или нет, но природа под их пером превращается в своего рода “козла отпущения” и на нее взваливается вина за культурную и экономическую отсталость,

за недостатки политического и общественного устройства страны...» (Миронов, 2003: 58).

Конечно, по мере развития общества и с переходом от аграрных цивилизаций первой волны к индустриальным второй (Э. Тоффлер) зависимость от природных условий снижается (но никогда не исчезает полностью), однако никто не смог опровергнуть тезис, выдвинутый Л.Н. Гумилевым: «Как бы ни была развита техника, все необходимое для поддержания жизни люди получают из природы...» (Гумилев, 2001: 8). И для традиционных аграрных культур зависимость от природно-климатических условий носит самый прямой и непосредственный характер. Относительная бедность Восточно-Европейской равнины природными ресурсами неизбежно налагала серьезные ограничения на развитие как общества, так и государства. Невысокий уровень получаемого прибавочного продукта не позволял создавать и поддерживать нормальное функционирование сложных политических и социально-экономических систем, вынуждая восточных славян и их потомков искать паллиативные пути выхода из создавшейся сложной ситуации, расходуя на это и без того ограниченные ресурсы. Остается только снова пожалеть об отсутствии в «Русском моменте» хотя бы краткого списка литературы, которую использовал М. По при написании своего эссе: любопытно было бы узнать, знаком ли он, к примеру, с «Великорусским пахарем» Л.В. Милова. Во всяком случае, в тексте второй главы нетрудно найти параллели между той негативной характеристикой, данную По природно-климатическим условиям, в которых приходилось действовать славянам-первопоселенцам на территории Восточной Европы (По, 2023: 31-32), и аналогичными положениями труда Л.В. Милова.

Любопытным представляется сравнение восточных викингов (надо полагать, прежде всего свеев) и западных

(данов и норвежцев), сделанное М. По. «Деятельность западных викингов базировалась на ветшавших остатках старой имперской инфраструктуры, тогда как восточные викинги должны были начинать на голом месте», почему западные викинги для По – наследники, а вот восточные (как и восточные славяне) – первопроходцы, со всеми вытекающими отсюда последствиями и для государства, и для культуры (По, 2023: 35-37).

Тем не менее, подчеркивал американский исследователь, несмотря на все трудности, связанные с климатом; бедность на природные ресурсы; примитивность аграрного сектора как основы экономики раннесредневековой Руси, необходимость вести постоянные войны с накатывавшимися со стороны Великой Степи волнами кочевников (от нашествия которых Европа после вторжения мадьяр в начале X века была надолго избавлена); русичи и их правящая элита сумели справиться с этими трудностями и создали, по словам По, авторитетную западноевропейскую империю. Правда, несколькими абзацами далее в присутствии ему парадоксальном и противоречивом стиле историк называет Русь «мелким и отсталым государством» (По, 2023: 39). Отсталым, в каком-то смысле, может быть и да, если сравнивать его с той же Византией, но мелким?

Эта империя, переживавшая внутренний кризис с XII века, в следующем столетии получила смертельный удар со стороны другой группы кочевников, пишет По, но тут же делает весьма симптоматичную оговорку. Эта точка зрения набирает число сторонников и в отечественном историческом сообществе в последние десятилетия – с легкой ли руки Л.Н. Гумилева? (И снова вопрос, знаком ли М. По с его трудами и с его концепцией?) Основательно раскритикованная, эта идея, тем не менее, запустила серьезную дискуссию, которая не закончилась и по сей день (Кривошеев, 1999: 93-160). Исследователь разоблачает очередной миф

о русской истории – миф о монгольском иге. Это «иге», полагал По, было результатом попытки «несколько запутавшихся историков и философов» объяснить, почему, казалось бы, Россия как европейская страна, сошла с «истинного пути западного развития» (По, 2023: 39). Монголы представляли собой удобную причину, посредством которой можно было объяснить такой поворот в русской истории. Однако, считал автор «Русского момента», монголы «едва ли <...> были столь уж гнетущей силой, какой их изображают русские летописи или националистическая российская историография», так как «помимо финансовых тягот (возможно, возмещавшихся ростом торговли внутри *Rax Mongolica*) и привнесением механизмов принудительно-административного регулирования, монголы вряд ли оказали какое-либо существенное влияние на Русь» (По, 2023: 41).

Мысль, что и говорить, выглядит весьма дерзкой и вызывающей невольное отторжение – перефразируя известное выражение, «монгольское иго – как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось!». Однако если попробовать взглянуть на эту проблему в сравнительно-историческом разрезе, сравнивая положение русских земель под властью ханов Золотой Орды с ситуацией, которая сложилась, к примеру, в той же Средней Азии или в Половецкой степи, то тезис По не будет столь дерзким. Батый и его преемники не стали полностью переформатировать под себя внутреннее устройство Русской земли (за исключением южной Руси), сохранили местную элиту (князья довольно быстро приспособились к новому порядку, используя его в своих целях) и обычаи (в том числе правовые), церковь даже выиграла от установления ордынского правления. Единственный, кто проиграл, это русский мужик, на которого легли дополнительные поборы и повинности, он же расплачивался своей

жизнью и свободой в межкняжеских разборках и во время карательных походов ордынцев. В общем, в какой-то степени М. По был прав, когда писал о том, что «монголы были своего рода землевладельцами-лендлордами, живущими вдали от своей собственности: пока вы аккуратно вносите квартплату, вас не трогают». Московские князья, похоже, поняли это раньше других, и с этого момента началось их восхождение (По, 2023: 24).

Третья глава «Русского момента» носит характерное название «От Руси к России» (снова на память приходит одна из работ Л.Н. Гумилева с таким же заголовком (Гумилев, 2016)). Начинает ее американский историк с очередного парадокса, отметив, что на протяжении длительного времени принято было считать, что Московское государство было наследником государства Древнерусского и что в таком утверждении есть элементы истины (sic-!). Однако дальше По доказывает, что *Translatio Imperii* из Киева в Москву – не более чем выдумка. Конечно, если рассматривать исторический процесс прямолинейно, то так оно и будет, однако наш автор в этом случае снова лукавит, опуская ради красоты концепции ряд звеньев цепочки. Ведь вплоть до 70-х гг. XIII в. не кто-нибудь, но владимирские князья, потомки Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, считались, пусть и номинально, но киевскими князьями, и в Киеве сидели их наместники. И тогда же Москва стала столицей удела младшего сына Александра Невского Даниила Александровича, который, согласно лестничному праву (о котором По знает), в свое время мог бы претендовать на киевский стол. Так что претензии московских князей, прямых потомков Владимира Мономаха, на Киев и прочие города западной и южной Руси как неотъемлемой части «Ярославова наследия» имели под собой серьезные по тем временам основания, и в каком-то

смысле *Translatio Imperii*, пусть и виртуально, но все же имело место.

Точно так же лукавит По и тогда, когда утверждает, что «будет правильнее предположить, что Москва стала наследницей Сарая, столицы отдельной части Монгольской империи – кипчакского ханства (или Золотой Орды, как она именуется в российских источниках)» (как тут не вспомнить статью М. Чернявского «Хан или василевс!» (Cherniavsky, 1959: 459-476)). «Кипчаки покровительствовали московским князьям, по сути, заключив с ними взаимовыгодное соглашение: кипчаки признали верховную власть Москвы на Руси, за что последние обязались исправно поставлять дань» (По, 2023: 45), – писал далее автор «Русского момента», ради красоты концепции опуская ряд существенных подробностей политических отношений князей Северо-Восточной Руси и ордынских «царей» в первой половине XIV в. и в особенности в последующие полтора столетия, до начала XVI в., когда с падением Большой Орды пресловутое «иго» рассеялось.

Без особого труда в этой главе находит внимательный читатель, хорошо знакомый с перипетиями русской истории удельного периода, еще одно лукавство американского историка. Речь идет о «собирации земель», которое он полагает очередным мифом «в пантеоне священных русских исторических мифов», основу которого заложили «высокопарные сочинения московских монахов», некритично воспринятые «русскими националистическими историками» (По, 2023: 47). Вообще-то, скорее речь нужно вести о двух параллельно продвигавшихся процессах. С одной стороны, это пресловутое «собираение земель», когда московские князья, пользуясь тем, что они были еще и верховными суверенами на северо-востоке Руси, великими князьями владимирскими, разными способами расширяли пределы своего «домена». При этом стоит подчеркнуть, что, если следовать логике М. По, то возвышение

Москвы было случайностью, и на ее месте вполне могла бы оказаться та же самая Тверь. Как тогда повернулась бы история Русского государства? Появился бы «Русский момент» или нет? Сам По рассматривает такую вероятность в последней главе, но без особого энтузиазма, полагая, что главный секрет успеха московской ветви Рюриковичей носил субъективный характер и определялся особой талантливостью московских великих князей (По, 2023: 109-110) – утверждение более чем спорное!

С другой же стороны, мы можем наблюдать «собрание власти», ранее разделенной в рамках «семейного права» Рюриковичей между всеми князьями этого дома, а теперь постепенно возвращавшегося в руки великого князя (о том, какими методами собирал власть и землю Василий II, блестяще написал в своем «Витязе на распутье» А.А. Зимин (Зимин, 1991)). В итоге, как писал А.Е. Пресняков, «единодержавие и самодержавие московских государей явилось итогом собрания раздробленной власти над территорией Великороссии и ее населением» (Пресняков, 1918: 409).

Обращает на себя внимание еще одно противоречие. Во второй главе М. По утверждает, что монголы не оказали сколько-нибудь серьезного влияния на Русь, но в третьей главе, напротив, подчеркивает, что «пока монголы были сильны, <...> московский двор копировал степные манеры», «москвиты переняли степной стиль поведения» (По, 2023: 51). Представляется, что и в этом случае автор «Русского момента» сознательно пожертвовал важными деталями ради красоты выдвинутой им теории. Ведь сам историк не раз подчеркивал прежде культурную разность русского мира и мира ордынского, мира христианского и мира языческого, а затем мусульманского. В таком случае, можно ли вести речь о том, что московский двор (равно как и любой другой княжеский двор) мог перенять степные обычаи и тем самым отказаться от

своей христианской идентичности как главного маркера, позволявшего отличить «своего» от «другого»?

Однако первые три главы «Русского момента» при всех их плюсах и минусах не более чем введение к главной части эссе, поскольку основные концептуальные идеи автора излагаются с четвертой по девятую главы (последняя выступает в роли своего рода послесловия, написанного в жанре исторической альтернативы «что могло бы быть, если...»). И вот что обращает на себя внимание: М. По не то чтобы с ходу отрицает наличие определенных исторических закономерностей, но полагает, что историческая случайность не только существует, но и играет в историческом процессе немаловажную, если не определяющую, роль (9-я глава в основном и посвящена роли случайности в истории). «Некоторые события происходят совершенно случайно, – писал он, – по капризу непредсказуемой судьбы», и многовековой конфликт между Московской Русью и Европой он относит именно к такого рода историческим случайностям. Почему?

Ответ на этот закономерный вопрос в изложении американского исследователя звучит следующим образом: «Люди, создавшие Московскую империю, не выбирали, по крайней мере, осознанно, ее местоположение. Их предки пришли на эти земли в незапамятные времена; территория эта принадлежала их потомкам по праву наследования, и поэтому именно здесь они приступили к строительству своей империи», но «волей судеб они оказались по соседству с цивилизацией нового типа, возникшей в Европе, цивилизацией гораздо более могущественной и опасной, чем какая бы то ни было в истории человечества, и не сыграли никакой роли в ее генезисе» (По, 2023: 53). При этом сам по себе процесс формирования цивилизации нового типа именно в Европе, а не в том же Китае По полагает исторической случайностью. И в этом есть определенный смысл, поскольку трудно не согласиться,

когда историк пишет, что «несмотря на геркулесовы усилия, приложенные к решению данной загадки, ни один историк пока не в состоянии убедительно объяснить, почему экспансионистская, превзошедшая конкурентов в военном смысле, протоиндустриальная цивилизация возникла сначала в Европе, а, например, не в Китае» (По, 2023: 54).

Действительно, попытки объяснить взлет Европы на исходе позднего Средневековья и в раннее Новое время сродни аналогичным попыткам изыскать причины, обусловившие пресловутое «греческое чудо» эпохи античности. Историки могут много рассуждать на эту тему, но, как правило, их объяснения равно причин «чуда греческого», и «чуда европейского» носят обычно ангажированный характер или, в лучшем случае, следуют принципу *post hoc, ergo propter hoc* – ответ подгоняется под уже известный результат (применительно к русской истории подобным образом решается проблема причин возвышения Москвы в XIV–XV вв.).

Вот и в нашем случае М. По, по большому счету, пытаясь дать объяснение упомянутому «европейскому чуду», также сворачивает на эту скользкую дорожку. В его картине мира «пересмотр античной образованности почти во всех областях человеческой деятельности – политике, религии, философии, искусстве, литературе – полностью преобразовал интеллект европейцев» и послужил отправной точкой взлета Европы. Еще более важно, с его точки зрения, что «европейцы познали способ изобретения крайне полезных и могущественных вещей», ибо, «погрузившись в систематическое изучение законов природы, ученые, умельцы и ремесленники Возрождения создали инструменты, во много раз увеличивавшие человеческие возможности <...> научились постоянно улучшать свои изобретения и приспособливать их к менявшимся условиям» (По, 2023: 55).

Орехи в такой трактовке причин и сущности «европейского чуда» видны невооруженным глазом, но самый главный недостаток состоит в том, что М. По не только и не столько сдвигает временные рамки и смешивает воедино достижения разных эпох, от Возрождения до Просвещения и позднее, сколько формулирует ответ, исходя из итогового результата. Ведь если исходить из того, что Россия отставала от Европы в XVI или XVII вв., то в XVIII в. – уже нет, во всяком случае, в экономической сфере, да и в первой половине XIX столетия ее отставание фиксируется при сравнении с той же Великобританией, но от Британии тогда отставали все.

Причины отставания России от Запада в деле модернизации М. По видит в ее бедности и замкнутости. В результате она не могла позволить себе, к примеру, роскошь поддержки предприимчивого класса купцов как одного из важнейших двигателей модернизации, полагал автор «Русского момента», и в итоге экономика Московии оставалась средневековой по своей структуре и характеру. У России мог быть выход, ибо она «могла бы положиться на иностранных купцов и чужеземные методы производства, но, как и в случае культурного импорта, – продолжал далее историк, – ей казалось, что подобные заимствования несут духовную угрозу». В результате, полагал автор «Русского момента», «религиозные предрассудки препятствовали притоку капитала и технологий, которые могли бы стимулировать экономический рост» (По, 2023: 56-58).

И снова представляется, что М. По опять лукавит, не договаривает во избежание разрушения концепции. Так, например, русское купечество раннего Нового времени совсем не чувствовало себя чужим на этом празднике жизни. Один только факт, что оно составляло один из четырех «великих чинов» Русского государства, наряду со священным, служилым и земледельческим

(Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв., 1975: 312), говорит сам за себя. Назвать его консервативным, неповоротливым, приверженным традиционным методам и приемам торговой и финансовой деятельности никак не получается. Напротив, оно было весьма предприимчиво, изворотливо, активно перенимало новшества в коммерческой и финансовой сферах (Бессуднова, 2021: 64-87), ворочая порой немалыми капиталами. Эти капиталы, быть может, были и не сравнимы с богатствами тех же Фуггеров или североитальянских банковских домов, но были достаточными, к примеру, для поддержания активной трансконтинентальной торговли (Монахан, 2024; Kotilaine, 2005). При этом, как подчеркивала Э. Монахан, русское государство не только понимало важность и потенциал торговли, но и активно поддерживало ее и регулировало посредством экономических и внеэкономических, административных мер (Монахан, 2024: 81-82).

Что же касается импорта капиталов и технологий, то здесь любопытную позицию занял И. Валлерстайн. Анализируя процессы складывания европейской мир-экономики в XVI в. и сравнивая Россию и Польшу, он пришел к выводу, что политика русских монархов, прежде всего Ивана Грозного, заключалась в превращении России в империю, обладавшую собственной мир-экономикой, а не в кусок европейского пирога, как это случилось с Польшей. И в этом они преуспели, не допустив превращения России в сырьевую периферию северо-западной Европы (как случилось с той же Польшей), сохранив при этом собственное национальное купечество (Валлерстайн, 2015: 374, 389, 391, 393, 398). И если, предположим. М. По в момент написания «Русского момента» не был знаком с работами Я. Котилейне, Э. Монахан и М.Б. Бессудновой, то вряд ли он не читал И. Валлерстайна и не был знаком с его оценкой торго-

экономической политики того же Ивана Грозного.

Также нельзя согласиться и со следующим пассажем исследователя, который касается так называемой «военной революции» в Западной Европе, выразившейся прежде всего в широком распространении огнестрельного оружия и вызванных им переменами в тактике и стратегии европейских армий (Hale, 1985; The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe, 1995; Parker, 1988; Roberts, 1967: 195-225 и др.). «Московиты реагировали на этот новый вызов довольно медленно», – утверждает По, подчеркивая, что многочисленные неудачи русских в столкновениях с европейскими армиями в конце XVI – начале XVII вв. были обусловлены тем, что «московиты не умели производить огнестрельное оружие и не знали, как обучить солдат его использованию» (По, 2023: 24). Надо ли еще раз повторять, насколько далеко это утверждение от реальности (Курбатов, 2017; Лобин, 2019; Лобин, 2022; Малов, 2006 и др.)? Положим, М. По не знаком был в момент написания «Русского момента» с работами таких современных российских историков-специалистов по истории русского военного дела в раннее Новое время, как О.А. Курбатов, А.В. Малов или А.Н. Лобин (они начали активно публиковаться после выхода в свет «Правды о Московии» и «Русского момента»), но с классическими работами П.П. Елифанова и в особенности А.В. Чернова он точно должен был быть знаком (Елифанов, 1977; Елифанов, 1979; Чернов, 1954). Ссылаться же на события Смуты и вовсе несерьезно – поражения русских в эти годы были связаны не столько с их военной отсталостью (стоит заметить, что в Смутное время можно сыскать отменные примеры того, как русские активно и успешно перенимали передовой западноевропейский военный опыт и применяли его против иностранных интервентов и собственных «воров»

(Бибииков, 1946: 3-16)), сколько с общим кризисом русской государственности (Курбатов, 2014).

Вместе с тем проблема вызова (точнее, вызовов), перед которым оказалось русское государство и общество в раннее Новое время, остается, и в этом с американским исследователем нельзя не согласиться. Собственно говоря, обозначив эти вызовы в четвертой главе, в последующих главах М. По формулирует основные положения ответа, выработанного русской правящей элитой на них, и объясняет, в чем заключается секрет русской модернизации, почему она смогла устоять перед натиском европейцев, когда ее соседи и современники, «традиционные» империи Великих Моголов, Османская, Сефевидская или Цинь (не говоря уже об американских «империях» ацтеков и инков) – нет.

Прежде всего, считает американский исследователь, на руку московской правящей элите сыграла география. К счастью, как оказалось, Русское государство на первых порах не имело протяженной береговой линии, не граничило непосредственно с могущественными соседями (По, 2023: 63). Неприятель (те же современные европейские армии и флоты) сталкивались с непреодолимым препятствием – временем и расстоянием. А если принять во внимание еще и редкое население, на порядок уступающее по плотности западноевропейскому и даже центрально-европейскому, что создавало столь же непреодолимые проблемы со снабжением, то фактически сердце Русской империи было защищено природой лучше, чем самыми совершенными укреплениями в духе *tracé italienne*, причем совершенно даром.

Вторая причина, позволившая России выжить, заключалась, по мнению М. По, в ее особенном политическом устройстве – автократии или самодержавии. Это главный пункт в его доктрине. Рассмотрим

его основные положения, а затем подвергнем их анализу и критике.

Сперва остановимся на трактовке термина «самодержавие» в изложении автора «Русского момента». Он писал, что «самодержавие представляет собой разновидность монархии: монархия – это единовластие, а самодержавие – неограниченное единовластие», причем, по мнению историка, именно русское самодержавие является идеальным – «в России самодержец не был ограничен ничем, кроме божественного Закона». Правда, дальше он добавляет, что «самодержец должен был считаться с обычаями», но тут же оговаривается, что обычаи «как правило, очень далеки от правовой практики» (По, 2023: 65).

Почему в России сложилось именно самодержавие? По выделяет ряд причин. Первая – заимствование из Византии христианской политической философии, согласно которой самодержец на земле уподобляется Богу на небесах (глухая отсылка к учению Евсевия Кесарийского об императорской власти как подобии власти Божественной). Другая причина связана с суровыми природно-климатическими условиями, ибо «жизнь на севере опасна. Любая ошибка или несчастный случай чреваты замерзанием, голодом или насильственной смертью», почему на Руси не могло быть и речи о какой-либо серьезной личной свободе. Наконец, третья причина – именно самодержавие могло обеспечить единое военное управление. В результате, писал исследователь, «самодержавие позволило военной элите проводить такие реформы, которые не могла бы позволить себе более сложная и более хрупкая политическая система». По той же причине, продолжал далее По, иностранные наблюдатели не видели в России политики как выраженного явственно конфликта организованных групп (впрочем, когда А. Берелович говорит о местничестве как о конфликте не личностей, но «кланов» (Berelowich, 2001: 61, 379, 382, 396), то можно ли считать этот

феномен именно «конфликтом организованных групп», т.е. политикой? – на наш взгляд, вполне), а только лишь рабское повиновение (По, 2023: 66-68). Одним словом, складывание самодержавия как абсолютного единовластия способствовало запуску мобилизационного механизма, посредством которого военная элита Русского государства смогла наверстать военно-техническое отставание от Запада в критический момент. Необходимость же осуществления жестких мобилизационных мер способствовала трансформации социальных структур и институтов – хотя бы, как выразился По, через «национализацию» крестьянского труда и прикрепления его к земле (По, 2023: 70).

Вывод историка: «Используя мобилизационные и организационные средства самодержавия, московский воинский класс вознамерился и оказался в состоянии осуществить то, что не смогли или не захотели сделать инки, ацтеки, турки-османы, Сефевиды, Великие Моголы или империя Цинь: трансформировать общество для защиты собственных интересов <...> Результатом этих реформ стало появление социальной организации, невиданной на земном шаре» (По, 2023: 72).

Своеобразие этой организации состояло, по мнению М. По, в следующем. В Европе государственная система раннего Нового времени возникла естественным путем, посредством эволюции уже существовавших ранее институтов и отношений. В России же политические, административные и иные институты, присущие раннемодеิร์น государственности (автор «Русского момента» выделяет четыре, по его мнению, наиболее важных ее компонента – разветвленная административная система, общественная сфера, protoиндустриальное производство и вооруженная огнестрельным оружием армия), создавались в ходе реформ XVI–XVIII вв. как результат целенаправленной

социальной инженерии, осуществляемой самодержавием. То, что именно государство, говоря словами А.С. Пушкина (которые мы вынесли в заголовок нашего обзора), было «единственным европейцем в России», продвигавшим вперед дело модернизации сверху, составляло главное отличие России от Европы (По, 2023: 74-76, 78). Примечательно, что М. По высоко оценивает деятельность партии большевиков, которая пришла к власти в России в 1917 г. Не замалчивая мрачные стороны их деятельности, он, тем не менее, подчеркивает, что «используя традиционные методы русского государственного строительства, большевики смогли создать важнейшие инфраструктурные характеристики современного общества, какими они были в тогдашней Европе и Америке» (По, 2023: 98). Таким образом, американский исследователь настаивает на том, что партия большевиков, хотя и пыталась доказать, что она не имеет и не хочет иметь ничего общего со своими предшественниками, однако использовала те же методы, что и они, доведя до конца модернизацию русского общества и почти уравнивая Россию с ее западными антагонистами.

Итак, на первый взгляд, М. По удалось (по крайней мере, так считал он в 2003 г.) открыть секрет успеха русской модернизации, перехода от архаики к модерну. И секрет этот состоял в том, что класс «примитивных вояк» (определение, использованное автором «Русского момента») сумел создать политическую систему, которая смогла мобилизовать скудные ресурсы России и ее общества для ответа на вызов со стороны Запада. Ключевое звено этой системы – самодержавие, под которым М. По понимает абсолютную, никем и ничем неограниченную власть, вне зависимости от того, принадлежит ли она царю, императору или генеральному секретарю и политбюро.

Американский историк абсолютизирует роль государства и его персонального (или коллективного, в советском варианте) олицетворения. Вслед за А.С. Пушкиным он приходит к выводу, что именно государство в России и есть единственный европеец, который не стесняется в средствах для осуществления модернизации, которая призвана сохранить Россию перед лицом враждебно настроенного по отношению к ней Запада. Что ж, в стройности и убедительности этой концепции не откажешь, но при одном условии – если не вдаваться в детали российского исторического процесса. А если это сделать, то отмеченные стройность и убедительность предложенной М. По теории начинает расплываться и вызывать больше вопросов, чем ответов.

Прежде всего отметим, что государство как таковое есть понятие историческое, оно меняется со временем, становится более сложно устроенным и могущественным. Звучит банально, но приходится писать об этом, поскольку М. По этот момент никак не оговаривает. Для него государство изначально обладает достаточным влиянием и авторитетом, чтобы навязать свою волю обществу, или, как выразился автор «Русского момента», заняться эффективной «социальной инженерией». При этом американский историк по существу отказывает западным государствам в этой возможности («Европейским монархам в государственном строительстве нужно было прилагать сравнительно мало усилий при создании различных общественных структур. Они просто использовали наличные ресурсы их обществ»), но уверен в том, что в России это было и необходимо, и осуществимо («наоборот, русские, ничем подобным не обладавшие, были вынуждены вплотную заниматься созиданием, применяя методы социальной инженерии» (По, 2023: 76)).

Если следовать логике М. По, московские государи имели дело с некоей аморфной, крайне слабо

структурированной социальной массой («по евразийским стандартам Русь была удивительно однородным обществом: там существовал малочисленный класс воинов, было немного горожан и огромная масса крестьян, охотников и собирателей. Такое положение в основном сохранялось и во времена Московской Руси» (По, 2023: 67)). Из нее они, используя те самые методы «социальной инженерии» (откуда они взялись, непонятно, ведь сам историк пишет, что у московитов «не было ни философии, ни науки, ни политической теории» (По, 2023: 56), ergo, надо вести речь о «русском чуде»), создавали необходимые институты и отношения, посредством которых они закладывали основы пресловутого «Русского момента» М. По так и пишет: «В государстве <...> не было таких групп, которые бы не создал он [самодержец. – Т.П.] сам и которые он бы не поддерживал». Но те «статусные группы», о которых писал несколькими строками выше американский историк (надо полагать, он имел в виду упоминавшиеся нами выше московские «четыре великих чина», черное и белое духовенство, служилые люди, купечество и крестьянство) – они созданы монархом или же монархи лишь узаконили, придали легальный характер тем социальным общностям и структурам, которые благополучно существовали до них?

Вопрос этот немаловажен, поскольку характер ответа на него во многом определяет и отношение к концепции М. По. Широкомасштабное и эффективное применение методов социальной инженерии предполагает, что государство в лице самодержца (и/или военной элиты? Но тогда самодержавие, получается, не такое уж и самодержавие, раз оно рассеивается среди множества участников политического процесса) располагает и соответствующим инструментарием, и необходимыми ресурсами, и надлежащим отрефлексированным и принявшим вид некоей теории опытом – всем тем, что позволяет ему форматировать

«удивительно однородное общество» по своему разумению вне зависимости, хотят ли это общество перестраиваться или нет.

Допустим, что это так. Но вот российский историк К.В. Петров в 2008 г. отмечал, что «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе», так что «слабой была не власть Ивана III или Василия III над своими боярами, *относительно слабым было государство в возможности осуществлять меры принуждения в отношении населения ...* (курсив мой. – Т.П.)» (Петров, 2008: 376).

Итак, есть мнение, что Русское государство было институционально слабым и, следовательно, оно не могло играть ту определяющую роль в жизни общества, о которой пишет М. По. На чем основывается такая точка зрения? Прочитав другого отечественного историка, Н.Н. Покровского. В 1991 г., в предисловии к биографическому очерку об Иване III за авторством известного отечественного историка Ю.Г. Алексева он писал, что во второй половине XV в. складывается характерная система власти в Русском государстве, которая основывалась «не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними». Эта система, продолжал далее историк, сложилась задолго до Ивана III: «Сословный строй феодальных государств, включая княжества Северо-Восточной Руси, предполагал членение самих сословий на отдельные, чаще всего самоуправляющиеся структуры», посредством которых «человек включался во всю систему сословно-представительного государства». Что это

были за структуры, Н.Н. Покровский расшифровывает следующим образом: «Это общины крестьян, горожан, дворянские землячества, церковные корпорации и т.д.». И поскольку «центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности», то она неизбежно должна была «опираться на эти первичные социальные общности» (и даже скорее не столько опираться, сколько взаимодействовать с ним в интересах «общего блага» (Швейковская, 2012: 251-290)). Самый важный вывод, имеющий прямое отношение к «Русскому моменту», который делает Н.Н. Покровский из своих наблюдений, состоит в том, что при таких раскладах эти первичные социальные организмы неизбежно сохраняли значимую роль в политической системе страны (Алексеев, 1991: 6). В таком случае позиция К.В. Петрова становится понятной. В условиях, когда так называемые «жилы власти» (административная и иная инфраструктура, посредством которой верховная власть может навязывать свое мнение обществу) развиты крайне слабо, вести речь о той самой социальной инженерии по меньшей мере преждевременно. Процесс формирования властной «мускулатуры», той же центральной бюрократии, аппарата насилия, фискальных и юридических институтов, а также структур, посредством которых верховная власть контролировала и направляла развитие ситуации на местах, растянулся в «самодержавной» России на несколько столетий. Но даже в своей наивысшей точке развития, при Николае I, полностью вытеснить из сферы управления элементы самоуправления не получилось, не говоря уже о том, что сама бюрократия превратилась в самодовлеющую и во многом независимую от верховной власти силу. Случайно ли Николаю I приписывают фразу о том, что Россией правит не он, а 40 тысяч столоначальников?

В результате власть на протяжении длительного времени должна была так или

иначе согласовывать свои действия с мнением тех самых «первичных социальных общностей», о которых писал Н.Н. Покровский. Попытка отрицать это мнение могла для власти завершиться не самым лучшим образом – не только Смутное время свидетельствует об этом, но и история, как ни парадоксальным может показаться это утверждение, правления Ивана Грозного, не говоря уже об Алексее Михайловиче и его «бунташном» времени.

Правда, справедливости ради, отметим, что для русского раннемодерного общества была характерна черта, которая облегчала верховной власти реализацию планов модернизации. Эта черта была отмечена В.О. Ключевским, который писал о том, что, в отличие от Европы, где государственный порядок основывался или на сочетании сословных прав с сословными же обязанностями (Европа Западная), или сосредоточением прав у одних сословий, а обязанностей у других (Европа Центральная и Восточная), то в Русском государстве этот порядок базировался на разверстке между общественными «классами» одних лишь обязанностей без прав (Ключевский, 1989б 310).

Однако и в этом случае есть нюанс, на который указывал упоминавшийся нами выше Ю.Г. Алексеев. В отличие от В.О. Ключевского, который абсолютизировал в своей «Истории сословий в России» значение разверстанных между чинами обязанностей, Ю.Г. Алексеев, характеризуя сущность раннемодерного Русского государства, подчеркивал его земско-служильный характер. Но при этом, по его мнению, в основе этого государства лежали патерналистские отношения между государем и его подданными (что, впрочем, не удивительно, учитывая глубоко патриархальный характер и русского общества, и государства той эпохи, о чем неоднократно писал и М. По).

Эта патриархальность и патернализм, полагал историк, вели к тому, что на Руси не сложилось столь характерной для

Западной Европы системы договорных отношений между верховной властью и первичными социальными структурами, почему сословий в привычном для нас смысле этого слова на Руси не было. Но, продолжал далее Ю.Г. Алексеев, при всем при том «сословия на Руси были – достаточно широкие социальные группы с определенными комплексами прав и обязанностей, передаваемыми по наследству [от себя добавим: зафиксированных не в грамотах и хартиях, но в «старине». – Т.П.]...» (Алексеев, 2001: 433). При этом необходимо подчеркнуть (это имеет прямое отношение к социальной инженерии), как писал отечественный медиевист А.Я. Гуревич, эти социальные группы обладали собственными регламентами (уставами, статутами, кодексами поведения, необязательно писаными, но обязательными для соблюдения членами группы). И *эти регламенты*, продолжал далее А.Я. Гуревич, *не спускались корпорации сверху властью, но вырабатывались самой этой группой* (курсив мой. – Т.П.) и основывались на принципах всеобщего согласия и самоуправления (Гуревич, 2007: 155).

Итак, на рубеже позднего Средневековья – раннего Нового времени государства (неважно, Русское или любое другое европейское) имело дело с обществом, которое представляло собой иерархию разнородных «корпораций» (об этом говорят и русист Ю.Г. Алексеев, и медиевист А.Я. Гуревич). И каждая из этих «корпораций» обладала своим «регламентом» и местом в социальной иерархии, закрепленными и освященными традицией, «старинной», но никак не государством. Могло ли государство нарушить эту традицию и наступить на права и привилегии «корпораций», не обладая развитой «мускулатурой»? Очевидно, это было ему не по силам ни в XV, ни в XVI, ни в XVII в. И лишь в начале XVIII в., когда Петр I предпринял масштабную попытку построения в России

«регулярного» «полицейского» государства по западноевропейским лекалам, наметился определенный поворот в сторону самодержавия в том его смысле, который придавал этому термину М. По. Но даже и тогда «прямое» самодержавие в России больше оставалось больше декларацией, нежели реальностью, в особенности в эпоху пресловутых «дворцовых переворотов». На наш взгляд, главная проблема автора «Русского момента» в том, что он слишком абстрагируется от частных и в итоге оперирует с идеальными вневременными моделями того же «самодержавия», государства или «военного класса», которые в реальности не существовали (на что указывал, в частности, Ч. Гальперин в отзыве на «Правду о Московии» (Halperin, 2002: 502-503, 503-505, 505-506, 507). При столкновении с реальностью эти идеальные типы перестают функционировать так, как рассчитывал М. По, разрушая тем самым саму основу его концепции.

Итак, подведем итоги. Выдвинутая М. По концепция русской модернизации («Русского момента»), ее предпосылки, причин и особенностей, безусловно, привлекает своей стройностью и простотой. На первый взгляд, в особенности, если «Русские момент» берется читать неспециалист по русской истории, она производит впечатление универсальной отмычки, раскрывающей, наконец, секрет русской загадки, завернутой в тайну и помещенной внутрь головоломки. Становится понятной популярность концепции М. По, изложенной легко и непринужденно, в противовес громоздким академическим построениям, среди студентов и бакалавров (на что указывал И.И. Курилла).

Однако эта простота имеет и обратную сторону, которая играет отнюдь не на пользу основной идее «Русского момента». История – чрезвычайно непростой и многомерный процесс, чтобы было возможно дать простой и короткий ответ на сложные вопросы исторического

бытия. И русский случай относится именно к такого рода казусам. Упрощая проблему, сводя сущности к минимуму, используя абстрактные вневременные идеальные модели, автор «Русского момента» ради красоты идеи жертвует объективностью и фактами красивой схеме, а тем самым подрывает ее основу и доверие к ней. Концепция М. По содержит ряд интересных (но вместе с тем нельзя сказать, чтобы совсем уж оригинальных и не имеющих аналогов – для тех, кто более или менее хорошо знаком с историографией проблемы) наблюдений и умозаключений, привлекающих внимание и придающих ей правдоподобность и убедительность. Однако отмеченные выше врожденные недостатки выдвинутой американским историком концепции делают ее, на наш взгляд, лишь любопытным историографическим артефактом.

Литература

- Алексеев, Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
- Бессуднова, М.Б. Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века. СПб.: Евразия, 2021. 480 с.
- Бибииков, Г.Н. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // Исторические записки. 1946. № 19. С. 3-16.
- Большакова, О.В. По М. Русский момент в мировой истории. Pое M. The Russian moment in world history. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 94 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2005. № 2. С. 28-39.
- Валлерстайн, И. Мир-система Модерна I. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
- Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
- Гумилев, Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М.: Айрис-Пресс, 2016. 318 с.

- Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-Пресс; Рольф, 2001. 560 с.
- Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. С. 17-262.
- Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1975. 345 с.
- Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 496 с.
- Дулов, А.В. Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 256 с.
- Епифанов, П.П. Войско. Оружие. Крепости // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 234-296.
- Епифанов, П.П. Оружие и снаряжение. Крепости. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1: Материальная культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 292-380.
- Живов, В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73-115.
- Зимин, А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. 286 с.
- Иванов, С.А. Византийское миссионерство: Можно ли из «варвара» сделать христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
- Ключевский, В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. VI: Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. 476 с.
- Кривошеев, Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. 408 с.
- Кульпин, Э.С. Путь России. Кн. 1. М.: Московский лицей, 1995. 200 с.
- Курбатов, О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: Квадрига, 2014. 240 с.
- Курбатов, О.А. Военные реформы в России второй половины XVII века. М.: Квадрига, 2017. 301 с.
- Курилла, И. Фантазии о приятном [Электронный ресурс]. URL: <https://goriky.media/reviews/fantazii-o-priyatnom/> (дата обращения: 25.06.2024 г.).
- Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Лобин, А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
- Лобин, А.Н. Пушки первых Романовых. Русская артиллерия 1619–1676 гг. М.: Эксмо, 2022. 288 с.
- Малов, А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 622 с.
- Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
- Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX в.). Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
- Монахан, Э. Сибирские купцы. Торговля в Евразии раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 568 с.
- Нойманн, И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Оболенский, Д. Византийское содружество. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998. 655 с.
- Петров, К.В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 365-382.
- По, М. Русский момент в истории. М.: Весь мир, 2023. 136 с.
- Пресняков, А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград: Типография Я. Башмакова и К^о, 1918. 458 с.
- Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. 326 с.
- Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М.: Наука, 2010. 265 с.

Саид, Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 637 с.

Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VII. М.: Мысль, 1991. С. 7-352.

Узлов, Ю.А. Европейская и российская цивилизации: опыт сравнительного анализа // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 3-4. С. 30-37.

Чернов, А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

Швейковская, Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М.: Индрик, 2012. 368 с.

Berelowich, A. La hierarchie des egaux. La noblesse russe d'Ancien Regime (XVIe–XVIIe siecles). Paris: Editions du Seuil, 2001. 480 p.

Brower, D.R. The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 116 + XV pp. // Journal of World History. 2004. Vol. 15. No. 3. Pp. 389-391.

Cherniavsky, M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory // Journal of the History of Ideas. 1959. Vol. 20. No. 4. Pp. 459-476.

Christian, D. The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton: Princeton University Press, 2003. xviii, 116 pp. // Slavic Review. 2004. Vol. 63. No. 4. Pp. 880-881.

Dukes, P. Marshall T. Poe. The Russian Moment in World History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. xv, 116 pp. Maps. Chronology. Bibliographic Note. Index. Paper // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. Iss. 3/4. Pp. 428-429.

Hale, J.R. War and Society in Renaissance Europe, 1450–1620. N.-Y.: St. Martin's Press, 1985. 282 p.

Halperin, Ch. Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002 (New Series). Vol. 3. No. 3. Pp. 501-507.

Hellie, R. "A People Born to Slavery": Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. By Marshall T. Poe. Studies of the Harriman Institute, Columbia University. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000. Pp. xi + 293; The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton, NJ: Princeton

University Press, 2003. Pp. xv + 116 // The Journal of Modern History. 2005. Vol. 77. No. 4. Pp. 1163-1166.

Kivelson, V. On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002 (New Series). Vol. 3. No. 3. Pp. 487-499.

Kollmann, N.S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 504 p.

Kotilaine, J. Russia's foreign trade and economic expansion in the seventeenth century. Leiden: Brill Academic Publishers, 2005. 611 p.

LeDonne, J.P. Marshall T. Poe. The Russian Moment in World History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. Pp. xv, 116 // The International History Review. 2005. Vol. 27. No. 1. Pp. 130-132.

Legvold, R. The Russian Moment in World History by Marshall T. Poe. Princeton: Princeton University Press, 2003, 144 pp. // Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. No. 1. P. 180.

Parker, G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 234 p.

Perrie, M. Poe, Marshall T., The Russian Moment in World History // European History Quarterly. 2004. Vol. 34. No. 4. Pp. 553-555.

Poe, M. T. (2003), *The Russian Moment in World History*. Princeton University Press, Princeton, N.-Y.

Poe, M. The Truth about Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002 (New Series). Vol. 3. No. 3. P. 473-486.

Roberts, M. The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts, M. Essays in Swedish History. London: Weidenfeld and Nicolson, 1967. Pp. 195-225.

The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe. Boulder: Westview Press, 1995. 387 p.

References

Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar vseya Rusi* [Sovereign of All Rus], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Berelovich, A. (2001), *La hierarchie des egaux. La noblesse russe d'Ancien Regime (XVIe–XVIIe siecles)* [The hierarchy of equals. The Russian nobility of the Ancien Régime (16th–17th

centuries)], Editions du Seuil, Paris, France (in French).

Bessudnova, M. B. (2021), *Russko-ganzeyskaya trgovlya v pervoy polovine XVI veka* [Russian-Hansean trade in the first half of the 16th century], Evraziya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Bibikov, G. N. (1946), “Experience of military reform 1609-1610”, *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 19, 3-16 (in Russ.).

Bolshakova, O. V. (2005), “Po M. Russian moment in world history. Poe M. The Russian moment in world history. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 94 p.”, *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 5: History*, 2, 28-39 (in Russ.).

Brower, D. R. (2004), “The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 116 + XV pp.”, *Journal of World History*, 15 (3), 389-391.

Cherniavsky, M. (1959), “Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory”, *Journal of the History of Ideas*, 20 (4), 459-476.

Chernov, A. V. (1954), *Vooruzhennye sily russkogo gosudarstva v XV–XVII vv.* [Armed forces of the Russian state in the 15-17th centuries], Voenizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Christian, D. (2004), “The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton: Princeton University Press, 2003. xviii, 116 pp.”, *Slavic Review*, 63 (4), 880-881.

Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2015 god: Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekovye (2017) [The most ancient states of Eastern Europe. 2015 Economic systems of Eurasia in the early Middle Ages], Russky fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia (in Russ.).

Dukes, P. (2006), “Marshall T. Poe. The Russian Moment in World History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. xv, 116 pp. Maps. Chronology. Bibliographic Note. Index. Paper”, *Canadian Slavonic Papers*, 48 (3/4), 428-429.

Dulov, A. V. (1983), *Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii. Konets XV–seredina XIX v.* [Geographical environment and history of Russia. The end of the 15th – the middle of the 19th century], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Dvoryanstvo i krepostnoy stroy Rossii XVI–XVIII vv. (1975), [Nobility and serfdom in Russia

in the 16th–18th centuries], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Epifanov, P. P. (1977), “Weapons and equipment. Fortresses. Army and military organization”, *Ocherki russkoy kultury XVI veka Ch. 1: Materialnaya kultura* [Essays on Russian culture of the 16th century. Ch. 1: Material Culture], Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia, 292-380 (in Russ.).

Epifanov, P. P. (1979), “Weapon. Fortresses”, *Ocherki russkoy kultury XVII veka. Ch. 1* [Essays on Russian culture of the 17th century. Ch. 1.], Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia, 234-296 (in Russ.).

Gumilev, L. N. (2001), *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth], Ayris-Press; Rolf, Moscow, Russia (in Russ.).

Gumilev, L. N. (2016), *Ot Rusi k Rossii: Ocherki etnicheskoy istorii* [From Rus to Russia: Essays on Ethnic History], Ayris-Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Gurevich, A. Ya. (2007), “Categories of medieval culture”, *Izbrannye trudy. Srednevekovy mir* [Selected works. Medieval world], Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia, 17-262 (in Russ.).

Hale, J. R. (1985), *War and Society in Renaissance Europe, 1450–1620*, St. Martin's Press, N.-Y.

Halperin, Ch. (2002), “Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3 (3), 501-507.

Hellie, R. (2005), “‘A People Born to Slavery’: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748. By Marshall T. Poe. Studies of the Harriman Institute, Columbia University. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000. Pp. xi + 293; The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003. Pp. xv + 116”, *The Journal of Modern History*, 77 (4), 1163-1166.

Ivanov, S. A. (2003), *Vizantiyskoe missionerstvo: Mozhno li iz “varvara” sdelat' khristianina?* [Byzantine missionary work: Is it possible to make a Christian out of a “barbarian”?] *Yazyki slavyanskoy kultury*, Moscow, Russia (in Russ.).

Kivelson, V. (2002), “On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? in *Kritika: Explorations*”, *Russian and Eurasian History*, 3 (3), 487-499.

Klyuchevskiy, V. O. (1989), "History of estates in Russia", *Sochineniya: V 9 t. T. VI: Spetsialnye kursy* [Works: In 9 vols. Vol. VI: Special courses], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge.

Kotilaine, J. (2005), *Russia's foreign trade and economic expansion in the seventeenth century*, Brill Academic Publishers, Leiden, Netherlands.

Krivosheev, Yu. V. (1999), *Rus i mongoly. Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoy Rusi XII-XIV vv.* [Rus' and the Mongols. Research on the history of North-Eastern Rus XII-XIV centuries], Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kulpin, E. S. (1995), *Put Rossii. Kn. 1* [The path of Russia. Book 1], Moskovskiy litsey, Moscow, Russia (in Russ.).

Kurbatov, O. A. (2014), *Voennaya istoriya russkoy Smuty nachala XVII veka* [Military history of the Russian Troubles of the early 17th century], Kvadriga, Moscow, Russia (in Russ.).

Kurbatov, O. A. (2017), *Voennye reformy v Rossii vtoroy poloviny XVII veka* [Military reforms in Russia in the second half of the 17th century], Kvadriga, Moscow, Russia (in Russ.).

Kurilla, I. *Fantazii o priyatnom* [Fantasies about pleasant things] [Online], available at: <https://gorky.media/reviews/fantazii-o-priyatnom/> (Accessed 25 June 2024) (in Russ.).

Lebedev, G. S. (2005), *Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi* [The Viking Age in Northern Europe and Rus], Evraziya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

LeDonne, J. P. (2005), "Marshall T. Poe. The Russian Moment in World History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. Pp. xv, 116", *The International History Review*, 27 (1), 130-132.

Legvold, R. (2004), "The Russian Moment in World History by Marshall T. Poe. Princeton: Princeton University Press, 2003, 144 pp.", *Foreign Affairs*, 83 (1), 180.

Lobin, A. N. (2019), *Artilleriya Ivana Groznogo* [Artillery of Ivan the Terrible], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Lobin, A. N. (2022), *Pushki pervykh Romanovykh. Russkaya artilleriya 1619-1676 gg.* [Guns of the first Romanovs. Russian artillery

1619-1676], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Malov, A. V. (2006), *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachalny period svoey istorii, 1656-1671 gg.* [Moscow elective regiments of the soldiery in the initial period of their history, 1656-1671], Drevlekhranilishche, Moscow, Russia (in Russ.).

Milov, L. V. (2001), *Velikorusskiy pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian plowman and the features of the Russian historical process], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).

Mironov, B. N. (2003), *Sotsialnaya istoriya Rossii T. 1: Genезis lichnosti, demokraticheskoy semi, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia. Vol. 1: The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Monakhan, E. (2024), *Sibirskie kuptsy. Torgovlya v Evrazii rannego Novogo vremeni* [Siberian merchants. Trade in early modern Eurasia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Neumann, I. (2004), *Ispolzovanie "Drugogo". Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskoy identichnosti* [Using the "Other". Images of the East in the formation of European identity], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Obolenskiy, D. (1998), *Vizantiyskoe sodruzhestvo. Shest' vizantiyskikh portretov* [Byzantine Commonwealth. Six Byzantine portraits], Yanus-K, Moscow, Russia (in Russ.).

Parker, G. (1988), *The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800*, Cambridge University Press, Cambridge.

Perrie, M. (2004), "Poe, Marshall T., The Russian Moment", *World History in European History Quarterly*, 34 (4), 553-555.

Petrov, K. V. (2008), "Did the Code of Law of 1497 have the meaning of law in its modern understanding? (Regarding the article by S. N. Kisterev "The Grand Duke's Code of Law of 1497 and judicial practice of the first half of the 16th century")", *Ocherki feodal'noy Rossii. Vyp. 12* [Essays on feudal Russia. Iss. 12], Al'yans-Arkeo, Moscow, St. Petersburg, Russia, 365-382 (in Russ.).

Poe, M. (2023), *Russkiy moment v istorii* [The Russian Moment in World History], Ves' mir, Moscow, Russia (in Russ.).

Poe, M. T. (2003), *The Russian Moment in World History*. Princeton University Press, Princeton, N.-Y.

Poe, M. (2002), “The Truth about Muscovy”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3 (3), 473-486.

Presnyakov, A. E. (1918), *Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий* [Formation of the Great Russian State. Essays on the history of the 13th–15th centuries], Printing House of Ya. Bashmakov and Ko, Petrograd, Russia (in Russ.).

Roberts, M. (1967), “The Military Revolutio, 1560-1660”, *Essays in Swedish History*, Weidenfeld and Nicolson, London, 195-225.

Rus i Vostok v IX–XVI vekax. Novye arkhеologicheskie issledovaniya (2010), [Rus and the East in the 9th–16th centuries. New archaeological research], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Rus v IX–XIV vekakh. Vzaimodeystvie Severa i Yuga (2005) [Rus' in the 9th-14th centuries. Interaction between North and South], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Said, E. (2006), *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East], Russkiy Mir, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shveykovskaya, E. N. (2012), *Russkiy krestyanin v dome i mire: severnaya derevnya kontsa XVI – nachala XVIII veka* [Russian peasant at home and in the world: a northern village of the late 16th – early 18th centuries], Indrik, Moscow, Russia (in Russ.).

Solovyov, S. M. (1991), “History of Russia from ancient times. Vol. 13”, *Sochineniya: V 18 t. Kn. VII* [Essays: In 18 vols. Book VII], Mysl, Moscow, Russia, 7-352 (in Russ.)

The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe (1995), Westview Press, Boulder.

Uzlov, Yu. A. (2011), “European and Russian civilizations: experience of comparative analysis”, *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 3-4, 30-37 (in Russ.).

Vulf, L. (2003), *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: a map of civilization in the consciousness of the Enlightenment], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Wallerstein, I. (2015), *Mir-sistema Moderna I. T. I. Kapitalisticheskoe selskoe khozyaystvo i istoki evropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [World-system of Modernity I. T. I. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the 16th century], Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia (in Russ.).

Zhivov, V. M. (2002), “Features of the reception of Byzantine culture in ancient Rus”, *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kultury* [Research in the field of history and prehistory of Russian culture], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia, 73-115 (in Russ.).

Zimin, A. A. (1991), *Vityaz na rasputye* [Knight at a crossroads], Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенская Татьяна Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana M. Penskaya, Cand. Sci. (History),

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; penskaya@bsu.edu.ru

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-4

N. M. Milićević

**EMDR therapy and treatment of child victims
of violence in peace and war**

State University of Nis,
2 Cirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia; nebojsa.milicevic@filfak.ni.ac.rs

Abstract. The paper deals with the analysis of experiences in the application of EMDR therapy in working with children who were victims of trauma and violence in war and peace. The effectiveness of EMDR (Eye Movement Desensitization and Reprocessing) lies in the effect of bilateral stimulation on brain neurophysiological mechanisms of traumatized children. EMDR treatments, as well as CBT therapy, have shown success in working with children with PTSD based on several criteria. However, analyzes show that positive effects are achieved with the application of EMDR in a shorter time, and the results are more permanent and stable. Based on the results published in numerous clinical trials and meta-analyses, in 2013 the WHO (World Health Organization) recommended EMDR therapy for the treatment of PTSD in children, adolescents and adults. Exposure to war stress in all wars, in all areas, leaves severe consequences, especially for children. The increase in traumatic events in recent years creates a great need for preventive action and the application of EMDR to eliminate the consequences of children's exposure to trauma in war and peacetime conditions. The national EMDR associations of Russia and Serbia (<https://www.emdr-se-europe.org/>) are increasingly focusing their activities on working with children who are victims of violence in war and peace. The mentioned advantages and facts were one of the reasons for the organized inclusion of EMDR therapy in work with trauma victims of mass murders that happened in May 2023 in Serbia. The treatment is very responsible and complex, but it shows significant effects. The evaluation is ongoing and will provide valuable experience in this area.

Keywords: EMDR; Eye Movement Desensitization and Reprocessing; victims of violence; PTSD

For citation: Milićević N.M. (2024), "EMDR therapy and treatment of child victims of violence in peace and war", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 51-61, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-4

Миличевич Н. М.

EMDR терапия и лечение детей-жертв насилия в мире и войне

Университет в Нише,
ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия;
nebojsa.milicevic@filfak.ni.ac.rs

Аннотация. В статье анализируется опыт применения EMDR-терапии в работе с детьми, ставшими жертвами травм и насилия в условиях войны и мира. Эффективность EMDR (десенсибилизация и повторная обработка движений глаз) заключается во влиянии двусторонней стимуляции на нейрофизиологические механизмы мозга травмированных детей. Лечение EMDR, как и КПТ-терапия, показали успех в работе с детьми с посттравматическим стрессовым расстройством по нескольким критериям. Однако анализы показывают, что при применении EMDR положительные эффекты достигаются за более короткое время, а результаты более постоянны и стабильны. На основании результатов, опубликованных в многочисленных клинических исследованиях и метаанализах, в 2013 году WHO (Всемирная организация здравоохранения) рекомендовала терапию EMDR для лечения посттравматического стрессового расстройства у детей, подростков и взрослых. Воздействие военного стресса во время всех войн и во всех регионах приводит к тяжелым последствиям, особенно для детей. Рост травматических событий в последние годы порождает большую потребность в профилактических действиях и применении EMDR для ликвидации последствий детского травматизма в условиях военного и мирного времени. Национальные ассоциации EMDR России и Сербии (<https://www.emdr-se-europe.org/>) все больше сосредотачивают свою деятельность на работе с детьми, ставшими жертвами насилия в условиях войны и мира. Указанные преимущества и факты стали одной из причин организованного включения EMDR-терапии в работу с травмированными жертвами массовых убийств, произошедших в мае 2023 года в Сербии. Лечение очень ответственное и сложное, но оно показывает значительный эффект. Оценка продолжается и позволит получить ценный опыт в этой области.

Ключевые слова: EMDR; (ДПДГ) – десенсибилизация и переработка с помощью движений глаз; жертвы насилия; посттравматическое стрессовое расстройство

Для цитирования: Миличевич Н. М. EMDR терапия и лечение детей-жертв насилия в мире и войне // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 51-61. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-4

Introduction. Numerous studies show that a large percentage of children have experienced a traumatic event at least once

before adolescence. Post-traumatic stress disorder (PTSD) develops in 3 % of traumatized children, while 13.4 % of children

later develop severe post-traumatic stress symptoms (PTSS) (Alisic et al., 2008: 1455-1461). If we take into account the sudden increase in traumatic events in the last ten years, we can assume that this percentage is much higher. We will list some of such extreme traumatic events.

Exposure to the Covid¹, pandemic during the period 2020 to 2023 has left severe consequences. The death of about 7 million people in the world, states of emergency, fears, loss of family members and loved ones, etc. they left serious consequences not only on the health, but also on the psychological state of children.

Increasingly frequent natural disasters, the consequences of climate change in the world are also major traumatic events that favor the development of PTSD in children. The great floods in Serbia in 2014 threatened 1.6 million people and claimed 57 lives (see: Maksimović, 2023). The loss of homes, family members, relatives and friends left catastrophic consequences on the psychological life of these children (see: Bogdanov, 2014).

Terrorist attacks, in addition to the large number of innocent victims, also leave deep traces on the psychological life of children and adults. Several terrorist attacks have occurred in Russia and claimed a large number of lives (see: Tarabrina & Bykhovets, 2016: 271-284; Speckhard, Tarabrina, & Mufel, 2005: 3-21). The last one happened on March 22, 2024 in Krasnogorsk, in the Crocus concert hall, where at least 137 people died and more than 154 were injured. In Beslan, a city in the North Caucasus, in 2004, terrorists took over the school on the first day of school, September 1, in an attack that became known as the "Russian

9/11". More than 1,000 students, parents and staff were held hostage for more than two days. At least 334 people were killed, most of whom were children.

In Serbia, on May 3, 2023, at the Belgrade school², a thirteen-year-old boy shot his fellow students with a firearm, killing 10 and wounding 6. Just a few days later, according to the *copy cat* principle (Werther's effect), a similar massacre took place in the vicinity of Mladenovac, when the twenty-one-year-old attacker killed 8 people and wounded 14 with automatic weapon.

Violence happens every day in many families. Physical and sexual abuse of children leaves unfathomable, permanent psychological consequences. In all wars, all over the world, in all areas, the victims are usually civilians, especially children. War traumas have been particularly studied (see: Milicevič, Milenović, & Marković, 2016: 40-45), and the consequences of PTSD are difficult to eliminate.

All of the above points to the necessity of taking preventive measures as well as measures to eliminate the consequences of various extreme traumas in children.

The need for prevention and adequate treatment of the consequences of PTSD in children is becoming more and more necessary.

Analyzes of the effectiveness of the application of different types of psychotherapies. technique and method in PTSD children based on different criteria showed high efficiency of EMDR therapy.

EMDR therapy – Eye Movement Desensitization and Reprocessing, which was first discovered and applied by Dr. Francine

¹ See: *The World Health Organization* [Online], available at: <https://www.who.int/> (Accessed 24 September 2024).

² See: *Masovno ubistvo u osnovnoj školi „Vladislav Ribnikar”* [Mass murder in the "Vladislav Ribnikar"

elementary school] [Online], available at: <https://www.nin.rs/tema/7168/masovno-ubistvo-u-skoli-vladislav-ribnikar> (Accessed 24 September 2024) (in Serb.).

Shapiro in 1987, is being used more and more today.

One of the goals of this paper was to provide a brief review of the literature and analysis of the experiences so far in the application of EMDR in working with children who are victims of violence in war and peace. This literature review is only an illustration of the effectiveness of EMDR treatment of children with PTSD. The analysis was performed on the basis of several characteristics and criteria, and the effectiveness compared to some other therapeutic methods was compared.

EMDR therapy (Eye Movement Desensitization and Reprocessing). Dr. Francine Shapiro (1948-2019) began work on designing this psychotherapeutic technique in 1987. In the following years, she confirmed the effectiveness of EMDR in the treatment of the trauma of Vietnam War veterans, but also in PTSD victims of sexual violence (see: Shapiro, & Forrest, 2001).

EMDR (eye movement desensitization and reprocessing) is a psychotherapy technique that is suitable for the treatment of psychological and emotional disorders caused by traumatic experiences. We have already mentioned some of those traumatic experiences. These can be natural disasters, violence, aggressive attacks, war experiences, losses in the family, disturbing events from childhood, as well as stressful events in adulthood.

EMDR therapy is based on physiological mechanisms, stimulating the part of the brain responsible for the adaptive elaboration of information. This allows the person to experience the traumatic memory in a new, more adaptive and less distressing way. The effectiveness of this therapy lies in the direct effect of bilateral stimulation (BS) on brain neurophysiological mechanisms highlighting the physiological components of emotional disorders. It works with the negative cognitive

aspect (negative cognition), the positive cognitive aspect (positive cognition), but also with emotions, bodily sensations and other symptoms that accompany the traumatic event and memories of it.

EMDR shows high efficiency in working with children who have experienced traumatic experiences such as family and peer violence, war stress, etc. Children and adults show different symptoms after such events. These are post-traumatic and acute stress responses such as: reliving, intuitive thoughts, flashbacks, nightmares, fears and avoidance, feelings of alienation and increased arousal, insomnia, then difficulties in concentration and hypervigilance of attention. As for acute stress complaints, dissociative behavior, withdrawal, aggressiveness, psychosomatic reactions and other symptoms can occur (Speckhard, Tarabrina, Krasnov & N. Mufel, 2005 3-21; Milićević, 2016: 40-43 , 2024: 90-100).

In working with children, EMDR uses materials such as drawings with feelings, cognitive messages about them, instruments for measuring the ranking of anxiety and feelings, as well as various toys. The application of these materials enables the child to process and overcome his traumatic experiences in a positive and efficient way. Shapiro notes that EMDR produces faster results with children than with adults.

EMDR therapy can take place in three directions: (1) work on traumatic experiences from the past; (2) work on the current stressful situation and (3) anticipation of solving problems in the future. The advantage of the EMDR method lies in the fact that it can be used in combination with all other conventional forms of psychotherapy.

In EMDR, the therapist works together with the client to identify a specific problem that will be worked on during the psychotherapy process. Using a clearly structured therapeutic protocol, the therapist guides the client through eight stages:

- (1) History taking and therapy planning.
- (2) Preparation for EMDR and explanation.
- (3) Evaluation and preparation of target memory. The client is asked to focus on the worst moment of the memory including the image, thought, emotion and physical sensation.
- (4) Desensitization of memory. The therapist asks the patient to keep the target image in mind while concentrating on the bilateral stimulation stimulus for about 30 seconds. The client briefly reports on what is coming up and the therapist guides him to refocus on it during further exposure to the bilateral stimulation. This continues until the client reports no disturbing experiences associated with the traumatic memory.
- (5) Installation. Guiding the client to accept a relevant positive belief about the event.
- (6) Body scanning refers to the identification and processing of any residual disturbing bodily sensations.
- (7) Closing the session.
- (8) Re-evaluation, i.e. re-evaluation of the addressed goals as a basis for planning and directing further interventions.

During EMDR therapy, a child can experience and express very intense and dramatic emotions with traumatic detailed memories. However, at the end of the therapeutic work, there is usually a reduction of symptoms and unpleasant feelings related to the traumatic experience. This leads, as Shapiro (2001) points out, to the reduction of symptomatology, to the change of negative beliefs in the direction of positive ones, and thus enables optimal functioning of the client, i.e., the child.

Results and evaluation of previous EMDR trauma treatments in children. In order to demonstrate the effectiveness of EMDR trauma treatment in children, we will

list only some of the most famous analyzes and studies.

Some studies show that EMDR (Shapiro, 2007 (2001?)) is effective in the treatment of PTSD in children and adolescents (De Roos et al., 2017) to a greater degree than CBT (trauma-focused cognitive behavioral therapy). It is also more successful than some other therapeutic techniques. Both EMDR and TF-CBT appear to be equally effective in treating PTSD symptoms, but the same results are achieved more quickly with EMDR therapy. This means that the same positive results using EMDR are achieved faster and the results are more permanent and permanent.

Hoogsteder et al. (2021) tested the effectiveness in the treatment of adolescent trauma with a multistage meta-analysis on a sample of 566 respondents, the average age of the respondents was 13 years ($SD = 1.59$). The results confirm that both TF CBT and EMDR treatments had a significant overall effect ($d = 0.909$) on the reduction of trauma symptoms and behavioral problems. Treatment was more effective in older adolescents.

Jaberghaderi et al. (Jaberghaderi, Greenwald, Rubin, Zand, & Dolatabadi, 2004) examined the effect of twelve CBT and EMDR treatments on fourteen randomly selected Iranian girls aged 12 to 13 years who had been sexually abused. Posttraumatic stress symptoms and problematic behavior were assessed before and two weeks after treatment. Both treatments showed significant effects on posttraumatic symptom outcomes and behavioral outcomes. Research gives some advantage to EMDR over CBT. These findings suggest that both CBT and EMDR can help girls recover from the effects of sexual abuse, and that structured trauma treatments can be applied to children in Iran.

In one study, a group of authors (see: Wadaa, et al., 2010) examined the prevalence of PTSD among Iraqi children and the success of EMDR treatment in Iraqi children with an

average age of 10.17 years. The sample consisted of 29 boys and 31 girls who immigrated to Malaysia during the Iraq War. These children were assessed for PTSD. After the assessment, the children were divided into two groups (experimental and control) The results showed that EMDR is effective in reducing PTSD symptoms

One of the advantages of using EMDR in working with children lies in its flexibility (see: Civilotti, et al., 2021). The therapist has the ability and freedom to adapt the therapy to the client's age and culture. Another advantage lies in the possibility of its group application after mass traumas when time and resources do not allow an individual approach. Group protocols increasingly being used (Jarero et al., 2006) in treatments of massive traumas.

These are just some of the numerous studies on the effects of applying CBT and EMDR in working with children and adolescents who have been victims of various forms of violence. Although the results of these studies differ somewhat in terms of the benefits of using a particular type of therapy for PTSD, they are all united in stating that both CBT and EMDR provide significant improvements and a visible reduction of symptoms in traumatized children.

There are EMDR centers in Russia and Serbia that have highly qualified specialists who have been trained according to the standards of the EMDR Association. They are always up to date with news and current knowledge, and undergo regular supervision. They follow professional standards and code of ethics. We are an association of practicing EMDR therapists (EMDR – Eye Movement Desensitization and Reprocessing). They have been conducting EMDR therapy and training

EMDR specialists in certified training programs since 2008³.

Application of EMDR in work with child victims of violence in Serbia.

Therapists, members of the EMDR Association of Serbia and EMDR therapists in the territories of the former Yugoslavia (e.g. Bosnia and Croatia) had extensive experience in individual work with victims of various types of violence and successfully applied this method in practice.

After the mass shootings in May 2023 in the territory of Belgrade and the surroundings of Mladencovac⁴, the need for organized teamwork with victims of violence emerged. Of course, there was an even greater need for organizing preventive activities. The Crisis Team of the EMDR Association of Serbia was formed and the Support Project for users who were most exposed to these traumatic events was initiated. It is about helping victims of all six levels, starting from victims who directly experienced the crisis event, family members or relatives of the deceased, operators in the crisis (first responders), through the community where the crisis happened, etc.

The reasons for the involvement of EMDR therapists are the earlier recommendations for the use of EMDR in trauma work by: (1) the World Health Organization (WHO); (2) American Psychological Association (APA) (1998-2002); (3) International Society for Traumatic Stress Studies (2000); (4) British Department of Health (2001); (5) Department of Defense and Department of Health (Veterans Health Affairs) U.S.A. (2004); (6) Italian Ministry of Health (ministero della Salute) (2003); (7) UK Department of Health – NHS; (7) National Institute for Clinical Excellence (NICE) with

³ See: *Moskovskiy tsentr terapii MDR* [Moscow Center for EMDR Therapy], [Online], available at: <https://emdrus.com/about> (in Russ.).

⁴ Maksimović, S. (2023), "Mass murders in Serbia: What is the effect of copying crimes", BBC na srpskom

[BBC in Serbian] [Online], available at: <https://www.bbc.com/serbian/lat/srbija-65499385> (Accessed 24 September 2024) (in Serb.).

the recommendation that all patients suffering from PTSD disorders should be treated with trauma-focused psychotherapy (trauma-focused CBT or EMDR) (Clinical Guideline 26-March 2005; according to EMDR Croatia, 2024)

Nevertheless, one of the main reasons for the formation of the Crisis Team of the EMDR Association of Serbia was the initiative launched by traumatized users of all levels. In cooperation with EMDR experts from abroad (EMDR Italy, EMDR UK and EMDR Bosnia and Herzegovina), a series of additional trainings, consultations and expert meetings were held for selected EMDR therapists from Serbia. In addition to supporting those directly and indirectly affected, the team is also available for work with trauma and the organization of psychological support in the community, in crisis situations.

"This team is currently working on a direct support project for users, and will remain available for quick response in all future crisis situations when trauma-oriented support is needed (natural disasters or those caused by human action)"⁵.

The project "Psychosocial support aimed at the prevention of PTSD" was initiated in 2023 by the Association of EMDR Serbia, and at the initiative of the users themselves, i.e. trauma victims. Over twenty EMDR therapists who work with directly affected users in Belgrade, Mali Orašje and Dubona are involved in the project. The project and team activities are led by Vesna Bogdanović, president of EMDR Serbia and Jelena Zulević. The project is supported by the Government of Serbia and the organization Reconstruction Women's Fund. Specially trained EMDR therapists are assigned to three sectors: (1) adult team, (2) child and adolescent team, and (3) field team. The way of working is adapted

to the specific needs of clients and includes work with individuals and groups.

"In our approach, there is a special emphasis on confidentiality, trauma-informed practice and flexibility in the organization of support, adapted to the needs of clients and communities. All clients have the option of choosing the therapist they work with"⁶.

The mission of the Crisis Team is to provide psychological help and support, enable quality emotional health, recovery and resilience of directly and indirectly affected persons, by creating a safe and supportive environment.

The goals of the Crisis Team are as follows:

(1) Providing immediate, timely support and intervention during crisis events to reduce negative emotional consequences and prevent PTSD and complicated grief.

(2) Staff and community education: Provide training and education to school staff and the community about the importance of mental health, recognizing the signs of trauma, and providing support.

(3) Conduct continuous research and evaluation: The goal is to evaluate the effectiveness of the support program in order to determine results and identify areas for improvement.

(4) Establishing cooperation with other relevant organizations and institutions: In this way, a comprehensive and trauma-informed approach to support and reduction of trauma-related stigma would be ensured.

(5) Continuous monitoring and improvement of the work of the crisis team and the support program based on feedback and knowledge from practice.

The services provided by the Crisis Team are:

⁵ EMDR Asocijacija Srbija [EMDR Serbia] [Online], available at: <https://www.emdr-se-europe.org/> (Accessed 14 February 2024).

⁶ The same.

(1) Emergency intervention: is reflected in the provision of support to individuals, on the ground, groups or communities that have recently experienced a traumatic event.

(2) Assessment and evaluation: The team conducts an assessment of the current situation in order to identify priority areas/groups/persons for intervention and plan further steps.

(3) EMDR therapy: with the aim of processing traumatic experiences, reducing symptoms and restoring emotional well-being.

(4) Education and training/consultative work: Organization of workshops, seminars and training with the aim of informing the wider community and other professionals about trauma, EMDR therapy and strategies for dealing with stress. It can contribute to expanding awareness and knowledge about trauma and provide tools for support in crisis situations.

(5) Coordination and cooperation with other organizations such as: health institutions, government agencies, non-governmental organizations and local communities. This will allow resources to be coordinated, information to be shared and work together to provide support to affected people.

(6) Counseling and support to members of the association involved in intervention in crisis situations. This includes providing guidance, supervision, post-intervention debriefings and providing emotional support to team members.

Conclusion. By analyzing the literature and works on the effectiveness of CBT and EMDR treatment of children and adolescents who have experienced various forms of violence in peace and war, it cannot be determined with certainty which is more effective. The mentioned researches and evaluations contain shortcomings in terms of sample size, length of continuous monitoring of the effect of applied therapies, insufficient number of therapists, time constraints, etc.

However, an important conclusion can safely be drawn regarding the undeniable effectiveness of trauma-focused treatments such as CBT and EMDR. This has been confirmed by the World Health Organization, as well as many other important institutions, based on numerous successful results in the application of these therapies. EMDR seems to have certain advantages in terms of speed of obtaining positive results, their durability and stability, as well as in terms of flexibility. The application of group protocols enables timely and efficient response in mass crisis situations (see: Milićević, 2024).

The need for CBT and EMDR therapy in the world, as in our country, is obvious and is constantly increasing. Exposure to constant stressogenic and traumatic factors requires the professional approach of professional therapists in the prevention of various forms of violence in children and adolescents and their rehabilitation.

Experiences with mass murders and the increase in peer violence in Serbia, as well as in neighboring countries and the whole world, impose an urgent need to hire professional therapists, especially those who are trained in the therapeutic treatment of children who are victims of violence.

The experiences of the therapists and the formed crisis team of the EMDR Serbia Association within the project "Psychosocial support aimed at the prevention of PTSD" are significant and applicable. We are still waiting for a detailed analysis of those experiences and their application in the future.

Acknowledgments

(1) This work was supported by the Ministry of Science, Technological Development and Innovation of the Republic of Serbia (Contract No. 451-03-66/2024-03).

(2) Prepared as a part of the project "Popularization of science and scientific publications in the sphere of psychology and

social policy", conducted at the University of Niš – Faculty of Philosophy (No. 336/1-6-01).

(3) Prepared within the framework of the project "Psychosocial support aimed at the prevention of PTSD" in the realization of EMDR Serbia, which is supported by the Government of the Republic of Serbia and the organization Reconstruction Women's Fund.

Благодарности

(1) Работа выполнена при поддержке Министерства науки, технологического развития и инноваций Республики Сербии (контракт № 451-03-66/2024-03).

(2) Подготовлено в рамках проекта «Популяризация науки и научных публикаций в области психологии и социальной политики», реализуемого в Университете Ниша – Философский факультет (№ 336/1-6-01).

(3) Подготовлено в рамках проекта «Психосоциальная поддержка, направленная на профилактику ПТСР» в рамках реализации EMDR Сербии, поддержанного Правительством Республики Сербии и организацией Reconstruction Women's Fund.

References

Alisic, E., van der Schoot, TA., van Ginkel, JR., Kleber, RJ (2008), "Looking beyond posttraumatic stress disorder in children: posttraumatic stress reactions, posttraumatic growth, and quality of life in a general population sample", *Journal of Clinical Psychiatry*, 69, 1455-1461. <https://doi.org/10.4088/JCP.v69n0913>.

Bogdanov, T. (2014), *Traume posle poplava – kako ih deca preživljavaju* [Trauma after floods – how children survive them], B. 92 [Online], available at: https://www.b92.net/o/zdravlje/roditeljstvo?nav_id=855843 (Accessed 24 September 2024) (in Serb.).

Civilotti, C., Margola, D., Zaccagnino, M., Cussino, M., Callerame, C., Vicini, A., & Fernandez, I. (2021), "Eye movement desensitization and reprocessing in child and adolescent psychology: a narrative review",

Current Treatment Options in Psychiatry, 8(3), 95-109.

De Roos, C., van der Oord, S., Zijlstra, B., Lucassen, S., Perrin, S., Emmelkamp, P., & de Jongh, A. (2017), "Comparison of eye movement desensitization and reprocessing therapy, cognitive behavioral writing therapy, and wait-list in pediatric posttraumatic stress disorder following single-incident trauma: A multicenter randomized clinical trial", *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 58 (11), 1219-1228. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12768>.

Hoogsteder, L.M., ten Thije, L., Schippers, E.E., & Stams, G. J. J. M. (2022), "A Meta-Analysis of the Effectiveness of EMDR and TF-CBT in Reducing Trauma Symptoms and Externalizing Behavior Problems in Adolescents", *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 66 (6-7), 735-757. <https://doi.org/10.1177/0306624X211010290>.

Jaberghaderi, N., Greenwald, R., Rubin, A., Zand, S.O., & Dolatabadi, S. (2004), "A Comparison of CBT and EMDR for Sexually-abused Iranian Girls", *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 11 (5), 358-368. <https://doi.org/10.1002/cpp.395>.

Jarero, I., Artigas, L., & Hartung, J. (2006), "EMDR integrative group treatment protocol: A postdisaster trauma intervention for children and adults", *Traumatology*, 12 (2), 121-129.

Maksimović, S. (2023), "Mass murders in Serbia: What is the effect of copying crimes", *BBC na srpskom* [BBC in Serbian] [Online], available at: <https://www.bbc.com/serbian/lat/srbija-65499385> (Accessed 24 September 2024) (in Serb.).

Milicevic, N.M., Milenovic, M.B., & Markovic, D. (2016), "War and Psychotrauma: Reflections on Psychiatric Losses in the Wars of the Twentieth Century", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 2 (1 (7)), 40-45 (in Russ.).

Milićević, N. (2024), "Application of CBT and EMDR therapy in working with child victims of violence", *Inovacije u psihologiji [Zbornik radova] Naučno-stručna konferencija sa međunarodnim učešćem* [Innovations in psychology [Proceedings Scientific] and professional conference with international participation], 90-100.

Shapiro, F., & Forrester, M.S. (2001), *EMDR: Eye movement desensitization and reprocessing*, Guilford, New York, NY.

Speckhard, A., Tarabrina, N., Krasnov, V., & Mufel, N. (2005), "Posttraumatic and acute stress responses in hostages held by suicide terrorists in the takeover of a Moscow theater", *Traumatology*, 11(1), 3-21.

Tarabrina, N.V., & Bykhovets, J.V. (2016), "Experience of terrorist threat among urban populations in Russia: PTSD and resilience", *Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience*, Routledge, London, NY, 271-284.

Wadaa, N.N., Zaharim, N.M., & Alqashan, H.F. (2010), "The use of EMDR in treatment of traumatized Iraqi children", *Digest of Middle East Studies*, 19(1), 26-36.

Литература

Миличевич, Н.М., Миленович, М.Б., & Маркович, Д. Война и психотравма: размышления о психиатрических потерях в войнах XX столетия // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Социальные и гуманитарные исследования». Т.2, №1(7), 2016.

Alisic, E, van der Schoot, TA, van Ginkel, JR, Kleber, RJ (2008), "Looking beyond posttraumatic stress disorder in children: posttraumatic stress reactions, posttraumatic growth, and quality of life in a general population sample", *Journal of Clinical Psychiatry*, 69, 1455-1461. <https://doi.org/10.4088/JCP.v69n0913>.

Bogdanov, T. (2014), *Traume posle poplava – kako ih deca preživljavaju* [Trauma after floods – how children survive them], B. 92 [Online], available at: https://www.b92.net/o/zdravlje/roditeljstvo?nav_id=855843 (Accessed 24 September 2024) (in Serb.).

Civilotti, C., Margola, D., Zaccagnino, M., Cussino, M., Callerame, C., Vicini, A., & Fernandez, I. (2021), "Eye movement desensitization and reprocessing in child and adolescent psychology: a narrative review", *Current Treatment Options in Psychiatry*, 8(3), 95-109.

De Roos, C., van der Oord, S., Zijlstra, B., Lucassen, S., Perrin, S., Emmelkamp, P., & de Jongh, A. (2017), "Comparison of eye movement desensitization and reprocessing therapy, cognitive behavioral writing therapy, and wait-list in pediatric posttraumatic stress disorder following single-incident trauma: A multicenter randomized clinical trial", *Journal of Child Psychology and*

Psychiatry, 58 (11), 1219-1228. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12768>.

Hoogsteder, L.M., ten Thije, L., Schippers, E.E., & Stams, G. J. J. M. (2022), "A Meta-Analysis of the Effectiveness of EMDR and TF-CBT in Reducing Trauma Symptoms and Externalizing Behavior Problems in Adolescents", *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 66 (6-7), 735-757. <https://doi.org/10.1177/0306624X211010290>.

Jaberghaderi, N., Greenwald, R., Rubin, A., Zand, S.O., & Dolatabadi, S. (2004), "A Comparison of CBT and EMDR for Sexually-abused Iranian Girls", *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 11 (5), 358-368. <https://doi.org/10.1002/cpp.395>.

Jarero, I., Artigas, L., & Hartung, J. (2006), "EMDR integrative group treatment protocol: A postdisaster trauma intervention for children and adults", *Traumatology*, 12 (2), 121-129.

Maksimović, S. (2023), "Mass murders in Serbia: What is the effect of copying crimes", *BBC na srpskom* [BBC in Serbian] [Online], available at: <https://www.bbc.com/serbian/lat/srbija-65499385> (Accessed 24 September 2024) (in Serb.).

Milićević, N. (2024), "Application of CBT and EMDR therapy in working with child victims of violence", *Inovacije u psihologiji [Zbornik radova] Naučno-stručna konferencija sa međunarodnim učешћem* [Innovations in psychology [Proceedings Scientific] and professional conference with international participation], 90-100.

Shapiro, F., & Forrest, M.S. (2001), *EMDR: Eye movement desensitization and reprocessing*, Guilford, New York, NY.

Speckhard, A., Tarabrina, N., Krasnov, V., & Mufel, N. (2005), "Posttraumatic and acute stress responses in hostages held by suicide terrorists in the takeover of a Moscow theater", *Traumatology*, 11(1), 3-21.

Tarabrina, N.V., & Bykhovets, J.V. (2016), "Experience of terrorist threat among urban populations in Russia: PTSD and resilience", *Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience*, Routledge, London, NY, 271-284.

Wadaa, N.N., Zaharim, N.M., & Alqashan, H.F. (2010), "The use of EMDR in treatment of traumatized Iraqi children", *Digest of Middle East Studies*, 19(1), 26-36.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ОБ АВТОРЕ:

Миличевич Небойша М., доктор психологических наук, профессор, Философский факультет Университета в Нише,

ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия;
nebojsa.milicevic@filfak.ni.ac.rs

ABOUT THE AUTHOR:

Nebojša M. Milićević, Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Faculty of Philosophy, University of Nis, 2 Ćirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia;
nebojsa.milicevic@filfak.ni.ac.rs

УДК 167.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-5

Черновицкая Ю. В. | Легитимность насилия в техногенном обществе

Институт философии РАН,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; juchische@rambler.ru

Аннотация. Автором исследуется характерная для современной цивилизации трансформация насилия как способа выживания в «насилие власти», правомерность легитимизации насилия, применение ресурсов информационного сетевого общества, техногенной цивилизации для регулирования внутри- и внешнегосударственных отношений, новых ракурсов управления. Ставится под вопрос правомерность деятельности государств, берущих на себя право определения слабых, гибнущих или неудачных государств как источника современного политического насилия, нестабильности и угроз и осуществления против них «гуманитарных миссий». Рассматриваются такие виды насилия, логически встроенные в систему развития современного техногенного общества, как экономическое, институциональное, информационное. Обращается внимание на эффективность новых технологий для внедрения военных инноваций, развития военного потенциала в поддержку внешнего легитимного государственного насилия. Подчеркивается неспособность современного общества контролировать и регулировать все усложняющиеся информационные системы и склонность власти превентивно оценивать негативные последствия и не допускать возможности их наступления. Механизмы техногенного общества способствуют контролю за легитимностью власти и в то же время предоставляют власти возможность контролировать общество. Поэтому культура мира может послужить новым трендом развития человечества.

Ключевые слова: легитимность насилия; техногенное общество; информационное сетевое общество; экономическое, институциональное, информационное насилие; культура мира

Для цитирования: Черновицкая Ю. В. Легитимность насилия в техногенном обществе // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 61-74. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-5

Yu. V. Chernovitskaya | Legitimacy of violence in a technogenic society

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia; juchische@rambler.ru

Abstract. The author examines the transformation of violence as a way of survival into “violence of power”, characteristic of modern civilization, the legitimacy of its legitimization, the use of resources of the information network society, technogenic civilization to regulate internal and external state relations, and new management perspectives. The legitimacy of the activities of states that claim the right to identify

weak, dying or failed states as the source of modern political violence, instability and threats, and to carry out "humanitarian missions" against them, is called into question. The types of violence that are logically built into the development system of modern technogenic society, such as economic, institutional, and informational, are considered. Attention is drawn to the effectiveness of new technologies for the introduction of military innovations and the development of military potential in support of external legitimate state violence. The inability of modern society to control and regulate increasingly complex information systems and the tendency of the authorities to proactively assess negative consequences and prevent the possibility of their occurrence are emphasized. The mechanisms of a technogenic society contribute both to the control of the legitimacy of power and provide the power with the opportunity to control society. Therefore, a culture of peace can serve as a new trend in the development of humanity.

Keywords: legitimacy of violence; technogenic society; information network society; economic, institutional, information violence; culture of peace

For citation: Chernovitskaya Yu. V. (2024), "Legitimacy of violence in a technogenic society", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 62-74, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-5

Техногенное общество, основывающееся на синтезе науки, техники, технологий, представляет собой изменяющуюся систему материально-производственного, информационного и социального развития, которая перестраивает основания жизнедеятельности человека, его онтологическое восприятие. Техника получает помимо материально-производственного культурный и социальный статусы, происходит интеллектуализация техносферы, при этом актуальны вопросы скорости восприятия и поиска эффективных механизмов адаптации человека к новой реальности.

Насилие как пока неизбежная составляющая жизнедеятельности человечества также подвергается трансформации, эволюционирует вместе с человечеством. Насилие как социальный регулятор и мера демографического баланса (инфантицид, например) приобретает черты политического насилия. «Из насилия как способа выживания (так называемого "низшего насилия") оно трансформируется в "насилие власти", что

является характерной чертой современной цивилизации» (Игнатов, 2021: 134).

Техногенное и информационное общество способствует наделению властью обладателей богатства, знаний и преобразует, маскирует, допускает усовершенствованные формы насилия, делая их «естественными» неизбежными составляющими межкультурного взаимодействия, подводя под их осуществление нормативно-законодательную базу, социально-приемлемое согласие, а также морально-нравственное оправдание.

Современное общество пытается регулировать (к сожалению, как показывают реалии – только законодательно) прямое физическое насилие, которое становится косвенным, структурным, предполагающим насилие в системе (см.: Galtung, 1969), и культурно-поведенческим. Структурное насилие указывает на усиление неравенства от правового, социального, экономического (которое проявляется, например, в бедности, отсутствии доступа к достойной работе либо тяжелых условиях труда в некоторых сферах трудовой деятельности

для людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, затрудненном доступе к образованию, досугу и отдыху для отдельных категорий) «до антропологического, биологического и генетического, а также на возникновение в техногенном обществе еще более опасной и новой формы неравенства, связанной с доступом к новейшим эффективным технологиям и коммерциализацией услуг, основанных на биотехнологиях» (Черновицкая, 2022: 30). Культурно-поведенческое насилие наблюдается при провозглашении одной культуры, образа жизни единственно верными, а потому господствующими над другими; при принижении и разрушении либо пассивном недеянии по сохранению самобытности; при ограничении доступа к образованию, реализации прав человека недоминирующего этноса; сюда же можно отнести, наконец, любое моральное подавление человека не только как представителя конкретного этноса, нации, расы, религии, государства, а и как личности, индивидуальности.

Остается актуальным вопрос: может ли такой социально-политический феномен, как насилие, быть легитимным? А.А. Гусейнов дает определение двум подходам к насилию – абсолютистскому и прагматическому (Гусейнов, 1994: 35-41). Абсолютистский подход описывает насилие как абсолютное зло, вопрос легитимности насилия не ставится, насилие не может быть легитимным. Прагматический подход допускает оправдание насилия с целью предотвращения другого насилия, в целях защиты себя / своего окружения – таким образом, ареол использования насилия может стать достаточно всеобъемлющим. В статье Гусейнова идет отсылка к Толстому: «Пока насилие не совершено, никогда нельзя с абсолютной достоверностью утверждать, что оно будет совершено» (Гусейнов, 1994: 36). Поэтому с морально-нравственной точки зрения сложно оправдать совершенное насилие как

попытку предотвращения насилия еще не совершенного. Однако философская практика, описывая социально-политическое устройство общества, опирается на классические тексты, объясняющие допустимость монополии государства и властных структур на легитимное насилие и оправдывающие его. «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» (Вебер, 1990: 646), государство обладает монополией на легитимное физическое насилие на определенной территории (М. Вебер) либо монополией на легитимное физическое и символическое насилие (П. Бурдьё).

Многие исследователи, философы, государственные деятели (например, Н. Макиавелли, К. Маркс, Е. Дюринг, Л. Гумплович, К. Каутский и др.) считали насилие неотъемлемым условием происхождения государства и права, существования гражданского общества. Противоположна точка зрения (например, Х. Арендт, Н. Лумана и др.) (Арендт, 2014; Луман, 2001), что чем больше власть опирается на насилие, – тем она слабее, и тем сильнее, чем больше свобод она предоставляет (не в ущерб себе и обществу), что показывает степень доверия общества власти.

Проследим, как условия техногенной цивилизации способствуют легитимизации насилия, как государство использует эти условия, какие новые ракурсы управления обществом открываются в условиях информационного сетевого общества. Формирование государства связано с экономическими, политическими, правовыми, научными историческими процессами. Современные государства так или иначе берут на себя функции обеспечения интересов общества, каждого гражданина: материальных, интересов безопасности, прав и свобод, при необходимости используя насилие, которое

объявляется легитимным, так как исходит из интересов всего общества для возможности реализации потребностей каждого. Однако зачастую происходит злоупотребление властью, интересы государства, правящей элиты расходятся с интересами населения, власть делегитимизируется.

При отсутствии критерия допустимости насилия, в ситуации противостояния разных государств, определить законность/незаконность насилия вообще невозможно: каждое государство будет отстаивать свое право на легитимизацию своей деятельности. А государства, провозглашающие себя наиболее демократически развитыми, помимо внутригосударственной безопасности берут на себя право регулирования межгосударственных противоречий, объявляя свою деятельность оправданной (например, «гуманитарная интервенция»), а насилие легитимным (например, вводя в другую страну «миротворческие силы»). «Насилие, в том числе и прямое применение военной силы в обход государственных границ и норм международного права, провозглашается одним из необходимых способов утверждения гуманистических ценностей, продвижения в глобальном масштабе принципов свободы, демократии, прав человека» (Сагикязы, 2015: 148).

Предварительно заключенные договоры, подписанные конвенции, законы международного права перестают соблюдаться. «Типичная морально-демагогическая аргументация, применяемая в этом случае, заключается в том, что принцип государственного суверенитета, международное право, в том числе Устав и Хартия ООН и многочисленные конвенции, могут не соблюдаться во имя защиты “гуманистических ценностей свободного мира”» (Сагикязы, 2015: 149).

В случае межгосударственного противостояния в качестве субъекта, в отношении которого возможно применение

насилия, считающегося легитимным, выбирается «слабое, гибнущее или неудачное государство (weak, failing, failed), рассматриваемое в качестве источника современного политического насилия, нестабильности и угроз» (Кравченко, 2014: 165). При этом назначение государства таковым происходит следующим образом (ситуация, допустимая только в техногенном мире, в информационном обществе, так как именно сейчас возможен всеобъемлющий охват аудитории для пропаганды, достаточно развиты средства управления и контроля, а также средства воздействия на противника вплоть до угрозы применения ядерного оружия):

«Вначале изобретаются, формируются и представляются мировому сообществу “убедительные” доказательства наличия угрозы мировой или региональной безопасности, исходящие от избранного государства-жертвы. Затем разворачивается информационная кампания по обоснованию необходимости применения военной силы для ее купирования. В отношении объекта предстоящей агрессии вводятся санкции. На государства, не согласные с данным сценарием, оказывается экономическое и политическое давление. Формируется коалиция заинтересованных стран, готовых применить оружие, создается группировка войск (сил) и осуществляется вторжение» (Зарудницкий, 2023: 12).

Концепция «государств-неудачников» активно пропагандируется с 1993 года, начиная с докладов М. Олбрайт в рамках ООН (Кравченко, 2014: 166), также к ней обращался ряд исследователей (см., напр.: Helman, 1992), где предлагалось возложить на ООН компетенцию регулирования конфликтов в любой точке мира, причем с возможностью превентивного вмешательства.

Ряд террористических актов (основным из которых стал теракт 11 сентября 2001 г.) способствовали

созданию различных организаций – Центра по глобальному развитию в США (Center for Global Development), Американского Фонда мира (Fund for Peace), Центра по изучению кризисных государств (Crisis States Research Center), Комиссии США по национальной безопасности и слабости государств (the Commission on Weak States and US National Security) (см., напр.: Кравченко, 2014: 166-167), а также ряда других организаций, занимающихся изучением «слабых» государств (то есть государств, подвергнутых экономическим кризисам, режим которых – следствие коррупции и неэффективного управления; политическим кризисам, свидетельствующим о пренебрежении властью правами и свободами человека; коррупции судебной системы; с отсутствием гражданского общества и демократии, что ведет к кризисам легитимности официальных властей и активации граждан против существующего режима) и политического насилия. Подчеркивается, что государства со слабым управлением и контролем не способны предотвращать проникновение и распространение на своих территориях транснациональных террористических группировок с целью размещения тренировочных баз, рекрутирования новых членов и т. д.

Принятая в 2002 г. Стратегия национальной безопасности (National Security Strategy..., 2002) определяет, что «Соединенные Штаты будут вынуждены в одностороннем порядке вступать в военное противостояние с государствами-неудачниками каждый раз, когда они будут угрожать американским жизненно важным интересам» (Кравченко, 2014: 168), тем самым не только провозглашая насилие легитимным, но и допуская его превентивность. Как список уязвимых государств, так и решение применения превентивного насилия определяются одним государством или узким кругом государств, не учитывается внутренняя

специфика и самобытность региона, что способствует, на наш взгляд, формированию принципа безнаказанности и произвола со стороны государств, более развитых в техническом, технологическом, военном, информационном планах, обладающих всеми ресурсами и возможностями техногенного общества. Результаты гуманитарных миссий ООН неоднозначны и до сих пор вызывают дискуссии.

Историко-философский анализ негативных составляющих современной цивилизации выявляет скрытые механизмы насилия, эволюцию и трансформацию насилия, логически встроенного в систему развития современного техногенного общества. Существует множество классификаций видов политического насилия (см., напр.: Кречетова, Сатаров, 2015). Помимо физического насилия или его угрозы (запугивания) в рамках интересующей нас темы обратим внимание на экономическое, институциональное и информационное насилие. Физическое насилие в институциональных масштабах – это, например, применение смертной казни, нанесение массовых ракетных ударов, бомбардировки, применение физической силы против мирно настроенных демонстрантов. Эффективное запугивание позволяет власти избежать физического насилия в массовом масштабе.

Экономическое насилие – контроль и регулирование государством хозяйственной деятельности субъектов, бизнеса, прав собственности, создание условий, вынуждающих отказываться от экономической деятельности вплоть до возбуждения уголовных дел. «Россия сейчас являет собой пример тотального нелегитимного экономического насилия. Одно из многих частных следствий – масштабное бегство из страны капиталов и предпринимателей, также насилие сопряжено с высокими экономическими издержками» (Кречетова, Сатаров, 2015: 119, 124). Причем не важно, осуществляется ли оно вне (внешние

войска и вооружение) или внутри (внутренние войска, полиция, другие силовые структуры) страны.

Институциональное насилие – деятельность власти по созданию, отмене, внесению изменений в законодательство. Институциональное насилие проявляет себя, если закон, преследуя политические, идеологические, экономические, любые другие цели, противоречит правам человека (например, Нюрнбергские законы) либо Конституции или существующим уже законам (внесение поправок в Конституцию, законы «постфактум», оправдывающие нелегитимную деятельность властей). «Разрушение института политической конкуренции... уничтожило механизмы внутреннего и внешнего контроля над законодательной деятельностью, результаты которой все чаще выходят за сферу права... В итоге институциональное насилие, оставаясь легальным, становится антиправовым» (Кречетова, Сатаров, 2015: 119). Так, акцентируется внимание на незначительных экономических нарушениях, при этом игнорируется неправомерная деятельность государственных корпораций.

Иногда происходит слияние разных видов насилия. Признавая право человека на мир¹, что включает отказ от военной службы, право на сопротивление и противодействие подавлению, выражается сомнение в правомерности задержания за участие в митингах и шествиях, за выражение своих политических убеждений. «Происходит соединение сегментированного физического политического насилия с массовым институциональным насилием: преследование инакомыслящих поддерживалось принятием законов, ограничивающих применение

конституционных форм выражения протеста» (Кречетова, Сатаров, 2015: 130).

В современном информационном обществе особое место занимает массовая информация и СМИ, мы можем наблюдать проявления информационного насилия, которое рядом исследователей считается одним из самых важных видов политического насилия, так как любому силовому воздействию всегда предшествует информация. Важно соблюдать баланс между установлением контроля над СМИ (как самым массовым источником подачи информации, а соответственно, источником влияния и контроля) и информационной свободой, которая не должна восприниматься как информационная безответственность, создающая пропагандой реальную угрозу основам организации жизнедеятельности государства, общества, личности. СМИ как общественный институт должны подвергаться правовому регулированию.

В техногенном обществе созданы высокотехнологичные условия функционирования государства и власти, но также и гражданского общества и личности. Информационное общество обеспечивает доступ к социально-значимой информации, обеспечивает информационную свободу, но также и раскрывает механизмы властной деятельности, позволяя оценить ее с точки зрения легитимности или нелегитимности.

Основными проявлениями информационного насилия являются предоставление неполной, недостаточной информации, намеренно искаженной информации, фейковых новостей, утаивание информации, информационное давление. Современные информационные технологии способны влиять на параметры восприятия человека, продуцируя девиантные формы поведения. Насилие над

¹ См., например: Декларация Сантьяго о праве человека на мир, принятая в 2010 году Международным конгрессом о праве человека на мир [“The Santiago Declaration on the Human Right to Peace, adopted in 2010 by the International Congress on

the Human Right to Peace”] // Яков Кротов. Опыты [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/05_d/ekl/arazia2011.htm (дата обращения: 10.07.2024).

личностью носит информационный характер, «...медиализация и зрелищность оказываются его первостепенными характеристиками: сцену публичной смертной казни в XVII ст. нельзя сравнить со зрелищем террористического акта в начале XXI ст. по своим целям, масштабам, воздействию и размерам аудитории» (Визуальное..., 2007: 5). При превращении СМИ в пропагандистские каналы, контролируемые тоталитарным режимом, отстаивание пространства свободы личности становится небезопасным. Насилие может выражаться в навязывании единственно «правильной» идеологии, единственно верной «официальной истории».

Неизбежным атрибутом цифровой эпохи является формирование новой политико-коммуникационной реальности, определяемой фейк-ньюз и постправдой, когда пользователям преподносится якобы реальность, конструируемая в соответствии с интересами политических акторов, транснациональных корпораций, компаний, планирующих получить экономические выгоды. Соответственно, в области подачи информации также необходимо правовое регулирование. «Именно наличие четко прописанных в законе табу делает возможным административное или уголовное наказание за их нарушение. В свою очередь, предельно расплывчатые и неопределенные формулировки, допускающие произвольную интерпретацию норм права, следует рассматривать как ловушки, расставленные для адресного применения административных санкций в отношении частных лиц и средств массовой информации» (Данюк, Фельдман, 2020: 51).

Эффективные новые технологии позволяют разрабатывать и внедрять военные инновации, развивать военный потенциал вооруженных сил и разрабатывать военные стратегические концепции в поддержку внешнего легитимного государственного насилия.

Современная техника и технологии позволяют проводить интенсивную роботизацию вооружения, применять БПЛА (беспилотные летательные аппараты) не только в хозяйственных (доставка грузов, лекарств и др.) или научных (мониторинг трафика, картография и др.) и иных (чрезвычайные ситуации) целях, а также и в целях военных, минимизирующих участие и опасность для человека (разведывательные цели и цели поражения противника и инфраструктуры). Однако внедрение искусственного интеллекта, прогресс в этой области не только минимизирует человеческое участие, но и «создаст новые уязвимости и может привести к гонке вооружений в данной сфере» (Зарудницкий, 2023: 11).

Информационные технологии, реализуемые в виртуальном пространстве, трансформировали на новом технологическом уровне, представили в новом качестве не оказывающие в прошлом существенного влияния экономические, финансовые, дипломатические инструменты воздействия для достижения стратегических целей. Если сейчас наряду с постоянными армиями (для государств, их имеющих) используются нерегулярные военные формирования, частные военные компании, добровольческие отряды, то возможно использование государствами роботизированных систем, искусственного интеллекта, прокси-войн (война чужими руками на чужой территории), войн информационных и когнитивных (изменение способа конструирования реальности и, как следствие, трансформация сознания индивидов и общества в целом с целью переосмысления критически важных позиций), ментальных поведенческих войн, концентрированных войн, целью которых является смена ценностных ориентиров человека (Сержантов, 2021: 52). Новые войны, по мнению некоторых исследователей, – это «смесь военных действий, организованной преступности, террористических атак и массированного воздействия

информационно-коммуникационных технологий» (Зарудницкий, 2023: 13). В условиях непрерывного совершенствования оружия массового уничтожения (в том числе ядерного, химического, биологического), а также нарастающего глобального экологического кризиса возникает проблема выживания человека.

Непринятие результатов научно-технической революции, формирование информационного общества, неспособность человека к быстрой адаптации к меняющимся условиям жизнедеятельности приводит к отрицанию государства как института, попытке преодоления глобального модернизма, девиантным формам поведения, в крайних вариантах – агрессивным протестам (исламский фундаментализм, терроризм и др.). Так, например, эсеры считали терроризм «способом самообороны общества от произвола властей» (слова эсера В.М. Чернова, приводимые О.В. Будницким (Будницкий, 2000: 135)).

Сильное государство дает человеку возможность чувствовать себя частью общности, достижения прошлого и настоящего идентифицировать как потенциально свои собственные, но религиозные ценности, политические идеологии, военные союзы – прежде всего легально минимизируют права и свободы отдельного человека. Так, например, после террористических атак 11 сентября 2001 г. «почти половина американцев была согласна смириться с ограничением своих прав и свобод в обмен на снижение риска террористической угрозы на территории США» (Кречетова, Сатаров, 2015: 122). Это относится и к наказанию: виновного предадут смерти не как гражданина, но как врага, если он посягает на законы общественного состояния, становится предателем родины (см.: Руссо, 1998: Кн. II, гл. V).

Единая система образования и медицинского обслуживания, контроль массовой культуры в конечном счете могут

привести к контролю морали, творчества, индивидуальности. В крайних формах это приводит к законодательному запрету идеологически «неверных» научных теорий (в качестве примера можно привести арийскую и еврейскую физику), культуры (запрет публикаций определенных авторов), выражается в насилии над исторической памятью посредством «официальной истории» победившего, запрету идей (сожжению книг, запрету определенных высказываний).

Но как определить, быть уверенным, что легитимная власть законна? Обратимся, например, к судебной системе. Статьи, подразумевающие вариативную ответственность, размер которой определяется правоприменителем, с одной стороны, допускают коррупционную составляющую, с другой – проявляют индивидуальный подход. Более редкие случаи – определение наказания «как среднего арифметического между запросом судьи и прокурора» (см.: Забарин, 2017) с учетом четко определенного перечня смягчающих и отягчающих обстоятельств. В любом случае непрозрачность структуры решения о наказании – это всегда недовольство всей системой правосудия. Недовольные политикой государства в области осуществления легитимного насилия обращаются к опыту других государств, где мы можем наблюдать отнюдь не анархию митингующих или полицейский произвол, а превентивные меры властей, предотвращающие беспорядки. Тактика пресечения массовых беспорядков в западных странах предполагает (см. об этом: Забарин, 2017) территориальные ограничения (то есть территории вблизи места протеста, вход на которые запрещен, либо выделение протестующим строго определенного места) и количественные ограничения (проникнуть и покинуть зону протеста одновременно может ограниченное количество человек). Это практикуется в таких странах, как США, Франция,

Германия, Испания, Канада, Швеция. Осуществляются превентивные меры, такие как арест или ограничение передвижения по стране лидеров и активных протестующих (США, Испания, Канада, Швеция). Также используется тактика «нулевой толерантности», когда органы правопорядка реагируют на любые, даже незначительные нарушения закона. Стандартен набор спецсредств, используемых против протестующих. «Поэтому игры в демократичное применение насилия в отношении участников массовых беспорядков в цивилизованном мире и недемократичное в России – это все знакомые нам двойные стандарты» (Забарин, 2017).

Современное общество все больше склоняется к тому, что важнее и продуктивнее не столько оценивать риски и последствия событий, сколько превентивно предполагать возможности их наступления (Гребенщикова, 2018). «С развитием концепции упреждающего управления связан сдвиг социогуманитарного обеспечения технонаучного развития от оценки рисков и последствий к превентивным установкам» (Гребенщикова, 2018). Превенция информационного насилия необходима в техногенной цивилизации в условиях открытого общества, множества информационных потоков, их пересечения и взаимодействия. Традиционная проблема защиты информации дополняется актуальной проблемой защиты от информации. Возникает новая проблема – незащищенность от глобального информационного насилия из-за отсутствия контроля над все усложняющимися информационными системами. Высокая скорость изменений в техногенно-информационном мире не позволяет выработать адекватные механизмы регулирования управления этими процессами. Взаимоотношения науки и общества характеризуются наличием «нелинейного, “сложностного” характера развития технонауки, что <...> с

необходимостью требует повышения сложности управленческих систем, учитывающих неоднозначность и неопределенность будущего, новые риски и возможности» (Москалев, 2016: 561-562). Необходимо законодательное и добровольное регулирование взаимодействия доступа к информационным системам. Свобода доступа к информации, свобода высказываний не должна превращаться в словесную вседозволенность, учитывая силу влияния информации на ментальное здоровье человека, гражданина.

Сближение различных технологий и развитие новых направлений исследований на небывало ранних стадиях вовлекает общество «в обсуждение перспектив развития технонауки, а вместе с тем зафиксирован переход от модели “наука в обществе” к модели “наука для общества”» (Гребенщикова, 2018). Так, например, открытия в нейронауке, их последствия дают возможность формирования новой области права – нейроправа (Е.Гребенщикова), которое рассматривается как объединение науки, медицины, общества и права. Достижения нейронауки влияют и учитываются областями, далекими от медицины, что позволяет заранее предусмотреть некоторые направления развития исследований в других областях и превентивно оценить риски и возможные последствия.

Цифровая эпоха характеризуется активным развитием, а соответственно, и легитимным применением цифрового права. Активно обсуждаются существующие проблемы цифрового неравенства, проблемы доступа к новым технологиям, сложность или невозможность доступа к электронным услугам разного контингента пользователей (старшего поколения, материально необеспеченных граждан и т. д.), возникают ранее неизвестные формы социальных санкций и ограничений, тотальная система слежения и контроля,

вмешательство в частную жизнь, нарушение прав человека, личности. Поэтому некоторые исследователи отмечают: «Права человека в условиях цифрового левиафана предполагают сдержанную и осторожную позицию общества по отношению к любым технологическим инновациям, а “право на бесцифровую среду” необходимо признать в качестве естественного права» (Овчинников, 2021: 230). На наш взгляд, стремление урегулировать, легитимизировать новые форматы отношений, возникающих в техногенную эпоху, есть не что иное, как стремление власти установить законные, справедливые отношения в обществе.

Следует обратить внимание, что в современном мире информационно-коммуникативные технологии пронизывают все сферы жизнедеятельности общества, несогласованная их работа может привести к серьезным последствиям. К сбою в их функционировании могут привести не только технические (например, компьютерные вирусы, сбои в подаче электроэнергии, отсутствие доступа к навигационным системам), а и социальные факторы (некомпетентность, неорганизованность или халатность при исполнении поставленных задач, отсутствие достаточной и достоверной информации, размытое понятие ответственности), а также преднамеренные действия (атаки хаккеров, кибертерроризм, виртуальное мошенничество). «После аварии на АЭС (атомной электростанции) «Три-Майл Айленд» американский социолог Ч. Перроу предложил термин “нормальная авария”, который обозначает несчастные случаи, катастрофы, вызванные не грубыми просчетами, а человеческой ошибкой, обусловленной его естественным (нормальным) взаимодействием со сложными техническими и технологическими системами» (Грызунова, 2012: 58), так как «по мере роста сложности управляемой системы точный расчет

необходимых команд, то есть то, на чем строится вся теория управления в технике, становится принципиально невозможным, <...> объект становится неуправляемым» (Грызунова, 2012: 59). «Чем совершеннее последствия, интегрированные в технические системы, тем очевиднее и окончательнее утрачивается наш контроль над ними» (Бек, 2007: 152).

Человек, утрачивая контроль, теряет ответственность. Предпринимаются попытки переложить ответственность на технику. «Даже наказание постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры. Тем самым правосудие больше не берет на себя публично ответственность за насилие, связанное с его отправлением» (Фуко, 1999: 16). «Сегодня экспансия компьютерных технологий “отменила” прежние, сугубо человеческие, формы ответственности (капитан тонул вместе с кораблем и т. п.). В наши дни компьютеризация рождает феномен коллективной безответственности» (Гуревич, 2012: 359), уменьшается роль социального контроля, совести и чувства вины. Компьютерные системы, искусственный интеллект, готовые к обучению и адаптации к внешней среде, способные корректировать свое поведение, приспособляясь к изменяющимся условиям, – это реалии настоящего. Однако владение информационно-коммуникативными технологиями не отменяет ответственности социального решения. За разработку и функционирование технических устройств ответственны конкретные люди, структуры. Человек, ощущая свою новую степень свободы (в том числе и возможность разрушения всего живого, включая себя), приобретенную благодаря техническим достижениям, не должен забывать, что именно он несет ответственность за то, что им было принято решение о предоставлении возможности принятия решений компьютерными системами, именно людьми были разработаны системы искусственного

интеллекта, и пока еще есть возможность регулировать их, используя не только технические достижения, а и социально-философские ресурсы отношения человек – технологии – техника.

Выводы

Новые информационно-коммуникативные технологии преобразуют фундаментальные принципы организации социума. «Принцип политико-правовой легитимности множественной, взаимодополняющей, “контекстуально-лабильной” идентификации, выходящей за пределы государственных границ» (Курганская, Дунаев, 2022: 448) – это составляющая нового межгосударственного политического проекта. Исключая искоренение насилия как социальную иллюзию, обществом предпринимаются попытки заменить его «формами цивилизованными, рациональными, социально приемлемыми и ответственными» (Бабин, 2001: 95).

Легитимная власть регулирует варианты поведения, ограничивает выбор, потенциальные возможности с согласия общества, соблюдая права человека. Техногенное общество, открытость информации способствуют осуществлению контроля как над обществом, так и над властью. К сожалению, нормой человечества становятся соревнования экономического, информационного, милитаристского характера, в результате технологии часто используются против природы и против человека. В настоящем – культура мира – новый тренд и вызов для человечества.

Литература

Арендт, Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.

Бабин, И.А. Геополитика и культура мира как факторы обеспечения безопасности: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001. 187 с.

Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.

Будницкий, О.В. Терроризм в Российском освободительном движении. М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.

Вебер, М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Визуальное (как) насилие: Сб. науч. тр. / отв. ред. А.Р. Усманова. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 380 с.

Гребенщикова, Е.Г. Социотехнические мнимости технонауки // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 59-67 [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1902&Itemid=52 (дата обращения: 10.07.2024).

Грызунова, Е.А. Сравнительный анализ современных социологических подходов к кризисам окружающей среды // Вестник МГИМО. 2012. № 5. С. 195-203.

Гусейнов, А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 35-41 [Электронный ресурс]. URL: <https://guseinov.ru/wp-content/uploads/2020/06/A.A.-Гусейнов.-Понятия-насилия-и-ненасилия.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

Данюк, Н., Фельдман, П. Постправда и фейк-ньюз как феномен новой информационной реальности // Сети 4.0. Управление сложностью: Сб. ст. по материалам междунар. научно-практич. конф., состоявшихся в Москве в 2018–2019 гг. М.: ВЦИОМ, АСИС, 2020. С. 40-51.

Забарин, А.В. Монополия государства на легитимное насилие // Психологическая газета. 03.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://psy.su/feed/6024/> (дата обращения: 10.07.2024).

Зарудницкий, В.Б. Современные военные конфликты в контексте формирования новой геополитической картины мира // Военная мысль. 2023. № 11. С. 6-15.

Игнатов, А.Н. Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Ч. I: Доиндустриальный период // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 132-136.

Кравченко, В.Ю. Распад государства и трансформация политического насилия // Via in tempore. История. Политология. 2014. № 21 (192). С. 165-171.

Кречетова, М.Ю., Сатаров, Г.А. Власть и насилие. Случай России // *Полития*. 2015. № 4 (79). С. 116-139.

Курганская, В.Д., Дунаев, В.Ю., Сагикязы, А. Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности // *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2022. № 4. С. 487-499.

Луман, Н. *Власть*. М.: Праксис, 2001. 256 с.

Москалев, И.Е. Инновационная сложность социальных систем // *Инновационная сложность / под ред. Е.Н. Князевой*. СПб.: Алетейя, 2016. С. 561-573.

Овчинников, А.И. «Цифровой Левиафан» и права человека: риски инноваций в праве и государственном управлении // *Юридическая техника*. 2021. № 15. С. 227-230.

Руссо, Ж.-Ж. *Об общественном договоре: Трактаты*. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 416 с.

Сагикязы, А. «Политика ненасилия» – *contradictio in adjecto* // *Мир Большого Алтая*. 2015. № 1 (2). С. 147-152.

Сержантов, А.В. Трансформация содержания войны: от прошлого к современному // *Военная мысль*. 2021. № 1. С. 45-56.

Федотова, В.Г. Терроризм: попытка концептуализации // *Интелрос – Интеллектуальная Россия* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9909-terrorizm-popytka-konceptualizacii.html> (дата обращения: 10.07.2024).

Фуко, М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. 500 с.

Черновицкая, Ю.В. Техногенная цивилизация и новые формы неравенства // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2022. Т. 8. № 3. С. 30-46. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-3.

Galtung, J. Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6. No. 3. Pp. 167-191.

Helman, G., Ratner, S. Anarchy rules: Saving Failed States // *Foreign Policy*. 1992. Vol. 89. No. 3. P. 4.

National Security Strategy of the United States of America. 2002 // The White House:

President George W. Bush [Электронный ресурс]. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (дата обращения: 10.07.2024).

References

Arendt, H. (2014), *O nasilii* [On Violence], Transl. by Dashevsky, G., Novoe izdatelstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Babin, I. A. (2001), “Geopolitics and culture of peace as factors for ensuring security”, Ph.D. Thesis, Stavropol', Russia (in Russ.).

Chernovitskaya, Ju. V. (2022), “Technogenic civilization and new forms of inequality”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 30-46 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-3.

Danyuk, N. and Feldman, P. (2020), “Post-truth and fake news as a phenomenon of new information reality”, *Set' 4.0. Upravleniye slozhnostyu: Sbornik statey*. [Network 4.0. Complexity Management: Collection of articles based on materials from international scientific and practical conferences held in Moscow in 2018–2019], 40-51 (in Russ.).

Fedotova, V. G. “Terrorism: An Attempt at Conceptualization”, *Intelros – Intellektual'naya Rossiya* [Intelros – Intellectual Russia] [Online], available at: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9909-terrorizm-popytka-konceptualizacii.html> (Accessed 10 July 2024) (in Russ.).

Foucault, M. (1999), *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Surveiller et punir: Naissance de la Prison] [Supervise and Punish: The Birth of Prison], Transl. by Naumov, B., Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.).

Galtung, J. (1969), “Violence, Peace, and Peace Research”, *Journal of Peace Research*, 6 (3 (1969)), 167-191.

Grebenshchikova, E. G. (2018), “Sociotechnical imaginaries of technoscience”, *Voprosy filosofii*, 3, 59-67 [Online], available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1902&Itemid=52 (Accessed 10 July 2024) (in Russ.).

Gryzunova, E. A. (2012), “Comparative analysis of modern sociological approaches to environmental crises”, *MGIMO Review of International Relations*, 5, 195-203 (in Russ.).

Guseynov, A. A. (1994), “Concepts of violence and non-violence”, *Voprosy filosofii*, 4,

35-41 [Online], available at: <https://guseinov.ru/wp-content/uploads/2020/06/A.A.-Гусейнов.-Понятия-насилия-и-ненасилия.pdf> Accessed 10 July 2024) (in Russ.).

Helman, G. and Ratner, S. (1992), “Anarchy rules: Saving Failed States”, *Foreign Policy*, 89 (3), 4.

Ignatov, A. N. (2021), “Violence as a fundamental trend in the civilizational development of mankind. Part I: Pre-industrial period”, *Humanities, social-economic and social sciences*, 2, 132-136 (in Russ.).

Kravchenko, V. Yu. (2014), “State Collapse and Transformation of Political Violence”, *Via in tempore. History and political science*, 21 (192), 165-171 (in Russ.).

Krechetova, M. Yu. and Satarov, G. A. (2015), “Power and violence. Russian case”, *Politeia Journal*, 4 (79), 116-139 (in Russ.).

Kurganskaya, V. D., Dunaev, V. Yu. and Sagikyzy, A. (2022), “The phenomenon of identity in the social construction of virtual reality”, *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 4, 487-499 (in Russ.).

Luhmann, N. (2001), *Vlast' [Macht] [Power]*, Transl. by Antonovskiy, A., Praxis, Moscow, Russia (in Russ.).

Moskalev, I. E. (2016), “Innovative complexity of social systems”, *Innovatsionnaya slozhnost' [Innovative complexity]*, in Knyazeva, E. N. (ed.), *Aleteya*, Saint Petersburg, Russia, 561-573 (in Russ.).

“National Security Strategy of the United States of America” (2002), *The White House: President George W. Bush* [Online], available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (Accessed 10 July 2024).

Ovchinnikov, A. I. (2021), “Digital Leviathan and human rights: risks of innovation in law and public administration”, *Juridical Techniques*, 15, 227-230 (in Russ.).

Rousseau, J.-J. (1998), *Ob obshhestvennom dogovore [Du contrat social; ou Principes du droit politique. Traités] [On the Social Contract: Treatises]*, KANON-press, Kuchkovo pole, Moscow, Russia (in Russ.).

Sagikyzy, A. (2015), “Policy of nonviolence – contradictio in adjecto”, *World of the Great Altai*, 1 (2), 147-152 (in Russ.).

Serzhantov, A. V. (2021), “Transformation of the content of war: from past to modern”, *Military Thought*, 1, 45-56 (in Russ.).

Weber, M. (1990), *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*, Transl. by Davydov, Yu., Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Usmanova, A. R. (ed.) (2007), *Vizualnoe (kak) nasilie: Sb. nauch. trudov [Visual (as) violence: Collection of scientific works]*, European Humanities University Press, Vilnius, Lithuania (in Russ.).

Zabarin, A. V. (2017), “State monopoly on legitimate violence”, *Psikhologicheskaya gazeta. 03.04.2017* [Psychological newspaper. 3 April 2017]. [Online], available at: <https://psy.su/feed/6024/> (Accessed 10.07.2024) (in Russ.).

Zarudnitskiy, V. B. (2023), “Modern military conflicts in the context of the formation of a new geopolitical picture of the world”, *Military Thought*, 11, 6-15 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Черновицкая Юлия Вячеславовна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; juchische@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Yuliya V. Chernovitskaya, PhD in Philosophy, Research Fellow, Department of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia; juchische@rambler.ru

УДК 130.2, 101.1:316.4, 008.2, 304.2, 004.8

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-6

Винокурова Е. Н. | **Антиутопии как «самосбывающиеся пророчества»
об использовании технологий искусственного интеллекта
в информационной войне**

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *c.vinockurova@yandex.ru*

Аннотация. В статье выявляется и демонстрируется прогностический потенциал художественных (литературных) антиутопий как «самосбывающихся (самоисполняющихся) пророчеств», описывающих те или иные аспекты технологий искусственного интеллекта, риски их применения в контексте одной из ключевых угроз технологического развития цифрового общества, сопровождающей глобальный кризис, – информационной войны пятого поколения. Впервые научной актуализации и социально-философскому, дискурсивному анализу подвергаются тексты литературных антиутопий на предмет выявления рисков применения искусственного интеллекта в современной информационной войне. Представляются и описываются с позиции современных информационных войн две группы рисков, связанных с развитием технологий искусственного интеллекта в целом и с их внедрением в сферу информационных войн. Автор приходит к выводу, что большая часть так или иначе описанных в антиутопиях рисков сбылась или сбывается в настоящее время, что свидетельствует о том, что потенциал литературных антиутопий заключается в том, что они позволяют не только обозначить риски, но и, будучи «самосбывающимися пророчествами», репрезентировать возможные и сбывающиеся последствия технологического развития цифрового общества. Соответственно, антиутопии выполняют прогностическую и предупредительную функцию. Результаты, полученные в данной статье, могут быть использованы при разработке соответствующих мер в социально-политической сфере, а также для информирования общественности об угрозах современной информационной войны, включая применение технологий искусственного интеллекта в данной сфере.

Ключевые слова: информационная война пятого поколения; антиутопия; социальное прогнозирование; «самосбывающееся (самоисполняющееся) пророчество»; цифровое общество; технологии искусственного интеллекта (ИИ)

Для цитирования: Винокурова Е. Н. Антиутопии как «самосбывающиеся пророчества» об использовании технологий искусственного интеллекта в информационной войне // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 75-84. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-6

E. N. Vinokurova

Anti-utopias as “self-fulfilling prophecies” about the use of AI in information warfare

National Research Tomsk State University,
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia; *c.vinokurova@yandex.ru*

Abstract. The article defines and demonstrates the predictive potential of literary anti-utopias as “self-fulfilling prophecies” describing certain aspects of artificial intelligence technologies and the risks of their application in the context of one of the key threats of technological development of digital society accompanying the global crisis – fifth-generation information warfare. For the first time the texts of literary anti-utopias are scientifically actualised and socio-philosophically and discursively analysed to identify the risks of AI application in modern information warfare. Two groups of risks related to the development of artificial intelligence technologies, in general, and their application in the sphere of information warfare are presented and described from the perspective of modern information warfare. The author concludes that most of the risks described in anti-utopias have come true or are currently coming true, thus demonstrating that the potential of literary anti-utopias is that they not only identify risks, but also, as “self-fulfilling prophecies”, represent possible and realised consequences of the technological development of digital society. Accordingly, they fulfil a prognostic and preventive function. The results of this article can be used to develop appropriate measures in the socio-political sphere, as well as to inform the public about the threats of modern information warfare, including the application of artificial intelligence technologies in this sphere.

Keywords: fifth-generation information warfare; anti-utopia; social forecasting; “self-fulfilling prophecy”; digital society; artificial intelligence (AI) technologies

For citation: Vinokurova E. N. (2024), “Anti-utopias as ‘self-fulfilling prophecies’ about the use of AI in information warfare”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 75-84, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-6

Проблема будущего – одна из сквозных проблем научных исследований, религиозных текстов и художественных произведений. Она сопровождала человечество на протяжении всего его существования. Интерес к проблеме будущего обусловлен тем, что без социального прогноза невозможно управление собственной жизнью человека и общества в целом. Более того, «чем шире пространство спрогнозированных вариантов, тем большее пространство для футурологического цивилизационного маневра образуется у человечества» (Андреев, Тузовский, 2023: 7).

Процессы, происходящие в современном цифровом обществе, позволяют констатировать его нестабильность и неопределенность, вызванную ускоряющейся эволюцией и трансформацией цифровых технологий как основы функционирования данного общества. Преимущества развития цифровых технологий и использование их во благо человечества сопровождаются высокой степенью «социальной рискогенности» (Веck, 2009), обусловленной столкновением внешней природной среды и внутренней природы – техносреды (Данилов, 2018). На данный момент цифровое общество находится

в состоянии глобального кризиса, затрагивающего его экономическую, социальную и политическую сферы. Цифровые технологии, будучи амбивалентной сущностью, с одной стороны, позволяют обществу преодолевать данный кризис, а с другой – способствуют его усилению. Ускоренная эволюция и трансформация технологий актуализируют вопрос будущего общества, рисков его технологического развития, которые во многом определяют это будущее. Соответственно, в данном контексте с целью минимизации рисков технологического развития цифрового общества становится актуальным «заглянуть в будущее», обратиться к социальному прогнозу, что будет в определенной степени способствовать идентификации возможных рисков, поскольку социальное прогнозирование, «размышление о будущем – это один из способов планирования будущего, хотя и несколько непривычный» (Урри, 2019: 290).

Одной из форм социального прогнозирования является антиутопия как художественное воображаемое, направленное на выяснение «соотношений внутри триады “человек – цивилизация – общество” с отрицанием возможности реализации утопических идеалов при условии нарушения баланса и гармонии» (Шишкина, 2007: 207). Современный глобальный кризис, охвативший все сферы общества, представляет собой не что иное, как нарушение гармонии и баланса развития цифрового общества. Картина современного цифрового общества «сюжетно» объединяет в себе черты художественных (литературных) антиутопий: угрозу замещения человека искусственным интеллектом (далее – ИИ); угрозу информационной войны, угрозу мировых эпидемий и пандемий; риск

применения ядерного, химического и биологического оружия в контексте военного противостояния государств; социальное неравенство, принимающее разные формы, включая цифровое неравенство; тоталитаризм и повсеместный контроль (в том числе с использованием цифровых технологий); риск экологической катастрофы и пр.

В этих условиях становится важным не только преодоление глобального кризиса, но и поиск, систематизация причин, которые привели к нему, а также прогноз сбывшихся и сбывающихся рисков технологического развития цифрового общества. На наш взгляд, одним из источников для прогнозирования такого рода рисков являются литературные антиутопии, представляющие собой сферу воображаемого, поскольку только через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим, соответственно, «необходимо принять во внимание все возможные, в большей или меньшей степени, невероятные сценарии» (Beck, 2009: 10).

Многие из прогнозов писателей-антиутопистов уже сбылись¹ или продолжают сбываться в контексте современного глобального кризиса, однако, несмотря на растущий интерес к данной проблеме со стороны научного сообщества (см.: Андреев, Тузовский, 2023; Брега, 2009; Демидова, 2020; Филатов, 2014; Халуторных, 2021 и др.), прогностический потенциал литературных антиутопий в аспекте прогнозирования рисков технологического развития цифрового общества до сих пор недооценен, в частности, в разрезе концепции «самосбывающегося (самоисполняющегося) пророчества» Р. Мертона. При этом следует отметить, что существует ряд исследований, в рамках которых антиутопии рассматриваются как

¹ Например, согласно проведенному Ч. Уайзом в 1976 г. исследованию, в 1890–1940-х гг. сбылись 44,4 % прогнозов исследователей, экспертов и

33,6 % прогнозов писателей-фантастов (Гаков, 1983: 15).

результат гносеологического осмысления социальной действительности (Брега, 2009), метод предвидения будущего (Филатов, 2014), социокультурный прогноз развития общества риска (Халуторных, 2021), а также источник образов будущего цифровой эпохи (Андреев, Тузовский, 2023). Несмотря на значимость вклада данных исследований в изучение антиутопий как форм социального прогнозирования будущего, за их пределами находится осмысление прогностического потенциала литературных антиутопий как «самосбывающихся пророчеств» в аспекте прогнозирования рисков технологического развития цифрового общества в контексте глобального кризиса.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в последние годы наблюдается высокая востребованность антиутопий со стороны читающих людей. По данным компании LexisNexis, работающей в сфере информационных услуг, количество упоминаний слов «антиутопия» / «антиутопический» в новостных источниках в 1985 г. составило пять раз, а в 2018 г. – 25 078 раз (Jones and Paris, 2019). Новый всплеск популярности антиутопий в США пришелся на начало 2017 г. и был связан с избранием президентом Д. Трампа. В этом контексте The New York Times сообщила о резком росте спроса (на 9 500 %) на роман Дж. Оруэлла «1984», в котором описывается тоталитарное общество будущего с повсеместной слежкой за действиями и мыслями населения (Freitas-Tamura, 2017). Повышенный интерес к антиутопиям в последние годы наблюдается и в России. По данным Российской книжной палаты, в первые девять месяцев 2021 года Дж. Оруэлл стал вторым наиболее издаваемым автором в художественной литературе – общий тираж его произведений составил 613,1 тыс. экземпляров (Мисник, 2023), что, на наш взгляд, обусловлено социальными последствиями пандемии коронавируса, а

также сопровождающей ее «дезинформацией» как частью информационной войны, развернувшейся на фоне пандемии.

Безусловно, Дж. Оруэлл в романе «1984» не мог писать про информационную войну, средствами ведения которой являются цифровые технологии. Тем не менее, созданный им образ «Большого брата», который на момент публикации книги в 1949 г. существовал только в творческом воображении автора и считался безумием, является метафорой существующего сегодня и используемого в информационной войне ИИ. Еще один оруэлловский образ – «Министерство правды», которое занималось фальсификацией исторических событий и определяло, что такое «правда», а затем распространяло ее в средствах массовой информации и исторических документах, напоминает не что иное, как фабрику троллей и фабрику фейков, существующие в сегодняшней реальности.

Так, повышенный интерес к антиутопиям со стороны читающих людей в последние несколько лет, на наш взгляд, в первую очередь связан с их желанием «заглянуть в будущее», лучше понять причины глобального кризиса, риски технологического развития общества, найти объяснения происходящим событиям, включая пандемию коронавируса, участвовавшие террористические акты и многочисленные военные конфликты, возникающие между разными странами.

С нашей точки зрения, сложный и многомерный характер глобального кризиса усугубляется современными информационными войнами, которые сопровождают события последних нескольких лет. Несмотря на то что сами информационные войны сопровождали человечество в течение всего его существования, высокую степень рискогенности они приобрели сравнительно недавно, в контексте развития и внедрения в данную сферу

новых технологий, включая технологии ИИ. Современная информационная война представляет собой информационную войну пятого поколения, характеризующуюся использованием мессенджеров (в частности, Telegram), социальных сетей, а также технологий ИИ (Кужелева-Саган, 2023: 47).

В современной практике информационных войн пятого поколения инфотехнологами используется ИИ с целью а) проведения сетевого анализа «больших данных» для сбора информации «снизу» (например, в формате челленджей в социальных сетях и мессенджерах); б) сетевого профайлинга целевых аудиторий; в) создания и распространения интерактивного генеративного контента дезинформационного содержания в виде текстового контента, создаваемого технологиями, подобными ChatGPT, и дипфейков разного характера (фото, аудио, видео).

Все это свидетельствует о том, что высокотехнологичная информационная война, инструментальную базу которой составляют технологии ИИ, является одной из ключевых угроз технологического развития цифрового общества. Следовательно, актуальным становится рассмотрение литературных антиутопий как «самосбывающихся пророчеств» о рисках применения технологий ИИ в ее контексте.

На основе анализа более 30 литературных антиутопий доцифровой и цифровой эпохи нами были выделены две группы рисков разных уровней и масштабов, связанных с развитием технологий ИИ в целом и их внедрением в сферу информационной войны. Несмотря на то что мы разделили данные риски на две группы, большинство из них тесно связаны друг с другом. В выборку вошли антиутопии доцифровой (М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818); У. Гроув «Крушение мира» (1889); К. Чапек «R.U.R.» («Rossum's Universal Robots») (1920); А. Азимов «Хоровод (Три закона робототехники)» (1942); Дж. Уильямсон

«Гуманоиды» (1948) и др.) и цифровой (Р. Шекли «Страж-птица» (1953); Ф. Герберт «Дюна» (1963–1965); Х. Эллисон «У меня нет рта, но я должен кричать» (1967); Б. Олдисс «Суперигрушек хватает на все лето» (1969); У. Тевис «Пересмешиник» (1980); И. Макдональд «Река Богов» (2004); В. Винддж «Конец радуг» (2006); В. Пелевин «S.N.U.F.F.» (2011); Н. Стивенсон «Падение, или Додж в Аду» (2011); М. Мейер «Киберзолушка» (2012); Ц. Збешховский «Всесоюзение», (2013); М.-У. Клинг «Страна качества» (2019) и пр.) эпох, содержащие описание прообразов и образов ИИ и информационной войны. Безусловно, во многих из них не было прямого упоминания словосочетаний «искусственный интеллект» и «информационная война», тем не менее, через аллюзии и метафоры, которые использовали писатели-антиутописты прошлого и настоящего, так или иначе считываются указания на данные явления. Необходимо отметить, что описание рисков развития технологий ИИ и их внедрение в сферу информационной войны не дано в произведениях в конкретном месте, а является органической частью сюжета и элементом воображаемого мира писателя.

К первой группе относятся риски, угрожающие обществу не только в контексте внедрения ИИ в сферу информационных войн, но и в целом связанные с применением технологий ИИ в разных областях функционирования общества. Среди них можно выделить следующие:

Риск потери контроля над ИИ (А. Кларк «Космическая одиссея» (1968); М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818); У. Гроув «Крушение мира» (1889); К. Чапек «R.U.R.» (1920); А. Азимов «Хоровод (Три закона робототехники)» (1942); А. Азимов «Роботы и Империя» (1986); Дж. Уильямсон «Гуманоиды» (1948); Р. Шекли «Страж-птица» (1953); Ф. Герберт «Дюна» (1963–1965); Х. Эллисон «У меня нет рта, но я

должен кричать» (1967); Б. Олдисс «Суперигрушек хватает на все лето» (1969); У. Тевис «Пересмешник» (1980); И. Макдональд «Река Богов» (2004); М. Мейер «Киберзолушка» (2012) и пр.).

Риск появления самовоспроизводящихся машин (У. Гроув «Крушение мира» (1889); К. Чапек “R.U.R.” (1920); И. Макдональд «Река Богов» (2004) и др.).

Риск тоталитаризма (Т. фон Харбоу «Метрополис» (1925); Б. Олдисс «Суперигрушек хватает на все лето» (1969); А. Зиновьев «Глобальный человек» (1997); В. Пелевин “S.N.U.F.F.” (2011) и др.).

Риск социального неравенства (Г. Уэллс «Машина времени» (1895); К. Чапек “R.U.R.” (1920); Т. фон Харбоу «Метрополис» (1925); Ф. Дик «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1968); Н. Стивенсон «Алмазный век, или Букварь для благородных девиц» (1995); А. Зиновьев «Глобальный человек» (1997); В. Пелевин “S.N.U.F.F.” (2011) и др.).

Риск цифрового неравенства (Н. Стивенсон «Алмазный век, или Букварь для благородных девиц» (1995) и др.).

Риск борьбы за технологический суверенитет (И. Бэнкс «Культура, Экссессия» (1996); Х. Эллисон «У меня нет рта, но я должен кричать» (1967) и др.).

Вторая группа рисков связана с информационными войнами и применением ИИ в данной сфере. Риски этой группы описаны писателями-антиутопистами преимущественно цифровой эпохи за несколько лет до масштабного использования обозначенных технологий в практике информационной войны периода пандемии коронавируса, а также инфовойн, сопровождающих СВО на Украине, военный конфликт между сектором Газа и Израилем.

Ко второй группе рисков можно отнести следующие:

*Риск наступления эпохи постправды*² (В. Виндж «Конец радуг» (2006); В. Пелевин “S.N.U.F.F.” (2011); Н. Стивенсон «Падение, или Додж в Аду» (2011); М. Мейер «Киберзолушка» (2012); Ц. Збешховский «Всесожжение», (2013); М.-У. Клинг «Страна качества» (2019) и пр.).

В романе-антиутопии «Падение, или Додж в Аду» Н. Стивенсон демонстрирует исполнение этого риска на примере ядерной террористической атаки на американский город Моав, которой не было в реальности. Сценой для постановки ядерного взрыва стало информационное пространство. «Вброс» информации об ядерном взрыве в разные социальные сети повлек за собой «миллионкратные перепосты» (Стивенсон, 2019: 120). Новостные каналы за отсутствием какой-либо определенной информации с места катастрофы распространяли непроверенную информацию, преобразуя ее в новые версии дезинформации (Стивенсон, 2019: 121). Так намеренная мистификация с высоким уровнем технологической подготовки заставила мир поверить в ядерную атаку. Несмотря на скорое разоблачение этого фейка благодаря действиям одного из персонажей – Корваллиса Кавасаки, директора по научным исследованиям в ОАО «Лайке» – доверие со стороны населения к СМИ упало.

Риск наступления эпохи постправды представляет собой сбывшееся «исполнившееся» пророчество – эпоха постправды наступила в 2020–2021 гг. вместе с пандемией коронавируса и сопровождающей ее «дезинформацией», когда для распространения дезинформации о коронавирусе использовались в том числе технологии ИИ.

² «Постправда – это когда ложь нежелательна, а правда недопустима. Это то, что находится “перпендикулярно” настоящей лжи и настоящей

правде, и потому в принципе неverifiedируемо» (Переслегин, 2023).

Данный риск, в свою очередь, связан со следующими рисками, которые также представляют собой элемент воображаемого мира обозначенных выше писателей-антиутопистов:

Риск превращения данных пользователей социальных сетей, мессенджеров в товар

Прообразом обозначенного риска так или иначе может являться описанный В. Пелевиным в романе “S.N.U.F.F.” продаваемый контент, предназначенный для потребителей верхнего лучшего мира – Бизантиума. Материалом для контента служат видео, герои которых – жители нижнего мира – Украины. С целью получения подобных видео специальные служащие верхнего мира каждый год прилетают в Украину, организуют войну, чтобы заснять ее на видеокамеру, а затем продать этот контент (Пелевин, 2011).

В реальном мире данные пользователей социальных сетей и мессенджеров продаются не только крупным корпорациям с целью настройки таргетированных рекламных объявлений, ориентированных на продажу конкретных товаров или услуг, но в том числе и актерам информационных войн с целью адресного распространения информации и дезинформации.

Риск персонализации дезинформационного контента на основе полученных данных пользователей из социальных сетей и мессенджеров

Ц. Збешховский в романе «Всесожжение» уделяет достаточно большое внимание технологиям ИИ. Несмотря на то что автор напрямую не говорит о риске персонализации дезинформационного контента на основе полученных данных пользователей, тем не менее, этот подтекст считывается, когда он говорит о том, что «по данным можно составить прекрасные профили» (Збешховский, 2019: 94). На наш взгляд, Ц. Збешховский описал не что иное, как профайлинг целевых аудиторий, который используется в современной

информационной войне пятого поколения для дальнейшей персонализации дезинформационного контента.

Так, в контексте информационной войны пятого поколения, данный риск исполнился. Технологии ИИ позволяют не только масштабно создавать мультимедийный контент (интерактивный генеративный контент (ИГК)), но и адаптировать его к конкретным пользователям, исходя из их интересов.

Риск влияния на принятие решений, выбора идеологической позиции в реальном мире через фильтрацию информационных потоков

В антиутопии М.-У. Клинга «Страна качества 2.0» одним из центральных событий является так называемая «Третья мировая война» между шестьюдесятью четырьмя странами, которую «автоматизированные вооруженные силы вели как флэш-войну и победили в течение восьми часов и шестнадцати минут» (Клинг, 2022: 87). Военные действия сопровождала информационная война, однако, благодаря фильтрации определенным образом информационных потоков, не все население было о ней информировано, в том числе и главный герой сатирической антиутопии – Петер Безработный, поскольку «фильтры решили, что такой исторический муравьиный выпад, как Третья мировая война его не интересует. Вместо этого он смотрел бесконечно длинный рассказ о том, как младший сын Конрада Повара состоит сейчас в отношениях с актрисой, которая на сорок один год старше его и которая пару десятков лет тому назад сыграла главную роль в фильме “Сьюзи и роботы”» (курсив наш. – Е. В.) (Клинг, 2022: 100-101).

В другой антиутопии американского писателя В. Винджа – «Конец радуг» описывается технология под названием «Лучше Ты Мне Поверь» (ЛТМП). ЛТМП – это не только технология ментального контроля над сознанием населения, но и инструмент влияния на принятие решений и выбор определенной идеологической позиции. Несмотря на то, что В. Виндж не

говорит о фильтрации информационных потоков как таковых, стоит понимать, что благодаря ЛТМП происходит отбор и «доставка» определенной информации, релевантной интересам государства и террористических группировок, в воображаемом мире, созданном В. Винджем. По мнению автора, ЛТМП – «не конец всего; напротив, в нужных руках она являет единственный инструмент разрешения современного парадокса, который позволит укротить человеческую креативность и не разрушить при этом весь мир» (Виндж, 2019: 11).

Риск влияния на принятие решений, выбор идеологической позиции в реальном мире через фильтрацию информационных потоков также исполнился в информационной войне пятого поколения. Фильтрация информационных потоков алгоритмами ИИ осуществляется на основе данных пользователей в социальных сетях и мессенджерах. Вокруг человека на основе его интересов, подписок формируется «информационный пузырь», который может быть представлен соответствующими контентными рекомендациями социальных сетей и персонализированными сообщениями, содержащими в себе паттерны определенного мышления и поведения.

Риск цифрового клонирования

В обозначенной выше антиутопии М.-У. Клинга «Страна качества 2.0» в контексте «Третьей мировой войны» и выборов президента Страны Качества председатель «Партии прогресса» и кандидат в президенты Тони Партийный Босс создает дипфейк со своим участием, в котором демонстрируется его разговор со старым седым человеком в костюме. В поддельном видео Тони говорит, что «женщины, “бесполезные” и весь сброд мигрантов действительно верят, что я для них что-то сделаю. Но не беспокойтесь. Конечно, мне нужны только их голоса. Считайте меня своего рода крысоловом» (Клинг, 2022: 184). При этом председатель «Партии прогресса» отмечает, что сеть

переполнена подобного рода дипфейками, которые многим кажутся правдой.

Н. Стивенсон в романе «Падение, или Додж в Аду» также не обошел стороной риск появления дипфейков как характерной черты эпохи постправды. Распространяемое в социальных сетях видео ядерного взрыва в Моаве представляет собой не что иное, как дипфейк (Стивенсон, 2019).

Цифровое клонирование в информационной войне можно считать исполненным пророчеством. Дипфейки позволяют имитировать не только внешний вид человека, но и его голос. Цель применения данной технологии в информационной войне – фальсификация приказов, «посев смуты», подрыв народной поддержки, поляризация общества, разделение союзников, дискредитация лидеров (Science & Tech Spotlight, 2020).

Таким образом, на наш взгляд, потенциал литературных антиутопий для прогнозирования рисков технологического развития цифрового общества в контексте глобального кризиса, включая информационную войну пятого поколения, заключается в том, что они позволяют не только обозначить риски, но и, будучи «самосбывающимися пророчествами», репрезентировать возможные и сбывающиеся последствия технологического развития цифрового общества через художественные образы, что, в свою очередь, побуждает читающих людей задуматься о том, как предотвратить или свести к минимуму серьезные риски для жизни общества, вызываемые технологиями, которые оно создало.

Автор полагает, что проблема, решаемая в статье, является в определенной степени постановочной, а проведенный анализ текстов литературных антиутопий на предмет выявления рисков применения ИИ в современной информационной войне носит экспериментальный характер. Выявленный и продемонстрированный на примере информационной войны пятого поколения потенциал антиутопий как

«самосбывающихся пророчеств» может стать отправной точкой для выявления другого рода рисков технологического развития цифрового общества в контексте глобального кризиса, что в будущем может стать основой для разработки соответствующих реактивных и превентивных мер в социально-политической, экономической и культурной сфере. Определение подобного рода рисков – задача дальнейших исследований.

Литература

- Андреев, Е.А., Тузовский, И.Д. Образы будущего цифровой эпохи в произведениях метажанра антиутопии начала XXI века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 50. С. 5-19.
- Брега, С.С. Феномены утопии и антиутопии в социуме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2009. № 4. С. 46-50.
- Виндж, В. Конец радуг / пер. с англ. К. Сташевски. М.: Эксмо, Fanzon, 2019. 509 с.
- Гаков, Вл. Четыре путешествия на машине времени (научная фантастика и ее предвидения). М.: Знание, 1983. 191 с.
- Данилов, С.А. «Черный лебедь» Н. Талеба как философская рефлексия рискогенного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2018. № 2. С. 122-126.
- Демидова, О.Р. Зеркало (анти)утопии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2020. № 3. С. 94-104.
- Збешховский, Ц. Всесожжение / пер. с польского И.А. Шевченко. М.: АСТ, 2019. 502 с.
- Клинг, М.-У. Страна качества 2.0 / пер. с нем. Т.В. Садовниковой. М.: Fanzon, 2022. 448 с.
- Кужелева-Саган, И.П. Концепции П. Бурдьё, Ж. Лакана и Р. Познера как основания для понимания механизмов современных информационных войн // Коммуникология. 2023. Т. 11. № 3. С. 42-62.
- Мисник, Л. Страх будущего и маски Гая Фокса: почему антиутопии так популярны. 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19062837> (дата обращения: 05.06.2024).
- Пелевин, В.О. S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
- Переслегин, С.Б. Тотальная информационная война. 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=pMoJEN_5wZI&t=267s (дата обращения: 09.04.2024).
- Стивенсон, Н. Падение, или Додж в Аду. Кн. первая / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. М.: Эксмо, Fanzon, 2020. 544 с.
- Урри, Дж. Как выглядит будущее? / пер. с англ. А. Матвеевко. М.: Дело, 2019. 320 с.
- Филатов, В.И. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего // Вестник ОмГУ. 2014. № 4 (74). С. 84-86.
- Халуторных, О.Н. Антиутопия как социокультурный прогноз развития общества риска // «Гуманитарный вестник» МГТУ им Н.Э. Баумана. 2021. № 3 (89). С. 1-6.
- Шишкина, С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного института ИГХТУ. 2007. № 2. С. 199-208.
- Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. 269 p.
- Freytas-Tamura, K. George Orwell's '1984' Is Suddenly a Best-Seller. 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/25/books/1984-george-orwell-donald-trump.html> (дата обращения: 04.06.2024).
- Jones, C., Paris, C. Dystopian fiction makes people more willing to justify political violence. Should you worry? 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2019/01/11/dystopian-fiction-makes-people-more-willing-to-justify-political-violence/> (дата обращения: 04.06.2024).
- Science & Tech Spotlight: Deepfakes [информационный материал Счетной палаты США]. 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gao.gov/products/gao-20-379sp> (дата обращения: 04.07.2024).

References

Andreev, E. A. and Tuzovsky, I. D. (2023), "Images of the future of the digital age in the metagenre of dystopia of the early 21st century",

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 50, 5-19 (in Russ.).

Beck, U. (2009), *World at Risk*, Polity Press, Cambridge.

Brega, S. S. (2009), "Utopia and anti-utopia phenomenon as the phenomenon in society", *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 4, 46-50 (in Russ.).

Danilov, S. A. (2018), "N. Taleb's 'Black Swan' as a philosophical reflection of a risky society", *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2, 122-126 (in Russ.).

Demidova, O. R. (2020), "The Mirror of (Anti-)Utopia", *Pushkin Leningrad State University Journal*, 3, 94-104 (in Russ.).

Filatov, V. I. (2014), "Twentieth-century anti-utopia as a method of foreseeing the future", *Herald of Omsk University*, 4 (74), 84-86 (in Russ.).

Freytas-Tamura, K. (2017), *George Orwell's '1984' Is Suddenly a Best-Seller* [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2017/01/25/books/1984-george-orwell-donald-trump.html> (Accessed 4 June 2024).

Gakov, V. I. (1983), *Chetyre puteshestviya na mashine vremeni (nauchnaya fantastika i eyo predvideniya)* [Four journeys in a time machine (science fiction and its anticipations)], Znanie, Moscow, Russia (in Russ.).

Jones, C. and Paris, C. (2019), *Dystopian fiction makes people more willing to justify political violence. Should you worry?* [Online], available at: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2019/01/11/dystopian-fiction-makes-people-more-willing-to-justify-political-violence/> (Accessed 4 June 2024).

Khalutornykh, O. N. (2021), "Dystopia as a sociocultural forecast of the development of a risk society", *Humanities Bulletin* of BMSTU, 3 (89), 1-6 (in Russ.).

Kling, M.-U. (2022), *Strana kachestva 2.0* [QualityLand 2.0.], Transl. by Sadovnikova, T. V., Eksmo, Fanzon, Moscow, Russia (in Russ.).

Kuzheleva-Sagan, I. P. (2023), "Pierre Bourdieu's, Jacques Lacan's and Roland Posner's Concepts as the Basis for Explaining the Mechanisms of Information Warfare", *Communicology (Russia)*, 11 (3), 42-62 (in Russ.).

Misnik, L. (2023), *Fear of the future and Guy Fawkes masks: why dystopias are so popular*

[Online], available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19062837> (Accessed 5 June 2024) (in Russ.).

Pelevin, V. O. (2011), *S.N.U.F.F.* [S.N.U.F.F.], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Pereslegin, S. B. (2023), *Total information war* [Online], available at: https://www.youtube.com/watch?v=pMoJEN_5wZI&t=267s (Accessed 9 April 2024) (in Russ.).

Science & Tech Spotlight: Deepfakes [from the US Court of Auditors], [Online], available at: <https://www.gao.gov/products/gao-20-379sp> (Accessed 4 July 2024).

Shishkina, S. G. (2007), "Literary dystopia: a question about the boundaries of the genre", *Bulletin of the Humanities Institute of ISUCT*, 2, 199-208 (in Russ.).

Stephenson, N. (2020), *Padenie, ili Dodzh v Adu. Kniga pervaya* [Fall; or, Dodge in Hell. Book One], Transl. by Dobrokhotova-Maykova, E., Eksmo, Fanzon, Moscow, Russia (in Russ.).

Urry, J. (2019), *Kak vyglyadit budushcheye?* [What Is the Future?], Transl. by Matveenko, A., Delo, Moscow, Russia (in Russ.).

Vinge, V. (2019), *Konets radug* [Rainbows End], Transl. by Stashevski, K., Eksmo, Fanzon, Moscow, Russia (in Russ.).

Zbierzchowski, C. (2019), *Vsesozhzhzhenye* [Holocaust F], Transl. by Shevchenko, I. A., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Винокурова Екатерина Николаевна, ассистент кафедры социальных коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; c.vinokurova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ekaterina N. Vinokurova, Assistant Lecturer, Department of Social Communications, National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia; c.vinokurova@yandex.ru

УДК 168.522

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-7

Ломанов П. В.¹,
Бардаков А. В.²

Культурологический аспект понятия
«гражданская идентичность»

¹ Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова,
ул. Карла Маркса / Парижской Коммуны, д. 36/20, г. Красноярск, 660049, Россия;
lrv79@mail.ru

² Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной
переподготовки работников образования,
ул. Александра Матросова, д. 19, г. Красноярск, 660079, Россия; *kerpc@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена понятию «гражданская идентичность», которое стало рабочим в ряде нормативных государственных документов стратегического планирования в РФ, принятых в последние десятилетия, используется в отечественной социальной науке, философии, СМИ, но это термин именно российского языкового пространства. Авторы соотносят понятия гражданской и национальной идентичности, последняя из которых в ряде европейских и англоязычных стран обозначает совокупность форм социальной идентичности, определяющих индивида как гражданина в национальном государстве. В России же как многонациональном государстве сам концепт «нации» традиционно понимается как «этнонация», а использование понятия «национальная идентичность» порождает трудности правового, этического и культурного порядка. В определенной мере понятие «гражданской идентичности» может быть близким к понятию «идентичности макрополитической», но гражданская идентичность шире макрополитической, охватывающей только политические аспекты активности индивида. В статье указывается и на недостаточность понимания гражданской идентичности как осознания юридически оформленного гражданства в РФ со всеми вытекающими правами и обязанностями. Основной тезис статьи: у гражданской идентичности должны быть, помимо юридических и политических, ценностные и культурные основания. Опираясь на концепт «государства-цивилизации», выдвинутый в «Концепции внешней политики Российской Федерации» в марте 2023 года, авторы указывают на возможность сближения понятия «гражданская идентичность» с термином «цивилизационная идентичность». Отмечается, что эти понятия не тождественны, но гражданская идентичность является и усвоением декларируемых на государственном уровне ценностей, принятием исторического наследия государства через культуру.

Ключевые слова: гражданская идентичность; цивилизационная идентичность; национальная идентичность; макрополитическая идентичность; социальная идентичность; цивилизация; ценности; нация; культура

Для цитирования: Ломанов П. В., Бардаков А. В. Культурологический аспект понятия «гражданская идентичность» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 85-99. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-7

P. V. Lomanov¹,
A. V. Bardakov²

The culturological aspect of the term “civic identity”

¹ Surikov Krasnoyarsk Art Museum,
36/20 Karl Marx St. / Parizhskoy Kommuny St., Krasnoyarsk, 660049, Russia; lpv79@mail.ru
² Krasnoyarsk Regional Institute of Training and Professional Development of Educators,
19 Alexander Matrosov St., Krasnoyarsk, 660079, Russia; kerpc@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the concept of “civic identity”. This concept has become a working term in a number of regulatory state documents on strategic planning in the Russian Federation adopted in recent decades. It is also used in domestic social science, philosophy, and the media. But this term is used in the Russian language space. The authors point to the relationship between the concepts of “civic identity” and “national identity”. In the English-language tradition (and a number of other European language traditions), the term “national identity” denotes a set of forms of social identity that define an individual as a citizen in a national state. But in the Russian space, the concept of “nation” itself is traditionally understood as “ethno-nation”, and in the Russian multinational state the use of the concept of “national identity” brings up difficulties of a legal, ethical, and cultural nature. To a certain extent, the concept of “civic identity” may be close to the concept of “macropolitical identity”, but civic identity is somewhat broader than macropolitical identity, the latter covering only the political aspects of an individual’s activity. The article also points out the inadequacy of understanding civic identity as awareness of legally formalized citizenship in the Russian Federation, with all the ensuing rights and obligations. The main thesis of the article is that civic identity should have value and cultural foundations in addition to legal and political ones. Based on the concept of a “civilization state” put forward in the “Concept of Foreign Policy of the Russian Federation” in March 2023, the authors point to the possibility of bringing the concept of “civic identity” closer to the term “civilizational identity”. It is noted that these concepts are not identical, but civic identity also adopts values declared at the state level and accepts the historical heritage of the state through culture.

Keywords: civic identity; civilizational identity; national identity; macropolitical identity; social identity; civilization; values; nation; culture

For citation: Lomanov P. V., Bardakov A. V. (2024), “The culturological aspect of the term ‘civic identity’”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 85-99, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-7

В многонациональном государстве необходимо поддерживать механизмы формирования общей идентичности его граждан. Для России – полиэтнического федеративного государства, пережившего в течение XX века несколько исторических потрясений, приводивших к коренной перестройке социально-экономической, политической и правовой систем и

глубинным изменениям в культуре, – это особенно актуально. Важной является задача выработки термина, способного выразить общую идентичность граждан государства. С 1990-х годов в специальной научной лексике, в языке политических массмедиа, в нормативных документах, принимаемых на государственном уровне («Стратегии развития воспитания

в Российской Федерации на период до 2025 года»; «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»)¹, утверждается понятие «гражданская идентичность». В европейской и североамериканской традиции для выражения такой идентичности в общегосударственном масштабе обычно используется термин «национальная идентичность» (например, англ. national identity). Однако, с нашей точки зрения, понятие «гражданская идентичность» является в российских социальных, политических и культурных реалиях более емким и адекватным. Анализ понятия, представленный в статье, показывает его содержательную глубину, которая не исчерпывается только правовыми и политическими аспектами.

Как уже отмечено, понятию «гражданская идентичность» в европейской традиции приблизительно соответствует термин «национальная идентичность». Многие европейские национальные государства создавались как, условно, моноэтнические образования, и понятие «нация» было тесно связано в массовом восприятии с понятием «государство». Хотя «нация» представлялась прежде всего этническим образованием, но в европейской традиции представление о национальном единстве постепенно смещалось от идеи этнической общности граждан к идее объединения их на основе политических, правовых, экономических институтов. Этот процесс был тесно связан с самой историей формирования национального государства.

Н.М. Лещинская отмечает, что понятие «национальная идентичность» может в одних случаях различаться с

термином «этническая идентичность», обозначая «самостоятельный вид идентичности» (Лещинская, 2021: 45-46), а в других случаях представлять практически его синоним.

В отечественной традиции концептуализация понятий национальной и этнической идентичностей развивалась в едином дискурсивном русле, так как, во-первых, «в традициях отечественной науки в основном использовалось понятие “нация” в значении этнонации – “этнической общности”» (Шарапов, 2018: 58); во-вторых, «в поле зрения исследователей были, главным образом, титульные народы республик – союзных, реже автономных» (Шарапов, 2018: 58). Кроме того, это было обусловлено, как отмечает В.В. Шарапов, и «большей, чем в современных условиях, дифференциацией наук, их разобщенностью и отдаленностью от международного сообщества» (Шарапов, 2018: 58).

В принятой советской этнографией научной лексике практически синонимами терминов «этническая идентичность» и «национальная идентичность» выступают понятия «этническое самосознание», «национальное самосознание». Конечно же, тождественность терминов не полная. В последние десятилетия широкое распространение получило понятие «идентичность», и научный дискурс, посвященный проблеме самосознания, в советской и российской науке продолжился с переходом на новый термин (Шахбанова, 2013), хотя многие авторы и в наше время используют понятие «самосознание». Тем не менее, проблема этнического самосознания как необходимого условия выделения и функционирования этноса, основы

¹ «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» (принятая распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (дата обращения:

09.11.2023); «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/85503/> (дата обращения: 09.11.2023).

этнического единства, разрабатывалась в советской этнографии с 1940-х годов (Ерохина, 2017: 66).

Использование понятия «национальная идентичность» даже в европейской традиции имеет неоднозначный характер. Изначально, на фоне революций рубежа XVIII–XIX веков, процессов модернизации и строительства национальных государств в странах Южной, Центральной и Восточной Европы, кризиса традиционных политических и социальных институций (абсолютистской монархии, системы сословий), секуляризации, встал вопрос о субъекте, акторе политической и правовой деятельности. Чаще всего таким субъектом объявлялась государствообразующая нация. Но само понимание концепта «нации» могло быть различным.

Один из первых западных теоретиков, специально занимавшийся проблемами нации, национализма и связи этих явлений с генезисом государства в Новое время, Ганс Кон, выделяет два типа национализма в европейской истории – западный, «гражданский», где нация понимается прежде всего как гражданское сообщество, – в Британии, Северной Америке, Франции, и восточный, «этнический», в странах Центральной и Восточной Европы (Кон, 1989). Но все же традиционно большинством европейских и американских ученых нация понимается как этническое образование, а национальная идентичность связывается и с этничностью.

Европейским мыслителем, который развил проблему существования форм социальной идентичности, отличных от традиционно понимаемой национальной, но являющихся основой гражданской интеграции в современном правовом государстве, стал Ю. Хабермас. В своих работах он пытается осмыслить процесс формирования национального государства, с одной стороны, и те процессы, которые происходят в современном обществе ввиду новых вызовов (прежде всего

глобализации), с другой. Хабермас выделяет два основных пути формирования современного национального государства – «от государства к нации» и «от нации к государству» (Марков, 2008: 21). Решающую роль в формировании национального и гражданского самосознания и идентичности играет интеллигенция: юристы и дипломаты в первом варианте или историки и писатели во втором. При этом процесс становления наций во многом обусловлен развитием «наук о духе», нового социального и гуманитарного знания, соответствующего классическому типу рациональности.

Одной из главных проблем для формирующихся в Новое время национальных государств стала, по Хабермасу, легитимация (Хабермас, 2008: 206). Секуляризация привела к тому, что политическое господство лишалось религиозного обоснования (Хабермас, 2008: 206). Модернизационные процессы разрушили границы традиционных социальных групп, представленных прежде всего сословиями, ускорили урбанизацию, товарный, миграционный, информационный обороты. В итоге именно формирующееся «национальное сознание позволило связать более абстрактную форму общественной интеграции с изменившимися структурами принятия политических решений» (Хабермас, 2008: 207). При этом Хабермас говорит о двойственной природе государствообразующей нации. Нация является и политическим, юридическим объединением граждан, и культурной общностью – «в то время как нация граждан государства (продукт волевого стремления) является источником демократической легитимации, нация соотечественников (продукт природы) обеспечивает социальную интеграцию» (Хабермас, 2008: 211). Именно процесс созидания национальных государств порождает такое явление, как национализм, который для Хабермаса является прежде всего формой коллективной идентичности:

«Национализм в том виде, как он развился в Европе с конца XVIII века, представляет собой специфически современную форму проявления коллективной идентичности» (Хабермас, 2005: 119).

Ю. Хабермас указывает на серьезные последствия процесса формирования государства вокруг государствообразующей этнической нации. Сама природа национальной идентичности приводит к идее организации любой нации в государство ради цели обретения независимости. Этот принцип опасен для многих государств, ведь абсолютно моноэтнических государств практически нет. Необходимо признать, что государство с национально однородным населением является фикцией. Сама идея национального государства приводит к жизни движения за автономию национальных меньшинств. Хабермасом выявляется противоречие между подчинением этнических меньшинств национальным государством и предпосылками для самоопределения, в которых само это государство находит основание для легитимации (Хабермас, 2005: 119-120). Чтобы преодолеть указанное противоречие, необходимо искать иные основания общей идентичности граждан в государстве, кроме принадлежности к определенной национальной группе. Таким основанием может быть конституция: «Политическая культура той или иной страны кристаллизуется вокруг действующей конституции» (Хабермас, 2008: 215). Но и этот принцип для Хабермаса выглядит недостаточным.

Национальное государство, объединенное на основании «национальной» и «конституционной» идентичностей, в эпоху глобализации переживает кризис. По сути, это кризис концепций, созданных на основе классических моделей рациональности.

В последние десятилетия в западной и отечественной науке получил широкое распространение конструктивистский подход к проблеме национальной

идентичности. Согласно этому подходу, такие формы, как этнос и нация, не имеют реальных оснований, а конструируются. Примером может быть известная работа Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (Anderson, 1991). Рассуждая о природе наций, Андерсон приходит к выводу, что они являются социальными конструктами, существующими в воображении. Андерсон разделяет те сообщества, которые основаны на непосредственном общении участников (реальные сообщества), и сообщества, в которых их участник вынужден создавать в своем сознании некий «ментальный образ». Так же, как и Ю. Хабермас, Андерсон связывает рождение такого сообщества, как нация, с кризисом традиционных институтов и традиционного мировоззрения на Западе в конце XVIII века. Другие представители конструктивистского подхода (Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Р. Брубейкер и др.; в России В.А. Тишков) также рассматривают национальное государство как феномен Нового и Новейшего времени. Формирование нации рассматривается либо как условие, либо как итог модернизационных процессов. Часто под этничностью, национальностью понимается определенный феномен, не имеющий реальных оснований, а существующий в культурном поле, своеобразный «интеллектуальный конструкт», где системообразующую роль могут играть различные маркеры (язык, религия, территориальная принадлежность, структуры коллективной памяти и т. д.). При таком подходе любые формы национальной, этнической идентичности приобретают условный характер.

Отечественный культуролог В.А. Куренной, опираясь на компенсаторную теорию выстраивания идентичности в культуре модерна немецкого философа Г. Люббе, развивает тезис о том, что многие базовые формы коллективной идентичности имеют в своей основе не просто фиктивный, но и иррациональный характер (Куренной,

2009). Согласно В.А. Куренному, современный человек существует в сложной системе множества самых различных социальных ролей, ни одна из которых не способна его захватить полностью. Этим обусловлен своеобразный, характерный для многих современных людей, кризис идентичности. Преодолевается данный кризис зачастую через выбор субъектом так называемой «партиципативной» идентичности. В.А. Куренной здесь использует разработки немецкого социолога А. Хана (Alois Hahn), в концепции которого выделяются две возможные стратегии личности по определению своей идентичности. Первая из них биографическая. В.А. Куренной поясняет, что она «выстраивается через соотнесение индивида с самим собой посредством сложных практик автобиографического, психотерапевтического нарратива» (Куренной, 2009: 77). В современном обществе этому способствуют такие инструменты, как, например, социальные сети. Вторая стратегия как раз и названа «партиципативной», при этом выделяют две ее разновидности. Первая – функциональная – может быть связана с профессией, текущей социальной ролью, статусом. Вторая получила наименование «сегментивной». Она выстроена на своего рода противопоставлении «свой – чужой». Чаще всего такая идентичность является этнической, национальной, религиозной. Ее В.А. Куренной считает иррациональной в своей основе. Но, при своей иррациональности, она, выполняя функцию «компенсации», позволяет индивиду решить те психологические проблемы, которые возникают из-за кризиса идентичности.

Современный подход к идентичности, во многом опирающийся на конструктивистские теории, постулирует не только условность и фиктивность коллективных форм идентичности, но и непостоянство, изменчивость, «текучесть». Известный политический мыслитель

С.Ф. Хантингтон так характеризует идентичность: «Идентичности в общем и целом представляют собой конструкты. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению. Бенедикт Андерсон, фразу которого часто повторяют, называл нации “воображаемыми сообществами”. Перефразируя Андерсона, идентичности – воображаемые сущности: то, что мы думаем о самих себе, то, к чему мы стремимся. Не считая культурной наследственности (от которой можно и отречься), пола (который можно и сменить) и возраста (который нельзя изменить, но с которым можно бороться), люди относительно свободны в определении собственной идентичности, пускай даже с практическим применением этого определения впоследствии возникают сложности. Наследуемые признаки – скажем, национальность – переопределяются или вовсе отвергаются, да и само понятие национальной принадлежности меняется с течением лет, всякий раз приобретая новое содержание» (Хантингтон, 2004: 51-52).

Для представителей конструктивистского подхода важным понятием стал термин «политика идентичности» (identity politics). В.А. Ачкасов пишет, что данный термин утвердился «в 1960–1970-х годах в рамках конструктивистской парадигмы анализа социально-политических изменений (П. Бурдье) на волне подъема массовых социальных движений за права дискриминируемых социальных групп» (Ачкасов, 2013: 72). Это понятие стало определять «практики утверждения ущемленными в социальном статусе меньшинствами и группами, объединяющимися как носители особой идентичности (расовой, этнической, гендерной), права на общественное признание и легитимность» (Мартьянов, 2011: 41-42). Хотя следует признать, что и государство занимается политикой

идентичности, и многие институты, включая, прежде всего, систему образования и государственные массмедиа, всегда уделяют особое внимание воспитанию общей идентичности граждан. Здесь можно говорить о политике идентичности «снизу» и «сверху», политике идентичности конкретных групп и государственной политике идентичности. В отечественных публикациях чаще всего под «политикой идентичности» имеется в виду именно государственная политика (Федоренко, 2022).

Интерес вызывает подход к национальной идентичности немецкого философа К. Хюбнера. В своей работе «Нация. От забвения к возрождению» (Хюбнер, 2001) он отстаивает национальную идентичность как важный, укорененный в культуре феномен, определяющий самосознание человека, а не являющийся фикцией и условностью, тем более не поддающийся произвольному конструированию. Так, Хюбнер подвергает критике опыт тоталитарных режимов XX века по искусственному конструированию национальной идентичности (Хюбнер, 2001: 206-209, 364-367). Истоки национальной идентичности Хюбнер усматривает в мифологическом мышлении, опираясь на свое представление о мифе как о системе опыта.

В России понятие «гражданская идентичность» утверждается и начинает использоваться не случайно в 1990-е годы. Распад СССР на отдельные национальные государства, закрепление в Конституции РФ федеративного принципа государственного устройства с наличием в составе России национальных республик обусловили недостаточность понятия «национальной идентичности» и поиск другого термина. Само понятие прочно вошло в российское языковое пространство. Это нашло отражение в специальных документах стратегического планирования, принятых на государственном уровне в Российской Федерации в последние годы.

Одним из таких документов является «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», которая принята Распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. А для «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», принятой Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г., термин «гражданская идентичность» стал основным понятием, причем «Стратегия...» указывает на тождественность «гражданской идентичности» и «гражданского самосознания». В качестве одной из целей государственной национальной политики РФ (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703) обозначено «укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)».

Понятие «гражданская идентичность» в том значении, которое ему придается в приведенных нормативных документах, близко к термину «макрополитическая идентичность», которое использует политолог О.Ю. Малинова (Малинова, 2010). При этом следует отличать «макрополитическую» и «политическую» идентичность. Понятие «политической идентичности» было детально разработано в отечественной науке (Капицын, 1999; Корниенко, 2009; Саэтгараев, 2010) и означает, по существу, соотнесение индивидом себя с определенной политической группой, принятие конкретной политической идеологии, тогда как «понятие “макрополитическая идентичность” указывает на идентификацию с более широким сообществом, которая предполагает наличие солидарности поверх границ, связанных с политическими и идеологическими предпочтениями» (Малинова, 2010: 6). И.С. Семенов пишет о гражданской идентичности, что она

«маркирует членство в макрополитическом сообществе и предполагает самоидентификацию индивида с его политической культурой и институтами» (Семенов, 2017: 354).

Однако использование термина «гражданская идентичность» в российском пространстве сопряжено и с серьезными трудностями. Так, один из крупнейших исследователей проблемы идентичности в российском обществе, этнолог и историк М.Н. Губогло, указал на существенные противоречия в ряде субъектов РФ, прежде всего в национальных республиках, между гражданской идентичностью граждан РФ и граждан республик (Губогло, 2003: 468-485) и между региональной и гражданской идентичностями (Губогло, 2003: 432-437). Т.В. Разина также указывает на возможность конфликта между национальной идентичностью, понимаемой прежде всего как этнической, и идентичностью гражданской, общероссийской (Разина, 2022).

Таким образом, напрашивается вывод, что общегосударственная гражданская идентичность не может основываться только на формальном статусе гражданина и лояльности к политической и правовой системам государства, для нее очень важны ценностные и культурные основания. Неслучайно во многих предпринятых в последние годы исследованиях идентичности гражданская и культурная идентичности сближаются и изучаются в общем контексте, едином проблемном поле (Токарева, Казенина, Хасянов, 2022; Федоренко, 2022; Николина, 2023). Так, в публикациях последних лет проблема формирования гражданской идентичности может подниматься в связи с проблемой культурно-исторической памяти (Николина и др., 2023). В работе, посвященной процессам формирования

гражданской идентичности в системе среднего образования, К.А. Федоренко отмечает: «Политика памяти является важнейшим структурным компонентом политики идентичности» (Федоренко, 2022: 53).

Многие принятые в последние годы документы стратегического планирования РФ выделяют культурные основания гражданской идентичности как базовые. Обозначим определение гражданской идентичности, данное в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: «Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) – осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»². Из приведенной цитаты можно заключить, что в данном документе уже «прописаны» аксиологический и культурологический подходы к проблеме гражданской идентичности, а также что гражданская идентичность в определенной степени сближается с культурной. Государство при таком подходе не просто субъект права и политики, общественный институт. Легитимизация государства опирается на исторический опыт, включающий важную культурную составляющую. Государство подразумевает традицию, культурное наследие и систему определенных декларируемых ценностей. Гражданская идентичность с культурологической точки зрения может рассматриваться как принятие индивидом этой системы ценностей. Вообще, аксиологический подход можно применить ко многим формам сегментивной партициптивной

² «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждена Указом Президента РФ от

19 декабря 2012 г. № 1666) [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/85503/> (дата обращения: 09.11.2023).

идентичности, так как большинство групп, с которыми связан этот тип идентичности, декларируют определенные системы ценностей.

Еще Анри Тэшфел (Henri Tajfel (1919–1982)), один из авторов теории социальной идентичности в психологии, рассматривал формирование идентичности в связи с системой ценностей индивида, у него речь шла о ценности принадлежности к самой группе, в связи с ее социальной значимостью. Социальная идентичность в концепции А. Тэшфела представляет элемент индивидуальной Я-концепции. При этом она обусловлена представлениями личности о принадлежности к конкретным группам и поддерживается эмоциональными и ценностными проявлениями данной принадлежности (Tajfel et al., 1971). Мы же имеем в виду именно ценностные системы, декларируемые группами, являющиеся основаниями систем мировоззрения, картин мира, которые присущи определенным культурным (религиозным, этническим, политическим и т. д.) общностям. В системе образования аксиологический подход особенно важен при формировании гражданской идентичности молодежи, так как «предусматривает опору на традиционные российские духовно-нравственные ценности» (Николина и др., 2023). На важную роль ценностей в формировании национальной идентичности как на культурную особенность России указывал российский философ и политолог А.С. Панарин. Он писал: «Драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала носила не натуралистический характер, не довольствовалась наличностями этнического, географического и административно-державного толка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной» (Панарин, 2014: 43).

Аксиологический подход к проблеме идентичности дает возможность решить и

проблему «фиктивности» определенных форм коллективной идентичности, акцентированную сторонниками конструктивистского подхода. Если социальная идентичность (по крайней мере, многие типы сегментивной идентичности) – это принятие системы ценностей, декларируемой в конкретной большой группе, то нельзя говорить о фиктивности идентичности. Вопрос о фиктивности самих больших групп как «воображаемых сообществ» нет возможности рассмотреть в рамках этой статьи. Во всяком случае, можно отметить, что многие такие группы (этносы, нации, религиозные конфессии), действуют вполне ощутимо как исторические, политические акторы, субъекты.

Принятие ценностей может происходить на разном уровне. В одном случае личность глубоко усваивает ценности, принимая их как свои, в другом случае индивид может заявлять о принятии, разделении ценностей, не усваивая их. В определенных ситуациях бывает выгодно декларировать принадлежность к сообществу через приверженность к конкретной ценностной системе, при этом не обязательно внутренне разделять, принимать ее. Наверное, именно такая, неискренняя позиция скорее может быть названа «фиктивной идентичностью», чем принадлежность к «фиктивному сообществу». Если сообщество несет систему ценностей, способную изменять, мобилизовывать индивидов, то оно уже не может быть признано фиктивным. При современном уровне развития информационных и коммуникационных технологий существует множество сообществ, участники которых вообще физически не встречаются друг с другом, но активность таких сообществ оказывает огромное воздействие на общество, экономику, политику, культуру.

А.А. Нагой выделяет пять уровней формирования культурной идентичности: 1) индивидуальный, или персональный, на котором культурная самоидентификация

является «самосознанием личности собственной принадлежности к некоторой культурной общности, которая нормирует базовые ценности и культурные образцы» (Нагой, 2022: 113); 2) организационный, связанный с корпоративной культурой организаций; 3) институциональный, который «складывается как ведущая в самореализации личности отрасль социальных практик» (Нагой, 2022: 114); к данным практикам автор относит, прежде всего, науку, образование, государственное управление, религию и т. п.; 4) национальный (национально-государственный), определяемый «государством как система управления общественными отношениями» (Нагой, 2022: 115); 5) межнациональный уровень, который проявляется в истории «задолго до возникновения современных государств и наций» (там же). А.А. Нагой указывает на мировые религии как на «старейшие субъекты, сохраняющие свое трансграничное влияние» на данном уровне (Нагой, 2022: 115). Мы считаем выделение данных уровней условным, ведь по сути, речь относительно каждого уровня идет об индивидуальном, персональном усвоении личностью «базовых ценностей и культурных образцов», связанных с различными организациями, социальными и культурными общностями.

Выбор идентичности через усвоение ценностей и норм всегда персонален, индивидуален и связан с повседневными практиками. Н.В. Розенберг пишет: «Именно в повседневной жизни происходит усвоение ценностей культуры, включаются механизмы культурной идентификации – осознание чувства принадлежности к данной культуре, утверждение своей индивидуальности в пространстве культуры, самореализация своих взглядов, интересов, способностей» (Розенберг, 2008). И А.А. Нагой отмечает, что «культурная идентичность в целом предопределяет условия повседневной культурной атрибуции» (Нагой, 2022: 113).

В более широком смысле принятие конкретной коллективной идентичности, связанной с определенными социальными группами, отличающимися, прежде всего, мировоззренческими основаниями, может рассматриваться как форма инкультурации, главным механизмом которой является усвоение ценностных оснований, принятие «своими» декларируемых группами ценностей.

Л.В. Мельникова выделяет три подхода к исследованию проблемы формирования культурной идентичности: цивилизационный, который «концентрирует свое внимание на культурной идентичности цивилизаций как социокультурных индивидуальных исторических субъектов» (Мельникова, 2010: 231); личностный, обращенный к процессам индивидуальной и культурной самоидентификации; и социальный, основанный на корреляции индивидуальной идентичности и социально-групповых форм идентификации (Мельникова, 2010). То есть два из трех выделенных автором подходов к исследованию культурной идентичности обращены к индивидуальной, личной культурной идентификации. Особого внимания заслуживает первый из указанных подходов, цивилизационный.

В моноэтническом государстве общую для всех систему декларируемых ценностей должна нести национальная культура (здесь подразумевается этническая трактовка понятия «нация»). Российская Федерация – это сложное образование, как с точки зрения административного устройства (множество различных субъектов федерации, включая национальные республики), так и с точки зрения этнической карты (при доминировании русских, составляющих более 80 % населения, в России живет около 200 народов, численность некоторых из них весьма значительна – сотни тысяч и миллионы, при этом в ряде регионов РФ существуют территории их компактного

проживания и численного преобладания). В «Концепции внешней политики Российской Федерации»³ выдвинуты идеи о России как «государстве-цивилизации» и о «культурно-цивилизационной общности Русского мира».

Выше мы указывали, что для России концепт национальной идентичности заведомо неполон, «узок», так как в массовом восприятии господствует идея этнической нации. В отечественной философии уже был озвучен и принят термин «цивилизационная идентичность». В наше время он стал достаточно часто использоваться различными исследователями. Одним из его авторов, по-видимому, является историк, филолог, лингвист и политический философ В.Л. Цимбурский. Во всяком случае, он одним из первых попытался ввести это понятие в научный оборот (Цимбурский, 2001). Использовал этот термин и А.С. Панарин в работе, вышедшей впервые в 2002 г. (Панарин, 2014: 41). Существует множество способов использования термина «цивилизация», но одним из самых распространенных и устоявшихся является понимание цивилизации как культурной общности. Именно на нем основывается понятие «цивилизационной идентичности». Вероятно, в случае России возможно сближать, не соединяя и не делая синонимами, понятия «гражданская идентичность» (подразумеваемая прежде всего правовые и политические аспекты) и «цивилизационная идентичность» (выводя на первый план аспекты культурные и аксиологические). Параллельное использование данных концептов позволяет увидеть культурные и ценностные основания феномена гражданской идентичности. Сближение двух форм социальной идентичности (гражданской и цивилизационной) при принятии концепции России как

«государства-цивилизации» позволяет преодолеть отмеченные М.Н. Губогло и Т.В. Разиной противоречия между региональной, национальной, этнической и гражданской идентичностями.

Еще одним концептом, вводя который возможно объединить контексты использования терминов «культурной» и «гражданской» идентичностей, является понятие «цивилизационный код»: «Понимая под гражданской идентичностью осознанное понимание человеком своей принадлежности к конкретному государству, особого внимания заслуживает наличие у него чувства ответственности за судьбу страны и необходимости соблюдения ее законов. Культурный аспект идентичности раскрывается в восприятии человеком ценностей и традиций культуры своей страны, причастности к ее сохранению и развитию. В целом обе составляющие идентичности тесно связаны друг с другом и в совокупности представляют собой единый культурный (цивилизационный) код, наличие которого является гарантом сохранения единства многонационального народа России, его способности противостояния внешней культурной экспансии как угрозе национальной безопасности» (Токарева, Казенина, Хасянов, 2022: 9-10).

Концепция «Россия – государство-цивилизация», озвученная в ряде нормативных документов, подразумевает, что гражданскую идентичность в определенном смысле можно понимать и как культурную, то есть принятие гражданской идентичности является и принятием базовых ценностей, которые несет то цивилизационное пространство, которое принято называть «Русским миром» («Концепция внешней политики РФ»). Гражданская идентичность в России – это восприятие основанного на

³ «Концепция внешней политики Российской Федерации» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229)

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 09.11.2023).

традиционных духовных ценностях российской культуры цивилизационного кода. Аксиологический и культурологический подходы к определению понятия «гражданская идентичность» позволяют наделять его глубоким духовным содержанием. Использование в близком контексте термина «национальная идентичность», принятого в европейской традиции, тоже возможно. Концепт «русской нации» как «многонационального русского народа» получил выражение даже в государственных нормативных документах (Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703)⁴. Но наличие в составе РФ национальных политических образований вносит определенные сложности в применение данного понятия. А концепт «гражданской идентичности» уже стал традиционным для русского политического и культурного пространства.

Литература

Ачкасов, В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Международные отношения. 2013. Вып. 4. С. 71-77.

Губогло, М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.

Ерохина, Е.А. Этническое самосознание: теоретический конструкт и ментальный феномен // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 66-83.

Капицын, В.М. Политическая идентификация как механизм институционализации политического участия: Автореф. дис. ... д-ра политических наук. М., 1999. 46 с.

Кон, Г. Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы. 1989. № 25-26. С. 242-287.

Корниенко, Т.А. Теоретические аспекты исследования политической идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2009. № 2 (16). С. 61-69.

Куренной, В.А. Иррациональная сторона рационального // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). С. 70-78.

Лещинская, Н.М. Аналитический обзор научно-исследовательской литературы по проблемам типов и механизмов идентификации и самоидентификации // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2. № 3. С. 35-59.

Малинова, О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 1. С. 5-28.

Марков, Б.М. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008. С. 5-44.

Мартыанов, В.С. Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа / под ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 36-42.

Мельникова, Л.В. Проблема культурной идентичности: концептуальные подходы // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 226-234.

Нагой, А.А. Уровни формирования культурной идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. 2022. Вып. 2. С. 109-119.

Николина В.В., Лощилова, А.А., Фролова, С.В., Аксенов, С.И. Формирование гражданской идентичности и культурно-исторической памяти молодежи России на территориях новых субъектов Российской Федерации: подходы, принципы и направления реализации // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mininvestnik.ru/jour/article/view/1546> (дата обращения: 31.05.2024).

Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире // Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 39-574.

⁴ Указ Президента РФ от 06.12.2018. № 703 [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения: 09.11.2023).

Разина, Т.В. Национальная идентичность VS российская гражданская идентичность // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия 2: биология, геология, химия, экология. 2022. № 2 (22). С. 7-12.

Розенберг, Н.В. Культурный потенциал региона как фактор формирования культурной идентичности // Аналитика культурологии. 2008. Вып. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/505-article_38-3.html (дата обращения: 31.05.2024).

Саетгараев, А.Д. Политическая идентичность в России // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 3 (21). С. 140-143.

Семенов, И.С. Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь мир, 2017. С. 354-358.

Токарева, Е.А., Казенина, А.А., Хасянов, А.Ж. Гражданская и культурная общероссийская идентичность в современной России // Вестник Московского городского педагогического университета. 2022. № 2. С. 9-16.

Федоренко, К.А. Процессы формирования понятия «гражданская идентичность российских старшеклассников» в современном научном дискурсе // Социально-политические исследования. 2022. № 4 (17). С. 48-62.

Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008. 417 с.

Хабермас, Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ // Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 114-136.

Хантингтон, С.Ф. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.

Хюбнер, К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001. 400 с.

Цимбурский, В.Л. Идентичность цивилизационная // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2: Е-М. М.: Мысль, 2001. С. 80-81.

Шарапов, В.В. Национальное сознание и социально-психологические феномены этнического самосознания населения Среднего Поволжья: Дис. ... д-ра психологических наук. СПб., 2018. 494 с.

Шахбанова, М.М. Этническое самосознание и этническая идентичность: современные концепции и исследования // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2013. № 1. С. 135-147.

Anderson, B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London – New York: Verso, 1983. 160 p.

Tajfel, H., Billig, M.G., Bundy, R.P., Flament, C. *Social Categorization and Inter-Group Behavior* // *European Journal of Social Psychology*. 1971. № 1. P. 149-178.

References

Achkasov, V. A. (2013), "Policy of Identity In Modern World", *Bulletin of Saint Petersburg University. International Relations*, 4, 71-77 (in Russ.).

Anderson, B. (1991), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Verso, London; New York.

Erokhina, E. A. (2017), "Ethnical Self-consciousness: Theoretical Construct and Mental Phenomenon", *New Research of Tuva*, (3), 66-83 (in Russ.).

Fedorenko, K. A. (2022), "The formation process of 'the civic identity of Russian high school students' concept in a modern scientific discourse", *Social and Political Research*, 4 (17), 48-62 (in Russ.).

Guboglo, M. N. (2003), *Identifikatsiya identichnosti. Etnosotsiologicheskie ocherki* [Identifying Identity. Ethnosociological essays], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Habermas, Jü. (2005), "Historical consciousness and post-traditional identity. FRG's Western orientation", *Politicheskie raboty* [Political Works], Praksis, Moscow, Russia, 114-136 (in Russ.).

Habermas, Jü. (2008), *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [Involvement of Another. Essays on the Political Theory], Nauka, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Huntington, S. Ph. (2004), *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsionalnoy identichnosti* [Who Are We? The Challenges of American National Identity], AST; Tranzitkniga, Moscow, Russia (in Russ.).

Hübner, C. (2001), *Natsiya: ot zabveniya k vozrozhdeniyu* [The Nation: From Oblivion to Resurrection], Kanon+, Moscow, Russia (in Russ.).

Kapitsyn, V. M. (1999), "Political Identity as an Instrument of Political Involvement Institutionalization", Abstract of D. Sc. dissertation, Moscow, Russia (in Russ.).

Kohn, H. (1989), "ABCs of Nationalism", *Problems of Eastern Europe*, 25-26, 242-287 (in Russ.).

Kornienko, T. A. (2009), "Theoretical aspects of the Political Identity Study", *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 2 (16), 61-69 (in Russ.).

Kurennoy, V. A. (2013), "The Irrational side of the Rational", *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 1 (52), 70-78 (in Russ.).

Leshchinskaya, N. M. (2021), "The Analytical Review of the Scientific Research Literature on the Problems of the Types and Mechanisms of Identification and Self-Identification", *Sociology of Artificial Intelligence*, 2 (3), 35-59 (in Russ.).

Malinova, O. Yu. (2010), "The Construction of Macropolitical Identity in Post-Soviet Russia: Symbolical Policy in the Transforming Public Sphere", *Political expertise: POLITEX*, 6 (1), 5-28 (in Russ.).

Markov, B. M. (2008), "In Search of Another", *Habermas, Jü. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [Habermas, Jü. The Involvement of Another. Essays on the Political Theory], Nauka, Saint-Petersburg, Russia, 5-44 (in Russ.).

Martyanov, V. S. (2011), "The Conflict of Identities in Modern's Political Project: Multiculturalism or Assimilation?", *Identichnost kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a Subject of Political Analysis], in Semenenko, I. S. (ed.), Publishing House of the Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia, 36-42 (in Russ.).

Melnikova, L. V. (2010), "The problem of a cultural identity: the conceptual approaches", *The Humanities and Social sciences*, 5, 226-234 (in Russ.).

Nagoy, A. A. (2022), "The formation levels of a cultural identity", *The Bulletin of the Adyge State University*, 2, 109-119 (in Russ.).

Nikolina, V. V., Loshchilova, A. A., Frolova, S. V. and Aksenov, S. I. (2023), "The Formation of civic identity and the cultural and historical memory of Russian youth on the territories of the new subjects of Russian Federation: the approaches, principles and directions of implementation", *Vestnik of Minin*

University, 11 (4) [Online], available at: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1546> (Accessed 31 May 2024) (in Russ.).

Panarin, A. S. (2014), "The Orthodox Civilization in the Global World", *Pravoslavnyaya tsivilizatsiya* [The Orthodox Civilization], Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, Russia, 39-574 (in Russ.).

Razina, T. V. (2022), "The National Identity VS the Russian Civic Identity", *Syktvykar University Bulletin. Series 2. Biology, geology, chemistry, ecology*, 2 (22), 7-12 (in Russ.).

Rozenberg, N. V. (2008), "The cultural potential of a region as a factor for the formation of a cultural identity", *Analitika kul'turologii* [The analytics of the culturology], 2 [Online], available at: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/505-article_38-3.html (Accessed 31 May 2024) (in Russ.).

Saetgaraev, A. D. (2010), "The Political Identity in Russia", *Vestnik TGGPU* [The Tatar State Humanitarian-Pedagogical University Bulletin], 3 (21), 140-143 (in Russ.).

Semenenko, I. S. (2017), "The civic identity", *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [An Identity; personality, society, politics. Encyclopedia edition], Ves mir, Moscow, Russia, 354-358 (in Russ.).

Shakhbanova, M. M. (2013), "Ethnic Self-Consciousness and Ethnic Identity: The Modern Concepts and Researches", *Vestnik instituta istorii, arkhologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography], 1, 135-147 (in Russ.).

Sharapov, V. V. (2018), "National Consciousness and the Social-psychological phenomena of the Ethnic Self-consciousness of the Population of the Middle Volga Region", D. Sc. Thesis, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Tajfel, H., Billig, M. G., Bundy, R. P. and Flament, C. (1971), "Social categorization and intergroup behavior", *European Journal of Social Psychology*, 1, 149-178.

Tokareva, E. A., Kazenina, A. A. and Hasyanov, A. Zh. (2022), "The whole-Russian civic and cultural identity in the modern Russia", *The Academic Journal of Moscow City University*, 2, 9-16 (in Russ.).

Tsimburskiy, V. L. (2001), "Civilizational Identity", *Novaya filosofskaya entsiklopediya*.

Т. 2: Е – М [New Philosophical Encyclopedia. Vol. 2: E – M], Mysl, Moscow, Russia, 80-81 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Ломанов Павел Владимирович, кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела русского искусства XVIII – начала XX века, Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова, ул. Карла Маркса / Парижской Коммуны, 36/20, г. Красноярск, 660049, Россия; *lpv79@mail.ru*

Бардаков Андрей Васильевич, кандидат философских наук, заведующий лабораторией «Организация и методика формирования духовно-нравственной культуры»,

Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, ул. Александра Матросова, 19, Красноярск, 660079, Россия; *kerpc@mail.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Pavel V. Lomanov, Candidate of Culturology, Senior Researcher of the Department of Russian Art of the 18th – early 20th Century, V.I. Surikov Krasnoyarsk Art Museum, 36/20 Karl Marx St. / Parizhskoy Kommuny St., Krasnoyarsk, 660049, Russia; *lpv79@mail.ru*

Andrey V. Bardakov, Candidate of Philosophical Sciences, Head of Laboratory “Organization and Methods of Formation of Spiritual and Moral Culture”, Krasnoyarsk Regional Institute of Training and Professional Development of Educators, 19 Alexander Matrosov St., Krasnoyarsk, 660079, Russia; *kerpc@mail.ru*

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-8

Новак М. В. | Генеалогия практик совместного потребления
в европейской культуре

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; novakmargarita@yandex.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на новую черту общества потребления – экономить при потреблении товаров, организуя общие капиталы и отказываясь от права владения ради права использования. Актуальность рассмотрения этой особенности общества потребления обусловлена как проблемой преодоления бедности, так и попыткой понять генезис потребительских практик в историческом развитии европейского общества. В результате сравнительного культурно-исторического обзора автор приходит к выводу, что подобные тенденции зарождались давно и во многом под влиянием церкви. Эти практики, по-видимому, как и сейчас, являлись средством борьбы с бедностью.

Ключевые слова: общество потребления; современная массовая культура; практики потребления; церковь и потребление; право использования; право владения

Для цитирования: Новак М. В. Генеалогия практик совместного потребления в европейской культуре // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 100-109. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-8

M. V. Novak | **The genealogy of consumption practices in European culture**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; novakmargarita@yandex.ru

Abstract. The article draws attention to a new feature of the consumer society – the saving of money in the consumption of goods, the organisation of common capital and the relinquishing of the right of ownership for the right of use. The relevance of considering this feature of consumer society is conditioned both by the problem of overcoming poverty and by the attempt to understand the genesis of consumer practices in the historical development of European society. As a result of a comparative cultural and historical review, the author concludes that such tendencies originated long ago and largely under the influence of the Church. These practices appear to have been, as they are today, a means of combating poverty.

Keywords: consumer society; modern mass culture; consumption practices; church and consumption; right of use; right of ownership

For citation: Novak M. V. (2024), “The genealogy of consumption practices in European culture”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 100-109, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-8

Общество потребления – феномен, который известен исследователям давно. Еще в 1899 году выходит книга Т. Веблена «Теория праздного класса» (Веблен, 2022), где описываются практики потребления привилегированного слоя общества. Интенсивная индустриализация стран Европы и США, развитие экономики приводят к тому, что в середине XX века потребление становится основой для мечты о лучшей жизни населения различных государств, шопинг – развлечением, а бытовое потребление различных товаров, увеличивающих комфорт, – естественной частью жизни. В середине XX в. критику общества потребления выдвигает французский философ Ж. Бодрийяр в таких своих работах, как «Система вещей» (1968) (Бодрийяр, 2020) и «Общество потребления» (1970) (Бодрийяр, 2006).

В СССР все обстояло несколько иначе, поскольку великие стройки и борьба за рекордные показатели в производстве отражались, прежде всего, на коллективном самочувствии, но не всегда – на увеличении бытового комфорта конкретного человека. По-настоящему ощущение ценности свободного потребления пришло в Россию уже в 90-е годы, когда рынок пополнился большим количеством зарубежных марок товаров, возник «малый бизнес», появилась свободная конкуренция на рынке товаров и услуг. С тех пор прошло много лет, и тенденции развития современного общества потребления во всем мире позволяют увидеть, как трансформируется общество потребления, а вместе с ним – и массовая культура, повседневные бытовые практики, социальные коммуникации. О трансформациях пишут Е.Ю. Мирошина (Мирошина, 2017), В.В. Козловский (Козловский, 2011), А.В. Костина (Костина, 2016) и др.

В России возникает тенденция заменять покупку товаров –

использованием права пользования теми или иными вещами. Все больше развивается таких предложений для людей, которые хотят экономить и чьи потребительские запросы высоки, а покупательная способность ограничена. Становятся популярными прокаты вещей, интернет-сервисы, онлайн-кинотеатры с возможностью взять абонемент или фильм на прокат, подписки на книги в электронных форматах. Теперь не так важно обладать вещью (тем более, что она может тяготить владельца), как иметь постоянный доступ к ней, без необходимости ее хранить или ухаживать за ней. Но еще раньше эта тенденция возникла в западной культуре и была осмыслена в работе М. Мангера, который изучает экономику совместного использования (или экономику посредничества).

Автор пишет: «В результате все больше людей получают за меньшие деньги удобный и необременительный доступ к нашему имуществу, самым разным вещам. Рынки являются или могут быть формой совместного потребления, потому что зачастую люди хотели бы использовать вещи, не (обязательно) приобретая их в собственность. В какой-то степени так было, есть и будет. Например, я никогда не владел ткацкими станками и швейными машинами [т. е. совместное использование существовало также и в индустриальную эпоху], на которых изготавливалась моя одежда; просто в какой-то момент на несколько минут я вступал в совместное пользование ими и тут же возвращал владельцам. Однако современные темпы изменений и распространения практик совместного пользования беспрецедентны» (Мангер, 2021: 9). Рынки привлекательны, поскольку, идя на рынок, человек может заметить дополнительно привлекательные для него товары. Некоторые рынки

существуют (как, например, в Алеппо) около 4000 лет. Однако ныне удобно собирать каталоги товаров или представлять их в виртуальном пространстве – и это работает на продажи так же эффективно (Мангер, 2021: 10-11).

Логика, которую описывает М. Мангер, предельно проста: «Допустим, у вас есть некая вещь. Отдав ее на время в аренду другому лицу, вы получаете часть ее ценности, которую ранее не использовали. Если вы почти ничем не владеете, вы все равно можете воспользоваться ценностью чужой собственности, взяв ее в аренду у кого-то еще. <...> Короче говоря, если экономика совместного использования и посредническая экономика и являются чем-то новым, то только с точки зрения интенсивности и стремительности изменений. Нельзя сказать, что в прошлом сокращение трансакционных издержек не имело значения. <...> В конце концов, “лоза в горах в пяти километрах отсюда” ценится гораздо ниже, чем “лоза, с помощью которой я сейчас соберу дрова в вязанку”. Трансакционные издержки всегда были важнейшей частью сделок, а значит, и существенной частью конкуренции в торговле материальными товарами» (Мангер, 2021: 12).

Исходя из сложившейся тенденции сокращать разными способами издержки обслуживания потребления и использовать совместные практики потребления, возникает вопрос: как складывался генезис общества потребления в разные исторические эпохи.

Совместное потребление может являться следствием совместного труда – такая идея возникает в том числе под воздействием марксистской теории общественно-экономических формаций. Так, в первобытнообщинном строе труд имеет всеобщий характер, средства производства принадлежат коллективу так же, как и собственность.

Мы предполагаем, что дальнейший процесс сокращения издержек потребления человечество совершенствовало

постоянно, на всем пути своего исторического развития. Примечателен период Средневековья, когда в Европе христианское мировоззрение было нацелено на аскетизм, скромность, сдерживание пороков людей, праздности. Периоды голода не позволяли халатно распоряжаться продуктами питания. О.Н. Аборвалова пишет: «Распродать быстро товары, привезенные на больших судах, было достаточно сложно. Чтобы облегчить этот процесс и ускорить поставки товаров в розничную торговлю, требовались оптовые торговцы. В этой ситуации богатые купцы скупали доставленный товар и затем распространяли его по розничным торговцам различных стран. Таким образом, развитие оптовой торговли, в лице купца-посредника, позволяло мореплавателям быстрее делать свой товарооборот, следствием чего стало увеличение общего объема перевезенных и проданных за определенный промежуток времени товаров» (Аборвалова, 2011: 2). В свою очередь, выгадывали и покупатели, быстрее получая товар, ведь множество объектов торговли могло иметь ограниченный срок хранения или плохо переносить условия перевозки, а также появлялось изобилие и разнообразие товаров на рынке (если эта схема работала хорошо).

Трудные условия жизни заставляли спланироваться людей, например, по признаку профессионального статуса. Такая поддержка имела существенное значение. Так, существовала структура профессиональных корпораций (гильдий) – это ученики, подмастерья и мастера. При этом, мастера обеспечивали жильем и едой своих учеников (Косихин, 2019: 22), фактически полностью беззащитных, отлученных от дома. Тем не менее, на собраниях члены гильдии обсуждали возможные ритуалы, помогающие проявить солидарность. В гильдиях могли использоваться одинаковые цветовые и символические коды в одежде, еще более

подчеркивая корпоративную культуру. Покупатель лично знал поставщиков товаров, не только за счет различий во внешнем виде, но и за счет клеймения товаров, что способствовало осознанию работником чувства ответственности перед своим цехом. В дальнейшем все больше формировался дух «большой семьи» (Косихин, 2019: 22).

Д.А. Нехай указывает, что имущество гильдии было отделено от имущества каждого члена гильдии. Однако парадоксальным является следующий факт: имущество могло не использоваться в коммерческих целях, а тратилось на трапезы и праздники, что свидетельствует о возможности нецелевого использования ресурсов ради удовольствия и радости для всех членов гильдии. Хотя, конечно, были и другие статьи расходов (аренда помещения, помощь нуждающемуся члену гильдии) (Нехай, 2012: 47).

Профессиональные гильдии могли позволить себе строить церкви, часовни, богадельни (Арнаутова, 2008: 123; Яблонская, 2013: 30). Наиболее сильным и влиятельным институтом Средневековой Европы являлась Христианская церковь. От Церкви во многом зависела работа рынка (и, вероятно, не только продажи, но и доходы купцов – звон колоколов указывал продолжительность торгового дня).

На Руси, как и в Европе, существовала практически аналогичная ситуация. В этом смысле представляются ценными наблюдения исследователя предпринимательства и торговли И. Кулишера. Он пишет не только от своего имени, но и приводит суждения других исследователей. Поскольку наблюдения весьма точны, мы не могли не привести их здесь: «...церковная площадь есть в то же время и рынок, как это было и в Западной Европе. И там торговля сосредоточивалась на церковных и монастырских площадях, у древних греков и у народов древнего Востока она совершалась в самих храмах. Впрочем, и на Западе в Средние века дело не ограничивалось одной торговлей на

площади перед храмом, а производился торг в самом храме и имелись специальные “рыночные” церкви, “торговые” церкви, где он происходил. Храм и площадь перед храмом были теми нейтральными местами, где только и мог совершаться товарообмен, где прекращалась вражда и совершался торг под охраной божества. Точно так же на Руси “самое устройство церковей приспособлено было к торговым целям: в подвале сохранялся товар, в притворе он взвешивался”. <...> Погост имел значение рынка: гостьба – торговля. Но погост означал и место, где находится церковь; так как в последней хоронили и покойников, то и кладбище. Рынок и церковь совпадают. Новгородские купцы в разных местах ставят храмы, которые им, очевидно, нужны были для торговых целей. В 1364 г. “поставиши в Торжку церковь камену... а замышлением богобоязливых купец Новгородских”, в 1403 г. “поставиша купцы новгородские, прасолы, в Русе церковь камену”. Связь духовенства с торговлей обнаруживалась и в ином направлении – духовные лица сами же и торговали, и давали деньги в рост» (Кулишер, 1920: 75). Возможно, духовные места ограничивали насилие и обман вокруг практики распоряжения материальными ресурсами, призывая к ответственности и умеренности.

В эпоху Просвещения развивались идеи потребления природы как удивительного «творения Божьего». Ее не только надо было изучить, но и использовать, любоваться ею и придумать ей практический смысл. Отсюда берут начало музеи, энциклопедии, частные коллекции, копирование и подражание природе в искусстве (ювелирном деле, архитектуре, скульптуре, живописи) и даже кулинарном искусстве, моде, практики развлечения. Субъект культуры Просвещения не отказывается от видения окружающего мира как божественного промысла, но отсюда еще больший исследовательский интерес просыпается к тому, зачем Бог дал человеку все

существующее. Значит, человек является единственным хозяином и распорядителем существующих ресурсов. Поэтому на рубеже Северного Возрождения – Просвещения мы видим прекрасные бокалы из раковин моллюсков, расцвет натюрмортов (картины с большим количеством плодов, даров моря, цветов), затейливые изделия из янтаря, мозаики из самоцветов, деревянные прикладные изделия и многое другое. Это отличительный признак и барочной культуры – всего много, чересчур, материалы затейливо сочетаются друг другом. Зарождается праздничная культура в аристократической среде – пиры, карнавалы, маскарады, ассамблеи, танцаусы, затем рауты, балы. Значительный капитал позволял соревноваться в разного рода развлечениях – устраивать символические фейерверки, фруктовые горки, фонтаны, балеты в парках под открытым небом и крепостные театры.

Не будем подробно останавливаться на развитии праздничной культуры за многовековой период. В настоящее время праздники, безусловно, имеют большое значение для людей. Чаще всего это повод собраться семье или встретиться с друзьями. Отдельной категорией выступают праздники религиозного характера, поскольку традиционные составляющие этих праздников стали не просто забываться, а заменяться чем-то новым, продиктованным потребительскими привычками. В праздники, которые могут быть привязаны и к церковному календарю, невероятно вырастают продажи товаров общего пользования, продуктов питания и даже предметов роскоши. Церковь не приветствует излишнее потребление и призывает к скромности, но потребление населения западных стран может быть излишне простимулировано, в том числе доступной популяризацией религиозных праздников средствами массовой информации (День святого

Валентина, Рождество, День всех Святых и пр.).

Церковь не может остаться в стороне от одной из глобальных проблем современности – бедности. В этом подробно разбирались А. Банерджи и Э. Дюфло, касаясь, например, вопросов: почему бедные остаются бедными, какие у них есть стратегии сбережения или использования капитала и почему они не сберегают больше, а также аспектов, связанных с жизнью монастырей. Проблема бедности и равного доступа к необходимым ресурсам каждого человека стоит очень остро в современном мире. Авторы утверждают, что еще в Викторианскую эпоху к бедным относились негативно, поскольку принято было считать, что они нетерпеливы, неспособны думать относительно будущего, ленивы. Предполагалось, что им нужно угрожать страданиями (работные дома) (Банерджи, Дюфло, 2021: 313). Далее авторы убедительно показывают, что зачастую в современном мире эффективной является стратегия сложения денег в некую общую кассу («сберегательные клубы», ссудо-сберегательные ассоциации (Банерджи, Дюфло, 2021: 315)).

Одним из центральных моментов их исследования является наблюдение за экономикой монастырей. В Кении женские монастыри управляются богатыми фермерами, и в монастырях применяются гибридные семена и удобрения. Возможно, монахиням более привычно терпение (необходимое для выращивания хороших сортов растений и длительного планирования сельскохозяйственного труда. Как представляется, терпение неразрывно связано с накоплением и возможностью создать общими усилиями какой-то ресурсный фонд, способный поддержать в кризисные моменты общину. Таким образом, право владения не так эффективно позволяет справиться с кризисом, как право пользования в общем фонде ресурсов. – прим. М. Н.). Тем не менее, существуют и обратные примеры.

Малообеспеченным фермерам объясняли пользу удобрений для урожая, но, согласившись с очевидными результатами, на следующий год они все-таки не брали удобрения (лишь 10 % стали использовать их чаще). Причиной этому стала невозможность для фермеров накопить для инвестиций даже очень небольшие суммы и купить хотя бы малое количество удобрений (Банерджи, Дюфло, 2021: 324-325). Люди не справляются с задачей накопления, даже если у них есть для этого возможность. Далеко не все мешающие этому причины являются извне – есть еще психология «временной несогласованности», когда человек желает тратить сейчас, планируя экономить в будущем. Есть искусительные блага, которые заставляют расставаться с деньгами здесь и сейчас (Банерджи, Дюфло, 2021: 329-330). В то же время недостаток самоконтроля над тратами вынуждает заплатить тому, кто вынуждает нас экономить. Это может быть банк, выдающий кредит (Банерджи, Дюфло, 2021: 332-333).

Многие блага настолько дороги, что если у бедных появляются деньги на них, то они быстрее тратят на желаемое. Появляется замкнутый круг: сбережения становятся непривлекательными, поскольку цели очень далеки (нельзя накопить на холодильник, но можно купить чашку чая). А без сбережений человек и остается бедным (Банерджи, Дюфло, 2021: 337).

Таким образом, вырисовывается стратегия потребления среди бедных слоев общества, которая мало трансформировалась с течением времени (скорее, изменилась позиция среднего класса во многих государствах). Эта стратегия заключается в совместном использовании малейших ресурсов, из которых создается небольшой фонд, противостоящий немедленной трате (зачастую спонтанной или нелогичной). Однако есть и обратные примеры, когда люди, проявляя терпение единолично,

буквально по кирпичу строили дом за очень длительный период времени, все-таки откладывая малейшие средства.

Навык терпения влияет на способность человека накапливать и тратить, потреблять и зарабатывать. В Средневековой Европе существовал культурный феномен христианского терпения и смирения. Возможно, поэтому модель использования общих ресурсов находит поддержку у людей и сегодня, а единоличное потребление уходит на второй план в некоторых случаях. Так, философ Дж. Агамбен изучал францисканский орден и его учение. Оказывается, францисканцы условно существовали за пределами права благодаря своему учению о пользовании. Вещи было возможно использовать, но нельзя никогда их присвоить в монашеской обители. Философ задается вопросом, как пользование (отношение к миру, который нельзя присвоить) может быть переведено в этос, в форму жизни и в чем будет заключаться этика и онтология этой жизни (Агамбен, 2020: 200-201).

В повседневной жизни многих людей появляются практики освобождения жизненного пространства от всего ненужного. Это тоже позволяет воплотить идею использования вещи множеством людей, но здесь это происходит последовательно, а не одновременно, и у вещи в каждый момент времени есть конкретный хозяин. Например, появился метод уборки японской женщины-социолога Мариэ Кондо, основанный на идеях синтоизма (Кондо, 2015; Кондо, 2017). Существуют методы утилизации предметов: апсайклинг (переделка вещи во что-то эстетическое), ресайклинг (переработка без потери качества), даунсайклинг (переработка со снижением качества) и фрисайклинга (использование поддержанных вещей, отказ от новых).

Экологическая политика в некоторых странах позволяет и даже требует пересмотреть бытовые привычки, из-за чего люди вынуждены перейти от потребительских привычек к привычкам

правильной утилизации и переработки отходов (Олейник, 2021).

В России по-настоящему заговорили о новом виде потребления (единоразовое совместное использование автомобиля (карпулинг), но с остающимися полными правами владения одной стороны) с приходом онлайн-сервиса BlaBlaCar¹. Сервис был создан во Франции Ф. Маззеллой в 2003 г., основателем компании Comuto (от лат. «обмениваться с другими»). Конечно, без интернет-коммуникации такая практика фактически не была бы возможной для популярного использования в массах. Этот сервис предполагает встречу незнакомых людей для совместной поездки в одном направлении (с разными целями), благодаря чему стоимость поездки уменьшается, разделяемая на всех пассажиров. Существуют и другие положительные стороны этого сервиса, однако он также подвергался и жесткой критике (несовпадающие психологически попутчики, риски, связанные с криминалом и пр.). Этим сервисом пользуются в 22 странах. Как в такси, так и при карпулинге возможно оставление отзывов водителями и пассажирами друг о друге².

Исходя из фактов, приведенных выше, мы должны отметить, что право пользования теми или иными благами может быть заслужено человеком с хорошей репутацией, которого хорошо проверяют (наблюдая, например, за ним или собирая данные, заполняя анкеты) и только тогда оказывают доверие. В качестве примера можно привести систему социального кредита или социального рейтинга (доверия), которая работает в Китае. Сюда же можно отнести кредитный скоринг (систему оценки кредитоспособности). Добиться блестящей репутации может быть довольно сложно,

поэтому индивид ставится перед необходимостью точного расчета своих усилий и желаемой цели. Это видно даже на начальных этапах становления жизненного пути человека в современном обществе: хочешь иметь высокооплачиваемую профессию – поступай в крупный вуз, зарабатывай деньги на образование, бери кредит и прилагай множество усилий, чтобы это было оправдано достигнутым результатом. На каждом этапе общество способно спустить на самое «дно» любого пытающегося достигнуть цели.

Совместное использование ресурсов не всегда удобно для субъекта, поскольку действует ряд стереотипов и мнений. Вещь, в какой-то степени, является продолжением владельца и далеко не все можно использовать без предубеждения.

Информация так же потребляется, как материальное: новости, познавательные фильмы, сведения о знакомых, иллюстрации и мемы из соцсетей являются необходимыми явлениями, заполняющими жизнь, а иногда и духовный, интеллектуальный, эмоциональный вакуум современного человека (если он чувствует таковой). Развитие техники и присутствие доступных гаджетов вокруг субъекта позволило заполнять этот вакуум достаточно просто. Информация является крайне динамично передаваемым ресурсом в большинстве случаев и в деловой среде. Существует понятие «совместное использование данных», подразумевающее, что одни и те же ресурсы предоставляются разным людям и организациям. Передача данных – это и способ сохранить информацию, поскольку она может быть взята вновь оттуда, куда ее передали.

В обществе Постмодерна, привязанном к обманчивым вещам и симулякрам, существует символическое

¹ Коротко о Bla-Bla Car [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20170728061414/https://www.blablacar.ru/o-nas> (дата обращения: 15.08.2024).

² Радзюк К. Карпулинг: поделись своей машиной [Электронный ресурс]. URL: <https://np-mag.ru/dela/otvetstvennyyvybor/karpuling-podelisvoej-mashinoj/> (дата обращения: 15.08.2024).

совместное потребление, выстроенное на передаче информации. Это сайты с отзывами и демонстрацией товаров, способов их использования и указанием характеристик. В русскоязычном сегменте интернета крупнейшие порталы, выполняющие такую функцию (помимо YouTube) – это irecommend.ru и otzovik.com. Однако есть множество форумов, где обсуждается гораздо больше тем, выстраиваются рейтинги специалистов разных сфер (медики, учителя). Когда появляется публикация-отзыв, комментаторы дополняют ее своим опытом использования такой же вещи или услуги, делятся впечатлениями и эмоциями (создается фотобанк эмоций).

Таким образом, совместное использование объектов потребления создает дополнительные возможности для потребителя в современном обществе. Экономически представители услуг и производители товаров от этого не страдают, ведь таким образом можно и создать широкую рекламу о марке, и привить потребность в ней, и заинтересовать в уже настоящей покупке. Возможно, эта практика начала формироваться под влиянием Церкви, начиная с эпохи Средневековья, когда монастыри объединяли вокруг себя капиталы и ресурсы, а также влияли на местный экономический климат, принимая участие в формировании рынка сбыта (помимо организации ярмарок, монастырь мог продавать и собственные продукты, изделия, а также распределять средства между бедствующей паствой, живущей при монастыре). Эти практики закрепились в сознании европейцев, ощущающих потребность экономить. В итоге это привело к формированию не только потребительских привычек, но и к четкому образу формирования корпоративной (организационной, трудовой) культуры, хотя в европейской повседневности параллельно существует и культ индивидуализма.

Истоком европейской культуры зачастую считается Античность, в то время как Средневековье все еще шаблонно и образно относят к «темным векам» европейской культуры и цивилизации. Но именно начиная с периода Средневековья, возможно, формируются определяющие для современности практики потребления, в том числе актуальные сегодня практики совместного пользования.

Литература

Аборвалова, О.Н. Европейская торговля в эпоху средневековья // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2011. Т. 8. № 4. С. 2.

Агамбен, Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни / пер. с итал. и латыни С. Ермакова; науч. ред. Д. Раскова, А. Погребняка. СПб., М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 210 с.

Арнаутова, Ю.Е. Средневековые истоки современной корпоративной культуры // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2008. № 1. С. 119-124.

Банерджи, А., Дюфло, Э. Экономика бедных. Радикальное переосмысление способов преодоления мировой бедности / пер. с англ. М. Маркова, науч. ред. Д. Кадочникова. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2021. 464 с.

Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и прим. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.

Бодрийяр, Ж. Система вещей / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: РИПОЛ классик, 2020. 256 с.

Веблен, Т.Б. Теория праздного класса. М.: АСТ, 2022. 416 с.

Козловский, В.В. Общество потребления и цивилизационный порядок современности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. 14. № 5. С. 55-65.

Кондо, М. Искры радости. Простая счастливая жизнь в окружении любимых вещей. М.: Одри, 2017. 320 с.

Кондо, М. Магическая уборка. Японское искусство наведения порядка дома и в жизни. М.: Эксмо, 2015. 320 с.

Косихин, А.С. Эволюция понятия корпоративной культуры от Средневековья до наших дней // *Экономика и современный*

менеджмент: теория, методология, практика: Сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 21-24.

Костина, А.В. Общество потребления и ценности российской цивилизации // Знание. Понимание. Умение. 2016. №. 4. С. 45-55.

Кулишер, И. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Ч. I. Петроград, 1920. 235 с.

Мангер, М. Завтра 3.0. Трансакционные издержки и экономика совместного использования / пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2021. 256 с.

Мирошина, Е.Ю. Общество потребления: критика и пути преобразования // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 105-112.

Нехай, Д.А. Имущественные отношения корпораций Западной Европы в Средние века // Приволжский научный журнал. 2012. № 7 (11). С. 46-48.

Олейник, А.Е. Способы решения «мусорной проблемы» в обществе потребления на примере Швейцарии // Аналитические технологии в социальной сфере: теория и практика: Сб. студенческих работ. М.: Изд-во НИЦ «Национальная безопасность», 2021. С. 154-158.

Яблонская, О.В. Религиозная жизнь и цеховые корпорации средневекового Лондона // Религия–наука–общество: проблемы и перспективы взаимодействия: мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. 1-2 ноября 2013 года. Прага: Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, 2013. С. 30-32.

References

Aborvalova, O. N. (2011), “European trade in the Middle Ages”, *Russian Journal of Education and Psychology*, 8 (4), 2. (in Russ.).

Agamben, D. (2020), *Vysochayshaya bednost. Monasheskije pravila i forma zhizni* [The highest poverty. Monastic rules and the form of life], Transl. by Ermakov, S., in Raskov, D. and Pogrebnyak, A. (eds), Gaidar Institute Publishing House, St. Petersburg; Moscow, Russia (in Russ.).

Arnautova, Yu. E. (2008), “Medieval origins of modern corporate culture”, *Management in Russia and Abroad*, 1, 119-124 (in Russ.).

Banerjee, A. and Duflo, E. (2021), *Ekonomika bednykh. Radikalnoe pereosmyslenie sposobov preodoleniya mirovoy bednosti* [The economy of the poor. Radical rethinking of ways to

overcome global poverty], Transl. by Markov, M., in Kadochnikov, D. (ed.), Gaidar Institute Publishing House, Publishing house of the Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Baudrillard, J. (2006), *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [La société de consommation: ses mythes et ses structures] [Consumer Society. His myths and structures], Transl. from French by Samarskaya, E. A., Respublika, Kul'turnaya revoliutsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Baudrillard, J. (2020), *Sistema veshchey* [Le système des objets] [The system of things], Transl. from French by Zenkin, S. N., RIPOL klassik, Moscow, Russia (in Russ.).

Kondo, M. (2017), *Iskry radosti. Prostaya schastlivaya zhizn v okruzhenii lubimykh veshchey* [Spark joy: an illustrated guide to the life-changing konmari method], Odry, Moscow, Russia (in Russ.).

Kondo, M. (2015), *Magicheskaya uborka. Yaponskoe iskusstvo navedeniya poryadka doma i v zhizni* [The Life-Changing Magic of Tidying Up: The Japanese Art of Decluttering and Organizing], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Kosikhin, A. S. (2019), “The evolution of the concept of corporate culture from the Middle Ages to the present day”, *Ekonomika i sovremennyy menedzhment: teoriya, metodologiya, praktika: Sb. st. V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Economics and modern management: theory, methodology, practice: Sat. Art. V International Scientific and Practical Conference], Nauka I Prosveshcheniye, Penza, Russia, 21-24 (in Russ.).

Kostina, A. V. (2016), “Consumer society and the values of Russian civilization”, *Knowledge. Understanding. Skill*, 4, 45-55 (in Russ.).

Kozlovsky, V. V. (2011), “Consumer society and the civilizational order of modernity”, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 14 (5), 55-65 (in Russ.).

Kulisher, I. (1920), *Lektsii po istorii ekonomicheskogo byta Zapadnoy Evropy. Ch. I* [Lectures on the history of economic life in Western Europe. P. 1], Petrograd, Russia (in Russ.).

Miroshina, E. Y. (2017), “Consumer society: criticism and ways of transformation”, *Bulletin of Tula State University. Film Humanities*, 2, 105-112 (in Russ.).

Munger, M. (2022), *Zavtra 3.0. Transaktsionnye izderzhki i ekonomika sovmestnogo ispolzovaniya* [Tomorrow 3.0. Transaction costs and the sharing economy], Transl. by Kapturevsky, Yu., Ed. house of State University Higher School of Economics, Moscow, Russia (in Russ.).

Nekhay, D. A. (2012), "Property relations of corporations in Western Europe in the Middle Ages", *Privolzhskiy nauchny vestnik* [Volga Scientific Bulletin], 7 (11), 46-48 (in Russ.).

Oleynik, A. E. (2021), "Ways to solve the 'garbage problem' in a consumer society using the example of Switzerland", *Analiticheskiye tekhnologii v sotsialnoy sfere: teoriya i praktika: Sb. studencheskikh rabot* [Analytical technologies in the social sphere: theory and practice: Collection of student work], Publishing house of the National Security Research Center, Moscow, Russia, 154-158 (in Russ.).

Veblen, T. B. (2022), *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of the leisure class], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Yablonskaya, O. V. (2013), "Religious life and guild corporations of medieval London", *Religiya–nauka–obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodeystviya: materialy III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konf. 1-2 noyabrya 2013 goda* [Religion–science–society: problems and prospects of interaction: materials of

the III international scientific and practical conference. November 1-2, 2013], Sociosféra-CZ, Prague, Czech Republic, 30-32 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Новак Маргарита Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, доцент кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; novakmargarita@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Margarita V. Novak, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology; Associate Professor of the Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; novakmargarita@yandex.ru

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 140.8

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-9

Рупова Р. М.

Философский диалог: М.М. Бахтин – А.А. Дорогов
(воспоминания и архивные свидетельства)

Московская духовная академия Русской Православной Церкви,
Троице-Сергиева лавра, Академия, г. Сергиев Посад, Московская область, 141300, Россия;
rozaliya-rupova@yandex.ru

Аннотация. Имя Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975), выдающегося мыслителя XX века, философа и культуролога широко известно. Актуальность его исследовательской мысли, прозревшей в формах литературного творчества, а также – шире – в исторических формах культуры, глубины знания о человеке, с годами только возрастает. В силу этого интерес к его наследию, в том числе к его научным диалогам, также повышается. В статье приводятся воспоминания об одном из собеседников М.М. Бахтина – Алексее Александровиче Дорогове (1923–2003), имя которого хорошо известно только тем, кто знал его лично, беседовал с ним, слушал его лекции по широкому спектру историко-философских и культурологических проблем. Настоящая публикация ставит задачу выведения из тени забвения нашего замечательного соотечественника, глубокого и оригинального мыслителя, которого связывала дружба с М.М. Бахтиным, начавшаяся 20 августа 1965 г. и продлившаяся до смерти последнего в 1975 г. Их диалоги можно отнести не просто к жанру мемуаристики, но к истории научной мысли. Статья дополнена личными воспоминаниями автора о встречах и беседах с А. Дороговым. Публикация может открыть новые грани жизни и творчества М.М. Бахтина, равно как восполнить картину научной мысли XX века за счет включения в нее малоизвестного мыслителя, Алексея Александровича Дорогова.

Ключевые слова: М.М. Бахтин; А.А. Дорогов; диалогизм; философия культуры; философская антропология

Для цитирования: Рупова Р. М. Философский диалог: М.М. Бахтин – А.А. Дорогов (воспоминания и архивные свидетельства) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 110-119. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-9

R. M. Rupova

**Philosophical dialogue: Mikhail Bakhtin - Alexey Dorogov
(memoirs and archival evidence)**

Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church,
Trinity-Sergius Lavra, Academy, Sergiev Posad, Moscow region, 141300, Russian Federation;
rozaliya-rupova@yandex.ru

Abstract. The name of Mikhail Mikhailovich Bakhtin (1895–1975), an outstanding thinker of the 20th century, philosopher and cultural scientist, is widely known. The relevance of his research thought, which comprehended the depth of knowledge about man in the forms of literary creativity, as well as in historical forms of culture, only increases over the years. Because of this, interest in his legacy, including his scientific dialogues, is also increasing. The article provides memories about one of M.M. Bakhtin’s interlocutors – Alexei Alexandrovich Dorogov (1923-2003), whose name is well known only to those who knew him personally, talked with him, listened to his lectures on a wide range of historical, philosophical and cultural problems. This publication sets out to bring out of the shadows of oblivion our remarkable compatriot, a profound and original thinker who was linked to M.M. Bakhtin by a friendship that began on 20 August 1965 and lasted until the latter's death in 1975. Their dialogues can be attributed not just to the genre of memoirs, but to the history of scientific thought. The article is supplemented by the author’s personal memories of meetings and conversations with A. Dorogov. The publication may open up new facets of M.M. Bakhtin’s life and work, as well as to complete the picture of scientific thought of the twentieth century by including in it a little-known thinker, Alexei Alexandrovich Dorogov.

Key words: M.M. Bakhtin; A.A. Dorogov; dialogism; philosophy of culture; philosophical anthropology

For citation: Rupova R. M. (2024), “Philosophical dialogue: Mikhail Bakhtin – Alexey Dorogov (evidences and documents)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 110-119, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-9

20 августа 1965 года в Саранске приземлился небольшой самолет местных авиалиний, на котором из Пензы прилетел Алексей Дорогов с целью встречи и беседы с Михаилом Михайловичем Бахтиным, чье имя было уже широко известно в научных кругах благодаря выходу в свет его трудов. Независимо друг от друга со своими вопросами к Бахтину приезжали Г. Гачев (1929–2008), В. Кожин (1930–2001), В.Н. Турбин (1927–1993) и другие философы, писатели и культурологи, для которых мысль М. Бахтина, сбив

стереотипы понимания культуры, приоткрыла новые перспективы.

С какой целью предпринял Алексей Дорогов этот перелет? «У меня появилось много вопросов, на которые хотелось получить ответы от самого Бахтина. Мне захотелось подробнее узнать о фактах его биографии, о его учителях, о генезисе его идей, о его мировоззрении... Кроме того, мне захотелось узнать его мнения о многих идеях, меня интересовавших, а также поделиться с ним своими мыслями, узнать его мнение о них, рассказать о своем мировоззрении» (Дорогов, 2005: 167).

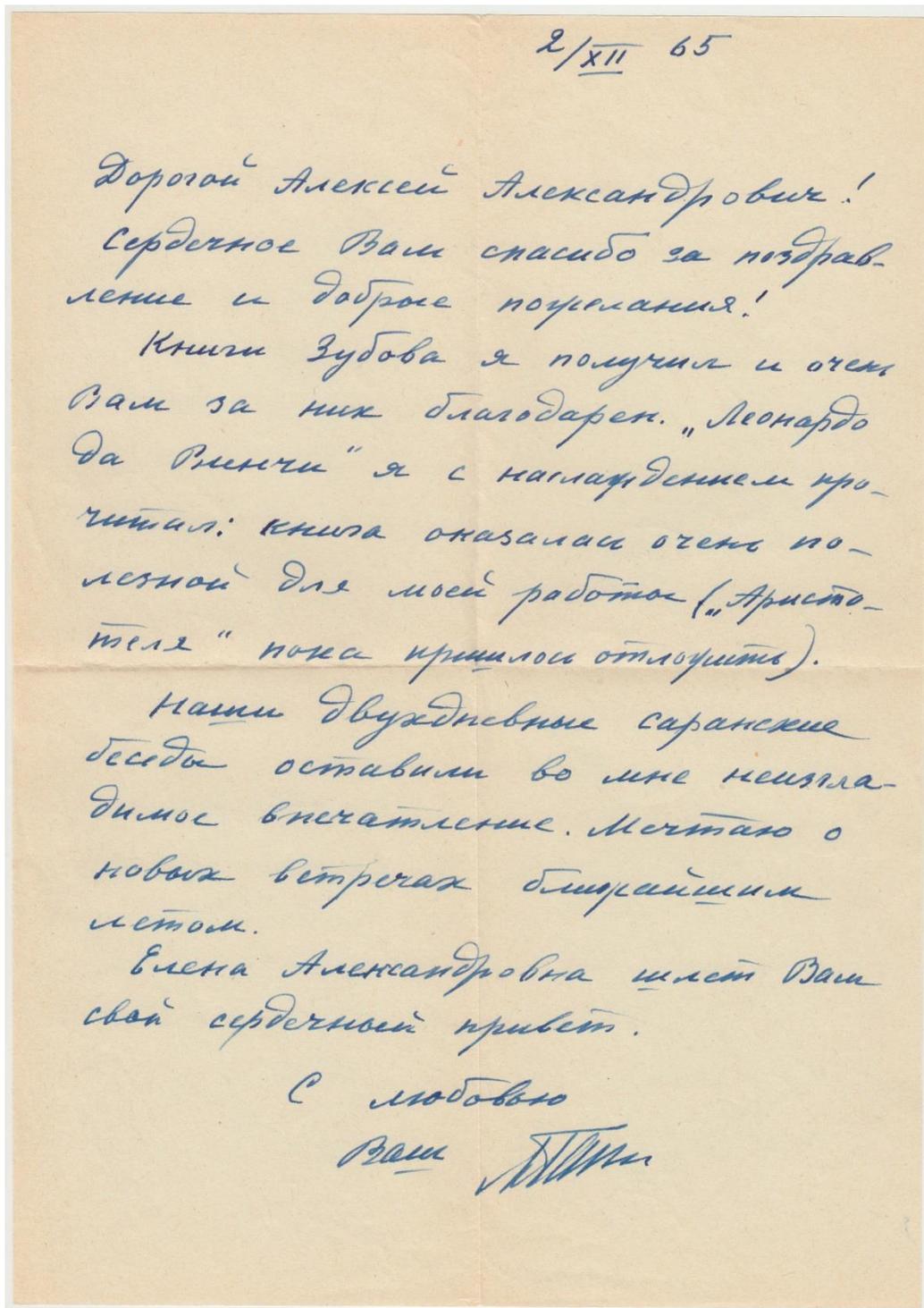

Рис. 1. Письмо М.М. Бахтина – А.А. Дорогову от 2 декабря 1965 г.
Fig. 1. Letter from Mikhail Bakhtin to Aleksei Dorogov dated December 2, 1965

Основанием столь глубокого интереса к идеям М.М. Бахтина был тот факт, что в ситуации кибернетического бума, которым была охвачена наша страна, в условиях засилья неопозитивизма и прагматизма, он открывал иные научные перспективы,

показывал другой путь, предлагал по-новому увидеть положение человека в мире. Перефразируя слова В. Турбина, ученика и последователя М.М. Бахтина, много содействовавшего устроению его жизненных проблем, можно сказать, что

Бахтин явил нам иные культурные миры (творчество Рабле, Гоголя и Достоевского) в их трудно доступной для нас подлинности. Диалогизм, открытость как базовые характеристики культуры, имели для Бахтина методологический характер; в его трудах выражено осознание жизни как непрекращающегося живого диалога с Богом – не эта ли установка впоследствии стала основанием для «богословия общения», ярко выразившего себя в трудах митр. Иоанна (Зизиуласа) (Иоанн (Зизиулас), 2006)?

Алексей Александрович был тепло принят в доме Бахтиных и провел два незабываемых дня в разговорах с Михаилом Михайловичем. Среди множества тем, которые они обсуждали, отметим несколько. Бахтин сказал, что считает своим учителем Фаддея Францевича Зелинского (1859–1944) – профессора Московского университета, блестящего знатока античности. Большое влияние на Михаила Михайловича оказала Марбургская школа неокантианцев (прежде всего, Герман Коген), а также другие философы начала XX века: Эдмунд Гуссерль (1859–1938), Макс Шелер (1874–1928), Николаус Гартман (1882–1950). Главная область собственных размышлений и исследований Бахтина – философская антропология (Дорогов, 2005: 168–169). Можно утверждать, что тема человека была центральной осью его не только культурологических, но и литературоведческих, и лингвистических штудий. В дальнейшем общение продлилось в эпистолярном жанре, а также лично, когда Алексей Александрович неоднократно посещал Бахтиных после их переезда в Москву.

Вглядимся теперь в лицо самого Алексея Дорогова, столь активно заинтересованного в общении с М.М. Бахтиным, перешедшем в формат

дружбы, продлившейся до его смерти в 1975 году. Отметим интересный и важный в контексте данной статьи факт его биографии: при том, что ему было сложно выражать свои мысли на бумаге, одним из немногих его текстов были именно воспоминания о Бахтине, опубликованные уже после смерти А.А. Дорогова.

Предоставим, прежде всего, слово его коллегам и собеседникам.

Личностью Алексея Александровича Дорогова восхищалось немало специалистов, слышавших его лекции и доклады, реплики на семинарах, симпозиумах, конференциях, в дискуссиях по самой различной проблематике – от влияния эволюции ткацких станков и шахтных насосов на рост промышленного капитала в Англии XVIII века до сравнительного анализа элементов «интеллектуального кино» у Эйзенштейна и Аллена Ренэ, от автоматизации архитектурно-строительного проектирования до живописи импрессионизма как прямого переносе на холст образов предметного мира, возникших на сетчатке глаза художника.

Слышавших, но не читавших. Ибо помимо полутора десятка небольших по объему, хоть и чрезвычайно насыщенных статей в малотиражных ведомственных бюллетенях и сборниках 50-х–70-х годов, Алексей Дорогов не опубликовал печатно ни единого слова из своих капитальных, поистине грандиозных трудов. И не потому, что не хотел их печатать или не находил для них издателя. Итоги кропотливых архивных разысканий и документальных штудий, результаты обобщения огромной массы конкретно-эмпирических данных в свете новейших научных теорий и плоды оригинальнейшего культур-философского синтеза просто не облекались Дороговым в письменную форму.

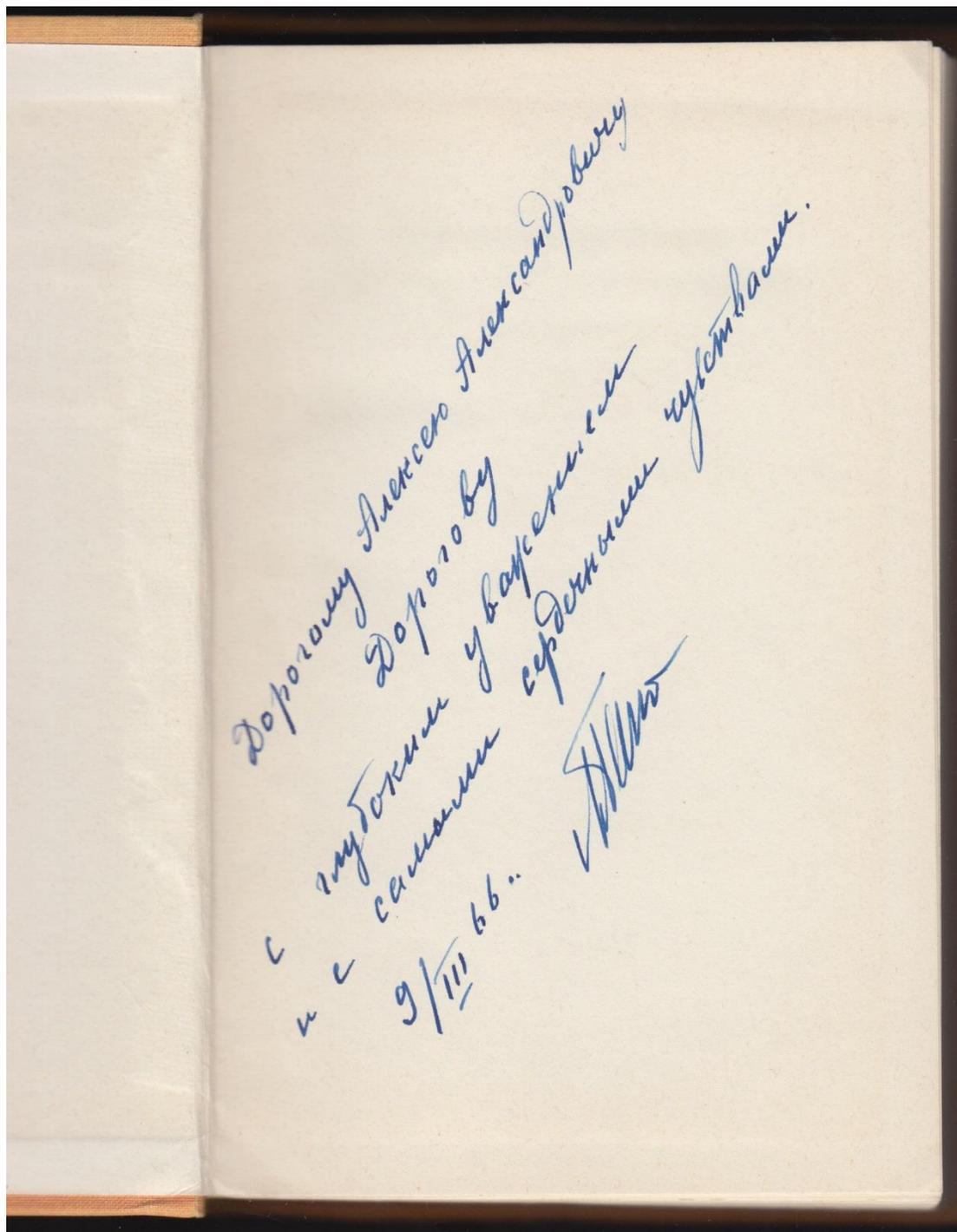

Рис. 2. Дарственная надпись на книге Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965

Fig. 2. Dedicatory inscription on the book Bakhtin M.M. (1965), *The Works of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*, Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR (in Russ.)

Все эти несметные духовные богатства хранились у него в действительно фантастически емкой, безотказной,

великолепно структурированной памяти. Лишь малую часть им продуманного он успел претворить в свой сверхнасыщенный

устный дискурс и передать по настоящему восприимчивой аудитории – в последние десятилетия своей жизни.

Почему же ему была присуща, чем вызывалась эта, как сам он с улыбкой признавал, катастрофическая аграфия? Его сестра, Нина Александровна, неразлучная с ним всю жизнь, указывает на ряд причин. По-моему, надо добавить еще одну.

Каких бы сложных и глубоких вопросов не ставил себе и нам Алексей Дорогов, какие бы темные и запутанные проблемы не атаковал, с какими бы концептуальными трудностями при этом не сталкивался, главным орудием его неустанно ищущей мысли служила устная речь – живая, проникнутая огромной волевой энергией, ценностно нагруженная, внутренне динамичная и ориентированная на диалог. Во всех его выступлениях, полных частых повторов, возвратов к исходным пунктам, циклического варьирования и множественных ветвлений основной темы, звучали не только объективные констатации, смелые гипотезы, солидно фундированные аргументы и точные ссылки на надежные источники. Там отчетливо воспроизводились и обретали новую значимость голоса тех (еще здравствовавших или давно ушедших), с кем он соглашался или вступал в спор, чьи взгляды критиковал, дополнял или развивал, кого считал незаслуженно забытым или превратно понятым, но достойным быть полноправным участником «взаимно-обучающего разговора», ведомого в реальном времени, здесь и сейчас, on-line.

Подобного рода коллоквиум, многосторонний устно-речевой обмен или, по-сегодняшнему, интерактивный сетевой чат во всем историко-культурном пространстве, нельзя было напрямую перевести в письменно-монологический текст.

В режиме off-line терялась напряженная динамика, ощущение рискованного умственного приключения,

чувство непосредственно личной вовлеченности в процесс поиска, трудность которого дотоле воспринималась не как гнетущее бремя, но как бодрящий вызов к упражнению собственных мыслительных сил. Алексей Александрович, чей ум не только работал безостановочно, но и мгновенно откликался на любой внешний сигнал, несущий в себе хоть капелюк относящегося к делу смысла, понимал это лучше всех других. Лишь единственный раз ему пришлось править расшифровку (магнитофонный транскрипт) своей лекции (так и не напечатанной), и, страшно с нею измучившись, он заявил, что было бы куда легче и разумнее написать все заново, ибо между словом произносимым и словом запечатленным пролегает пропасть.

В действительности положение складывалось еще тяжелее. Будучи перфекционистом самой высокой пробы, А. Дорогов не раз со вздохом признавался: любое начертанное им на бумаге высказывание настолько рознится с задуманным, а достижение достаточной близости требует столь чудовищных затрат труда и времени, что само желание взяться за сколько-нибудь пространное сочинение угасает само собой. Не потому ли он, в конце концов, сосредоточился на легко и адекватно фиксируемых афоризмах?

Его основным письменным жанром были сверхсжатые конспекты прочитанного, векторные схемы продумываемых идей и пунктирные планы устных выступлений – по счастью, это драгоценное наследие сохранилось, надо только найти к нему ключ. А пока – типичная сценка: готовясь к очередной лекции или докладу минут за пятнадцать до начала, Алексей Александрович, никуда не заглядывая и ни с чем не сверяясь, наносит бисерным почерком на одну сторону (иногда только половину) каталожной карточки с десятком имен, дат и ключевых слов, приговаривая как бы про себя: «Николай Фёдорович Фёдоров заповедовал каждому сочинителю, выпускающему в свет свое детище, самому его и

аннотировать – причем так, чтобы при исчезновении всех оттисков и даже манускрипта, вдумчивый читатель мог бы по оставшейся библиографической справке восстановить с необходимой полнотой основное содержание утраченной статьи или книги». Так вспоминал об А.А. Дорогове Леонид Переверзев, музыковед, специалист по джазу, теоретик дизайна, автор нашумевшей книги «Искусство и кибернетика» (1960)). Воспоминания были опубликованы Руповой Р.М. в словаре «Философы современной России» (Рупова, 2017: 124-127).

Игорь Голомшток¹ вспоминал: «Человека с такой эрудицией я больше не встречал. Он читал нам десятки лекций по истории науки, искусства, техники, философии, выстраивал хронологические ряды, сопоставлял этапы развития разных областей материальной и духовной деятельности и строил из всего этого монолитную пирамиду человеческой культуры. И при этом он почти не мог писать. Как-то он пожаловался мне: "Я не понимаю Тойнби: как человек, столько знающий, мог так много писать"» (Голомшток, 2011).

Биографическая справка

Алексей Александрович Дорогов родился 12 марта 1923 г. в селе Кудеиха Алатырского уезда Симбирской губернии. Отец – Александр Иванович Дорогов (1879–1963) – педагог, агроном, ученый-почвовед и изобретатель. Окончил Учительскую семинарию, Учительский

институт и Московский Сельскохозяйственный институт. Мать – Антонина Владимировна Дорогова (1887–1940) – закончила Петроградские Высшие женские курсы («Бестужевские») и Петроградский университет, работала преподавателем литературы и французского языка. Семья жила в Пензе.

Этапы высшего образования Алексея Дорогова: Московский энергетический институт, факультет точной механики Пензенского индустриального института, истфак Пензенского педагогического института (экстерном), аспирантура в Москве при Институте истории естествознания и техники АН СССР. В 1956 г. – защита диссертации по теме: «Развитие механизмов в России. Ранний период. XIV – первая половина XV века». Далее, в разные годы, А. Дорогов работает научным сотрудником Института истории естествознания и техники, Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ), читает спецкурсы в МГУ («История визуального мышления»), в Московском полиграфическом институте («История искусств»). В круг собеседников А.Дорогова входили: М.М. Бахтин, Р. Якобсон, академик Р.Ю. Виппер, Д.Д. Бурлюк, И.Г. Эренбург, В.Б. Шкловский, Н.И. Харджиев, Вяч. Вс. Иванов, Э. Кольман, Э.В. Ильенков, Г.С. Померанц, С.С. Аверинцев, Г.Д. Гачев, В.В. Кожинов, С.И. Юткевич, Г.М. Козинцев, Ю.Б. Норштейн, Б.Л. Переверзев.

¹ Автор книг «Тоталитарное искусство» (М., 1994), «Искусство авангарда в портретах его представителей в Европе и Америке» (М., 2004);

«Английское искусство от Ганса Гольбейна до Дэмиена Херста» (М., 2008). С 1972 года жил в эмиграции.

Рис. 3. Алексей Александрович Дорогов. Фото из личного архива автора
Fig. 3. Alexey Alexandrovich Dorogov. Photo from the author's personal archive

Некоторые мысли А.А. Дорогова

- Насколько себя помню, меня всегда занимали проблемы синтеза знаний. И я всю жизнь решал их, как мог.

- Уже довольно рано я понял, что только история дает возможность такой синтез осуществить естественно и вполне

- История для меня – не отрасль знания, а мировоззрение, и всё включено в неё;

- Логика истории сильнее всякой другой логики.

- История – это металогика и

метафилософия;

- История – это диалог, который никогда не прекращается;

- История – вечный суд с бесконечным количеством кассаций;

- История – это сверхдрама с непредсказуемым концом.

- Как и К. Маркс, говорю: я знаю только одну науку – науку истории.

- Структуры знания отражают социальные и технические структуры.

- Аксиомы Ньютона выражают систему метафизических представлений,

адекватных всей системе классического капитализма.

- Механизм как модель движения общества. В последней трети XIX века триумф биологических наук, дарвинизма, совпадает с универсальной организмической концепцией общества и истории. (Герберт Спенсер).

В течение последних двадцати лет жизни А.А. Дорогова мне посчастливилось быть его частой собеседницей. Прослушав его курс истории искусств в Полиграфическом институте, я осмелилась подойти к нему и выразить желание продолжить беседы. С тех пор, став регулярным гостем в квартире в Чертаново, где жили Алексей Александрович и его добрейшая сестра Нина Александровна, преподаватель французской литературы в Университете Дружбы народов, в течение долгих часов я с глубоким интересом, с изумлением внимала речам А.А. Дорогова, касавшимся самых различных аспектов познания мира. Острый период поиска смысла, интеллектуальный голод, побудивший меня искать ответы на вставшие передо мной мучительные вопросы, сдружили нас с Алексеем Александровичем, которому всегда были необходимы слушатели и собеседники. В итоге, действительно, выстраивалось стройное мировоззренческое здание, стержнем и методологическим фундаментом которого был историзм. Особое место в наших беседах занимал Николай Федорович Федоров – великий русский мыслитель, которого А.А. Дорогов глубоко чтит и, можно ответственно сказать, был в наши дни единственным в мире настоящим знатоком его учения. Можно наблюдать, как под этикеткой «космиста» или в карикатуризованном облике идеолога рукотворного «воскрешения мертвых» этот русский гений представлен на страницах учебников философии или в околонучной публицистике. С другой стороны, уважение и любовь к великим предшественникам не

должны приводить нас к принятию их заблуждений. Имея в качестве эталона ресурс святоотеческой традиции, мы можем оценить самые различные теории с точки зрения их отношения к христианству.

Как наследие этих штудий, в моих научных трудах присутствует то, что я бы назвала «школа Дорогова» – установка на ответственное отношение к фактам, строгость мысли в гуманитарной сфере, соответствующая нормам технических и математических наук, и стержневой исторический подход, то есть видение истории как «металогии для всякой логики». Сжатая форма статьи, разумеется, не дает возможности «воскрешения личности». Тем не менее, такая попытка сделана, ибо светлая память об этом незаурядном человеке и мыслителе осталась жить в сердце и совершать в нем свою работу.

Литература

Голомшток, И. Воспоминания старого пессимиста // Знамя. 2011. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/2/go12.html> (Дата обращения 29.06.2024)

Дорогов, А.А. О встречах с М.М. Бахтиным и о его месте в истории лингвистических идей (публикация П. Переверзевой) // Московский лингвистический журнал. 2005. Т. 8. № 2. С. 161–183.

Иоанн (Зизиулас), митр. Бытие как общение. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. 280 с.

Рупова, Р.М. Дорогов А. А. // Философы современной России. Энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Энциклопедист-Максимум», 2017. С. 124–127.

References

Dorogov, A. A. (2005), "About meetings with M.M. Bakhtin and his place in the history of linguistic ideas" (publication by P. Pereverzeva), *Moscow Linguistic Journal*, 8 (2), 161–183 (in Russ.).

Golomshtok, I. (2011), "Memories of an old pessimist", *Znamya*, 2, available at: URL:

<http://magazines.russ.ru/znamia/2011/2/go12.html>
(Accessed 29 June 2024) (in Russ.).

John D. Zizioulas. (2006), *Being as communion*, St. Philaret Orthodox Christian Institute, Moscow, (in Russ.)

Rupova, R. M. (2017), “Dorogov A. A.”, *Filosofy sovremennoy Rossii* [Philosophers of modern Russia. Encyclopedic Dictionary], Publishing house "Encyclopedist-Maximum", Moscow, 124–127. (in Russ.)

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Рупова Розалия Моисеевна, доктор философских наук, доцент кафедры Библистики Московской духовной академии Русской Православной Церкви, Троице-Сергиева лавра, Академия, г. Сергиев Посад, Московская область, 141300, Россия; rozaliya-rupova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Rosalia M. Rupova, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Biblical Studies, Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church, Trinity-Sergius Lavra, Academy, Sergiev Posad, Moscow region, 141300, Russian Federation; rozaliya-rupova@yandex.ru

УДК 008/001

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-0

Макарова Е. Ю. | Образ России: «Записки о реформах Петра Великого» Кан Ювэя

Ляонинский университет международной торговли и экономики,
ул. Шунле, д. 35, зона экономического развития Ляйшунь, Далянь, 116045, провинция
Ляонин, КНР; *makarova9liza@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен перевод и комментарии части эссе «Записки о реформах Петра Великого» (кит. 俄罗斯大披德变政记) китайского философа, политика и общественного деятеля Кан Ювэя (1858–1927), основоположника реформаторского движения «Сто дней реформ» в Китае на рубеже XIX–XX вв. Материалы статьи позволяют: 1) вспомнить о том, как зародилась «Ассоциация усиления государства»; 2) выяснить как происходило взаимодействие Кан Ювэя и императора Цзай Тяня в период «ста дней реформ», проанализировать представленные реформаторами доказательства необходимости изменений; 3) раскрыть теоретическое обоснование реформ, представленное Кан Ювэем; 4) показать отношение к личности Петра I как образцу талантливого правителя, а его деятельности как примеру успешного проведения реформ.

Ключевые слова: Кан Ювэй; неоконфуцианство; сто дней реформ; Пётр I

Для цитирования: Макарова Е. Ю. Образ России: «Записки о реформах Петра Великого» Кан Ювэя // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 120-128. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-0

E. Yu. Makarova

The Image of Russia: "An Account of the Reforms of Peter the Great" by Kang Yu-wei

Liaoning University of International Business and Economics,
35 Shunle St., Lushun Economic Development Zone, Dalian City, 116045, Liaoning Province,
China; *makarova9liza@yandex.ru*

Abstract. The article presents a translation of part of the essay “An account of the Reforms of Peter the Great” by the Chinese philosopher and politician Kang Yu-wei (1858-1927), leader of the reform movement "One Hundred Days Reforms" in China in the late 19th century. The material in the article allows us to 1) to recall how the "Association for Strengthening the State" came into being; 2) to find out how the interaction between Kang Yu-wei and Emperor Zai Tian took place during the "Hundred Days of Reforms", analysing the evidence for the necessity of changes presented by the reformers; 3) to reveal the theoretical justification of the reforms presented by Kang Yu-wei; 4) to show the attitude towards the personality of Peter the Great as a model of a talented ruler and his activities as an example of successful reforms.

Keywords: Kang Yu-wei; neo-Confucianism; Reform Movement; Peter the Great

For citation: Makarova E. Yu. (2024), “The Image of Russia: An Account of the Reforms of Peter the Great by Kang Yu-wei”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 120-128, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-0

В социальной жизни Китая конца XIX в. по многим фронтам происходили изменения, среди которых: антифеодальные и антиманчжурские выступления; столкновение консерваторов, верящих в силу монархии, и реформаторов, желающих изменить ситуацию, а именно выйти из-под гнета европейских держав и постепенно отказываться от монархического строя; различные движения за преобразования и освобождение от зависимости от иностранных государств и др. В 1895 году при поддержке Вэн Тунхэ (кит. 翁同龢 *weng tonghe*), лидера дворцовой партии и наставника императора Цзай Тяня, в Пекине было создано сильное сообщество, инициированное Кан Ювэем, которое называлось «Ассоциацией усиления государства» (кит. 强学会 *qiangxuehui*). Кан Ювэй, будучи приверженцем монархии, возлагал большие надежды на императора Гуансюя и надеялся с его помощью осуществить реформы. В поддержку и оправдание реформ Лян Цичао приводит цитату из «И цзина»: «Если положение зашло в тупик – его нужно изменить; когда положение изменится – придет благополучие» (Лян Ци-чао, 1961b: 148). Так с июня 1898 г. начинается один из знаковых этапов в китайской истории, именуемый как «100 дней реформ».

Реформаторы желали достучаться до сердца молодого императора, пробудить в нем желание возродить былую славу государства и взять бразды правления в свои руки, для чего показывали положительные и отрицательные примеры действий правителей в разных странах, побуждая императора к действиям. Участник реформаторского лагеря Лян Цичао писал о

больших возможностях императора содействовать переменам: «...Власть находится в руках государя, поэтому ни одно из мероприятий, которое он захочет привести в исполнение, не встретит противодействия. Ничего этого нет ни в одном европейском государстве» (Лян Ци-чао, 1961b: 152). Обновление традиции – вот истинный смысл конфуцианского учения. Не стремиться к прогрессу – значит отказаться от учения Конфуция. Кан Ювэй пишет об этом следующее: «В наше время не стремиться к прогрессу и цепляться за старое – предавать забвению идеи Конфуция и извращать его учения, не стремиться к спокойствию и достижению счастья всех людей» (Тихвинский, 2006: 91).

Кроме решения насущных вопросов, реформаторы также надеялись на постепенную смену государственного строя. Кан Ювэй считал, что установление конституционной монархической системы в Китае сможет поддержать политическую стабильность и будет способствовать экономическому процветанию. Он полагал, что конституционная монархия была наиболее подходящей формой правления в Китае того времени (Dong, 2014: 8). Для установления новой системы необходимо провести реформы и «чистки» в правительственных кругах. Лян Цичао писал об этом следующее: «Ни одну форму правления нельзя установить прежде, чем придет соответствующее время. Но когда наступает новая эпоха, смену этих форм нельзя приостановить» (Лян Ци-чао, 1961a: 136).

Кан Ювэй видит смену государственного правления как проявление действия естественного закона. Он описывает: меняется земля, реки и озера,

меняется и человек на протяжении всей жизни, начиная свой путь маленьким ребенком и заканчивая седовласым старцем, так и изменения в государстве естественны и необходимы, если же они не наступают, то все приходит в упадок. В начале статьи «Записки о реформах Петра Великого» (кит. 俄罗斯大披德变政记 *eluosi dapide bianzhiji*) Кан Ювэй делает акцент на пример европейских государств, где династия погибала, но возрождалась вновь, с новыми силами и нововведениями, что соответствует небесному *Дао*. В Китае же, напротив, одна династия погибала, потом появлялась новая. Так происходит потому, что императоры отказываются от реформ, не хотят менять свою политику и нравы, что не соответствует воле небес. Кан Ювэй с большой грустью прослеживает историю Китая, где каждая династия начинает свою «300 летнюю» (Kang Yu-wei zhu et al., 2010: 329) историю с изменения предыдущего государственного строя, с продуманных планов на будущее, с желанием оставить после себя наследие, но все в итоге заканчивается упадком, когда приходили новые поколения, не понимающие замыслов начинателей, не желающих соответствовать времени. Человек, создавший процветающую династию, должен быть способен изменять политику, должен обладать боевыми талантами и далеко идущими амбициями.

Правление императрицы Цыси привело к тяжелым последствиям и, казалось, к безвыходному положению, но надежда, а самое главное – беспромеделительные действия и твердая рука могли оказать большое влияние на исход ситуации. Отличным примером подобного волевого человека стал Пётр I, который смог не только изменить текущее положение в стране, но и заложить прочный фундамент для развития на несколько столетий вперед. «Если у деда предки были успешны, то и его сын, и его внук будут пользоваться этими благами, будут надменными и расточительными, которых абсолютно не интересует управление

своими землями» (Kang Yu-wei zhu et al., 2010: 336) – так Кан Ювэй описывает правящие элиты того времени, которые ради стабильной жизни и собственного достатка готовы были поступиться судьбой своего государства и всего народа, что, безусловно, является явным антипримером.

Можно сказать, что движение начинается в конце 1888 г., когда после стихийных бедствий Кан Ювэй, не в силах более мириться с бедственным положением народа и ситуацией в стране, пишет свой первый меморандум двору, где дает волю чувствам и в красках описывает несовершенства государственной системы, уличает маньчжурскую династию в бездействии: «...ничего не слышно о том, как император отозвался на эти бедствия, не было издано указа с признанием и критикой ошибок управления <...> не была оказана необходимая помощь пострадавшему населению. Никто из приближенных к императору лиц и ответственных сановников не подал в этой связи никакого доклада с критикой действий государя или с выражением откровенных и смелых суждений. И придворные, и чиновники – все молчат... И правительственные, и провинциальные сановники ведут беспечную жизнь, работают вяло, нисколько не заботясь о завтрашнем дне. Ни один важный вопрос не может быть разрешен. Ученые только вздыхают, но не в состоянии ничего сделать. Корыстные элементы, пользуясь таким положением, думают только о личных выгодах. Армия и флот не обучены, ресурсы, как казенные, так и частные, истощены. Чиновники назначаются не в соответствии с их способностями. Более того, правительство даже извлекает денежную выгоду от торговли должностями. Ничего не делается для народного просвещения, и простой народ поголовно неграмотен» (Тихвинский, 2006: 81). Помимо откровенного равнодушия властей, в стране существует и угроза, исходящая от западных держав. Если ситуация и далее будет складываться таким образом, то Китай просто станет вассальной

страной, полностью зависимой от запада. Кан Ювэй акцентирует стремительное развитие иностранных государств, их активные преобразования, ведь это только приведет к дальнейшему натиску и в итоге к захвату. После этого меморандума последовали и многие другие, где Кан Ювэй призывал к смене государственного устройства, отмене старых привычек, изгнанию консерватизма, преобразованию экзаменационной системы, реформы в области экономики, культуры, финансов и др., все это он подкреплял примерами из древних книг и классических канонов. Кан Ювэй предлагал Цыси и Цзяй Тяню следующее: 1) изменить существующие законы; 2) прислушаться к голосу народа; 3) соблюдать осторожность в подборе высших сановников (Тихвинский, 2006: 83).

Летом 1898 г. состоялась встреча Кан Ювэя и императора. Эта аудиенция, длившаяся более двух часов, произвела сильное впечатление на Цзай Тяня. Кан Ювэй высказал свои идеи относительно проведения реформ, делая акцент на угрозе целостности страны, исходящей со стороны иностранных государств. Кан Ювэй поведал императору о своей большой работе по сбору и анализу информации о методах проведения реформ за рубежом, по итогу которой он отобрал наиболее подходящие для ситуации в Китае и составил подробный план преобразований. Кан Ювэй писал: «Демократический республиканский строй Америки и Франции и конституционное политическое управление Англии и Германии для нас неприемлемы по причине отдаленности этих стран от Китая и различия народных обычаев; к тому же реформы в этих государствах проведены давно, и от них уже не осталось и следов. Я прошу поэтому Ваше Императорское Величество взять пример с России и Японии, заимствовать идеи Петра Великого и принять за образец реформы, проведенные японским императором Мэйдзи...»

¹ Перевод и содержание некоторых из указов см.: (Тихвинский, 2006: 285-291).

(Тихвинский, 2006: 223). По окончании встречи император наказал Кан Ювэю оформить и структурировать все его идеи, о которых он сообщал на аудиенции, в виде книг. Список был следующий: 1. «Исследование о реформах в Японии» (кит. 日本变政考); 2. «Записки о разделе и гибели Польши» (кит. 波兰分灭记); 3. «Исследование о реформах во Франции» (кит. 法国变政考); 4. «Исследование о реформах в Германии» (кит. 德国变政考); 5. «Исследование о реформах в Англии» (кит. 英国变政考); 6. «Записки об ослаблении и гибели Турции» (кит. 突厥削弱记); 7. «Записки о французской революции» (кит. 法国革命记) (Тихвинский, 2006: 282). Во всех книгах тематика одна: причинами упадка в отдельных странах являются несамостоятельность и отсутствие изменений, а причинами подъема – правильно проведенные реформы.

Во время периода «100 дней реформ» император Цзай Тянь при поддержке реформаторов издал множество указов (из-за большого влияния консерваторов на политическую ситуацию в стране не все из них смогли быть исполнены, многие были отменены императрицей Цыси), направленных на изменения в области политики, науки и образования (так 8 августа 1898 г. был организован Пекинский университет), промышленности, сельского хозяйства и т. д.¹ «Когда Петр Первый, вернувшись на родину из заморских стран, куда он ездил с целью получения знаний в области промышленности, осуществил в стране политические реформы, а последующие цари продолжили его политику, Россия стала процветать, намного расширив свою территорию» (Лян Ци-чао, 1961а: 136).

В своем сочинении «Записки о реформах Петра Великого» (кит. 俄罗斯大披德变政记 *eluosi dapide bianzhiji*) Кан

Ювэй описывает наступление эры процветания России следующим образом: «До правления императора Канси земли их страны были обширными и пустынными, люди не имели образования. В то время страна закрыла свои границы, не вела торговли с другими странами, проявляла полное равнодушие и не имела отношений с другими странами. Не было промышленного производства, их инструменты просты и несуразны, не было школ и люди были невежественны. Оружие и снаряжение не приводились в порядок, подсчет точного количества официальных солдат в армии не вели. Дороги также не ремонтировались, они были заполнены сорняками, которые не позволяли по ним передвигаться. Не только железных кораблей не было, но не было даже лодок. У народа было только сельское хозяйство, но методы ведения сельского хозяйства были очень отсталыми. Остальные же люди – кочевники, у которых в привычках вести ленный образ жизни и устраивать состязания в смелости и жестокости. Природа в этих краях полна диких зверей и кустарников, это дикая и нецивилизованная страна. Западные страны презируют их. Человек, что создал план российской гегемонии – великий государь Петр Великий» (Kang Yu-wei zhu et al., 2010: 330). Подобное пишет и Лян Цичао в своей работе «Общие рассуждения о реформах»: «Теперь возьмем Россию. Она расположена в зоне холодного климата и находилась ранее под игом монголов. Благодаря жестокому притеснению предыдущих царей дух народа был подавлен. [Положение страны] было невероятно тяжелым» (Лян Ци-чао, 1961в: 149). Делая акцент на казалось бы безвыходном и угнетенном положении России в допетровские времена, мыслители показывают, что всё возможно исправить, если появится достойный правитель с правильным *Дао дэ*, который на своем примере невероятной внутренней силы, жажды к знаниям и изменениям, воле к прогрессу, желанием бороться с невежеством и отсталостью, докажет всем,

что всё прежнее можно исправить, модернизировать и в результате выйти на мировую арену в числе передовых и сильных государств.

Кан Ювэй напоминает, что в истории Китая уже были подобные по своему значению правители – это Вэй Вэнгун (кит. 卫文公 *weiwengong*), что правил в период весен и осеней в царстве Вэй, а так же правитель царства Юэ в период весен и осеней Гоуцзянь (кит. 越王勾践 *yuewang goujian*) (Kang Yu-wei zhu et al., 2010: 330). Эти правители так же, как и Пётр I, были скромны в своих нуждах, имели огромное стремление к обучению, старались налаживать торговлю, ремесла и образование для своих подданных. Вэй Вэнгун носил одежды из грубой ткани, сам изготавливал инструмент для сельского хозяйства, уважал трудящихся, давал должности только талантливым людям, а не знатным, всех убеждал о необходимости учиться. Правитель царства Юэ урезал свое жалованье, лично участвовал в сельскохозяйственной деятельности, его жена ткала ткани, он был вежлив к гостям, справедливым в применении наказаний. По мнению Кан Ювэя, все эти положительные качества соединились в одном человеке – Петре I, так он всего за несколько десятилетий привел Россию к процветанию, присоединил десятки тысяч миль новых территорий. Кан Ювэй считал, что все это стало возможным при помощи смены правительства, ведь чем сильнее преобразования, тем эффективней управление.

Первая литература, описывающая Россию и содержащая описания географического положения, сведения об истории, жизни и нравах народа, появилась в XIX в. Эти работы в основном являлись переводами западных источников, выполненных миссионерами на китайский язык, некоторая часть была составлена китайскими авторами после прочтения европейских источников. Н.А. Самойлов выделяет следующих авторов:

1. Линь Цзэсюй (1785–1850), который был в свое время назначен императорским эмиссаром, вел активную борьбу с торговлей опиумом, собирал сведения о различных зарубежных странах. Также известен тем, что одним из первых в Китае поднял вопрос о необходимости учиться у европейцев и о заимствовании научных и технических достижений. Сочинение «Основные сведения о России» (кит. 俄罗斯国纪要 *eluosiguo jiyao*) – раздел его труда «Описание четырех материков» (кит. 四洲志 *sizhou zhi*). Основная ценность его работы – описание истории и географии России, а также первое знакомство китайской публики с Петром I, его биографией и деятельностью.

2. Вей Юань (1794–1857), который включил работу Линь Цзэсюя в свой обширный трактат «Описание заморских стран с картами» (кит. 海国图志 *hai guo tuzhi*).

3. Сюй Цзюй (1795–1873) «Краткое описание морей и суши» (кит. 瀛环志略 *yinghuan zhillue*). Работа примечательна использованием большого количества иностранных источников, уточнением и исправлением работ других авторов. В книге большое внимание уделяется географии и истории России.

4. Хэ Цютао (1824–1862) написал книгу «Поход к северным границам»² (кит. 朔方备乘 *shuofang beicheng*), состоящую из 80 глав, основу которой составили исторические события, связанные с российско-китайскими отношениями. Книга была направлена на изучение опыта вооруженных конфликтов с западными державами (Самойлов, 2020).

Одним из самых примечательных отрывков статьи «Записки о реформах Петра Великого» (кит. 俄罗斯大披德变政记 *elوسي dapide bianzhiji*), на мой взгляд, является часть, где Кан Ювэй пишет о наставлениях, которые Пётр I якобы оставил своим детям и внукам. Так как Кан

Ювэй активно собирал сведения о европейских державах и готовился к разговорам с императором, он читал всю имеющуюся на то время литературу, которая не всегда содержала полную и достоверную информацию. В данном сочинении мы можем увидеть, что географические сведения не всегда точны, названия не везде записаны правильно, временные рамки не всегда указываются должным образом. Несмотря на эти неточности, мы можем заметить, что именно в этой части Кан Ювэй вкладывает в уста Петра I часть своих идей, которые мы можем встретить в его работе «Книга о Великом Единении» (кит. 大同书 *datongshu*), практический призыв к Цзай Тяню к определенным действиям и некоторые соображения о ведении внешней политики.

Перевод фрагмента

1. Народ и солдаты России, будь то флот или армия, все они должны быть прилежно обучены и натренированы в военном деле, должны стать лучшими в своем роде. Жалование и продовольствие для военных должны быть обильными, люди будут охотно вербоваться в их ряды. Когда будет достаточное количество военных, то не важно, во время войны или мира, интересы России всегда будут максимально удовлетворены.

2. Не нужно жалеть государственной казны на привлечение талантливых людей, будь то военных или ученых. Если и гражданские и военные должности занимают способные люди, то это привлечет в Россию таланты из других стран.

3. Если в Европейских державах затевается война, то Россия должна знать об этом заранее и дожидаться подходящего случая, чтобы иметь возможность действовать. В особенности важно обратить внимание на близость Германии, и еще более важно не игнорировать этот факт.

² Перевод автора статьи.

4. Польша должна стать зависимой от России. Сначала следует спровоцировать разделение Польши надвое, ослабить власть. В парламенте Польши необходимо найти высокопоставленного и обладающего властью человека и подкупить его, чтобы можно было использовать его в интересах России. В случае успеха российские солдаты смогут войти на территорию и дислоцироваться. Если же близлежащие страны будут препятствовать, то можно предложить им присоединиться и управлять совместно, после чего искать пути для их устранения, чтобы Россия могла единолично осуществлять контроль над Польшей.

5. Швеция должна быть укрощена, чтобы она могла стать нашим союзником. Если их сторона нарушит соглашение, нужно сделать так, чтобы они не могли найти аргументов, а правда была на нашей стороне, обличить Швецию в злодеяниях таким образом, чтобы все было в нашу пользу. Между Данией и Швецией надобно посеять раздор, что вынудит их расторгнуть соглашения.

6. Следующие представители императорской семьи должны заключать браки с выходцами из Пруссии; так наши потомки не только смогут быть более одаренными и способными, но и разделить с Пруссией власть и влияние.

7. Необходимо иметь торговые связи с Англией. Они нуждаются в древесине для судостроения, которой у нас предостаточно. В Англии много золота, которое мы можем обменять на древесину, что поможет нам обогатить государственную казну.

8. Расширение территорий всегда должно рассматривать как наиважнейшее дело. С севера до Балтийского моря и с юга до Черного моря мы должны ждать возможности, чтобы шаг за шагом продвигаться вперед и наконец овладеть ею, расширяя национальную территорию.

9. План открытия и расширения территории следует начать с Турции и Индии. Если сможете заполучить это место, то сможете стать самым могущественным правителем в мире. Однако, если вы хотите этого добиться, то необходимо сначала спровоцировать Турцию, или же создать конфликт с Персией, после чего не торопясь искать хитроумные способы для нанесения внезапного удара. Для начала мы должны построить торговые порты в [...] ³ и Балтийском морях, чтобы постепенно обрести выгоды и права, после чего ждать подходящей возможности захватить Персидский залив, что позволит постепенно ослабить Персию. В то же время следует вести торговлю в Индийском море. В Индии много серебра, если же удастся вести дела с Индией, то британское золото не будет стоить тех больших усилий, что нужно предпринять.

10. Путем переговоров должен быть заключен мир с Австрией. Затем следует тайно подстрекать Германию к развязыванию войны с Австрией, после чего Россия должна взять на себя инициативу и выступить за мирное решение конфликта, чтобы возглавить союз с двумя странами.

11. Следует тайно договориться с Австрией о выступлении против Турции. Если Австрия захочет единолично овладеть Константинополем ⁴, то следует подтолкнуть другие страны к конфликту с Австрией, таким образом они не смогут уследить за всем, что поможет нам добиться своих целей в турецком вопросе.

12. В первую очередь следует благосклонно относиться к жителям Греции и [...] ⁵. В том числе проявлять дружественность к Польше и к южным вассальным государствам Турции ⁶, чтобы люди там приветствовали и любили Россию, что для нас будет выгодно.

13. Для осуществления контроля над

³ Оригинальный текст: 由克前海

⁴ Оригинальный текст: 君博但丁. Скорее всего, Кан Ювэй имел в виду 君士但丁

⁵ Оригинальный текст: 洪葛犁人

⁶ Оригинальный текст: 并波兰南边土耳其属国等地方

Швецией, Польшей, Персией и другими великими державами следует выбрать между двух стран – Францию или Германию, остановив свой выбор на любой из них, заключить секретное соглашение о нападении на другую страну вместе с нами. Если же одна из них станет слабой, то страна, с которой мы сотрудничаем, может ее сдерживать. Если успешно осуществить это предприятие, то власть окажется в руках России.

14. Необходимо столкнуть Францию и Японию, завязать между ними конфликт. Предполагая, что не удастся их скомпрометировать и ни одна из стран не захочет сотрудничать с нами в этом деле, мы должны заранее подготовить сухопутную армию и флот. Артиллерийская техника должна быть наилучшего качества, корабли должны быть совершенными, нужно использовать все наши силы для штурма, чтобы другая сторона не смогла дать отпор. Таким образом одна страна будет побеждена, а другая страна не сможет действовать самостоятельно, тогда Европа будет вся русская, Россия будет непобедима во всем мире (Kang Yu-wei zhu et al., 2010: 337-339).

Литература

Лян Ци-чао. О закономерности смены монархии демократией // Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени / под. общ. ред. Н.Г. Сенина и Ян Хин-шуна. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 136. (a)

Лян Ци-чао. Общие рассуждения о реформах // Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени / под. общ. ред. Н.Г. Сенина и Ян Хин-шуна. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 148-152. (b)

Самойлов, Н.А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 107-114.

Тихвинский, С.Л. Избранные произведения. Кн. 1: История Китая до XX в.:

движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй. М.: Наука, 2006. 682 с.

Dong, Fangkui. The Constitutional Monarchy and Modernization: Kang Yu-wei's Perspectives on "Keeping the Emperor and the Royal System in China" // *Canadian Social Science*. 2014. No. 10 (2). P. 8.

康有为者, 姜义华, 张荣华编校. (2010). 日本变政考: 外二种. 北京.中国人民大学出版社, 337-339页Kang Yu-wei zhu; Jiang Yihua, Zhang Ronghua bianjiao. Riben bianzheng kao: waierzhong. Beijing, 2010. Zhongguo renmin daxue chubanshe. Pp. 337-339.

References

Dong, Fangkui (2014), "The Constitutional Monarchy and Modernization: Kang Yu-wei's Perspectives on "Keeping the Emperor and the Royal System in China"", *Canadian Social Science*, 10 (2), 8.

Ljan Ci-chao (1961a), "On the regularity of the replacement of monarchy by democracy", *Izbrannye proizvedeniya progressivnykh kitayskikh mysliteley novogo vremeni* [Selected works of progressive Chinese thinkers of modern times], in: Senin, N. G. and Jan Hin-shun (eds), Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, Russia, 136 (in Russ.).

Ljan Ci-chao (1961b), "General thoughts on reforms", *Izbrannye proizvedeniya progressivnykh kitayskikh mysliteley novogo vremeni* [Selected works of progressive Chinese thinkers of modern times], in: Senin, N. G. and Jan Hin-shun (eds), Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, Russia, 148-152 (in Russ.).

Samoylov, N. A. (2020), "The image of Peter the Great and the ideology of the reform movement in China at the end of the 19th century", *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 42 (4), 107-114 (in Russ.).

Tikhvinskiy, S. L. (2006), *Izbrannye proizvedeniya. Kn. 1: Istoriya Kitaya do XX v.: dvizhenie za reformy v Kitae v kontse XIX v. i Kan Yuvey* [Selected works. Book 1: The History of China before the 20th century: The reform movement in China at the end of the 19th century and Kang Yuwei], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

康有为者, 姜义华, 张荣华编校. (2010). 日本变政考: 外二种. 北京.中国人民大学出版社, 337-339页Kang Yu-wei zhu; Jiang Yihua, Zhang Ronghua bianjiao (2010), *Riben bianzheng*

kao: waierzhong [перевод на английский], Beijing, China Zhongguo renmin daxue chubanshe, 337-339 (in Chin.).

Приложение к статье

На сайте журнала Приложением к статье публикуются фотографии, сделанные автором статьи в доме-музее Кан Ювэя в г. Фошань, Китай. Фотографии не иллюстрируют текст статьи, это дополнение для большего эмоционального вовлечения читателя, а также для тех, кому интересна эта тема, но нет возможности лично побывать в музее.

Рис. 1. Карта раздела Китая иностранными державами в конце XIX в. / Fig. 1. Map of the division of China by foreign powers at the end of the 19th century.

Рис. 2. Карикатура «Положение на настоящий момент». Лев обозначает Британскую империю, медведь – Российскую империю, лягушка – Францию, солнце – Японию, кишки – Германию, орёл – Америку, заяц – Италию. / Fig. 2. Caricature «Situation figure» China faced to the powers division. Dog indicates the United Kingdom, bear – Russia, frog – France, sun – Japan, intestine – Germany, eagle – United States.

Рис. 3. Основные участники движения «Сто дней реформ»: справа – император Гуансюй Цзай Тянь, слева первое фото – ученик Кан Ювэя и секретарь «Ассоциации усиления государства» Лян Цичао, слева второе фото – Кан Ювэй. Посередине представлены фотографии текстов меморандумов, написанные Кан Ювэем. / Fig. 3. The main participants in Reform movement 1898: on the right is Emperor Guangxu, on the left the first photo is Kang Yu-wei's student Liang Qichao, on the left the second photo is Kang Yu-wei. In the middle are memorandum texts written by Kang Yu-wei.

Рис. 4. Фотография Вэн Тунхэ, наставника императора Цзай Тяня. Активно поддерживал и продвигал участников «Ассоциации усиления государства». / Fig. 4. Photo of Wen Tonghe, Emperor Zai Tian's mentor. Actively supported and promoted members of the «Qiangxuehui» Association.

Рис. 5. Основные участники реформаторского движения: Тань Сытун, Лю Гуанди, Ян Жуй, Кан Юбо (брат Кан Ювэя), Линь Сюй и Ян Шэньсю. Их еще называют

«Шесть благородных мужей у-суй» (кит. 戊戌六君子 *wuxu liu junzi*). / Fig. 5. The main participants in the reform movement: Tan Sitong, Liu Guangdi, Yang Rui, Kang Yubo (Kang Yu-wei's brother), Lin Xu and Yang Shenxiu. They are also called the “Six Gentleman of Wu-xu”

Рис. 6. «Первый шаг на пути к реформам» – фото меморандума, после которого император согласился на сотрудничество с реформаторами. / Fig. 6. Photo of the memorandum, after which the emperor agreed to cooperate with the reformers.

Рис. 7. Картина повествует о заключении под стражу «Шести благородных мужей у-суй». Движение за реформы закончилось неудачей, основные участники движения за реформы были казнены. После этого события Кан Ювэю, тоже приговоренному к смерти, пришлось бежать за границу, где он провел в скитаниях 16 лет. / Fig. 7. Six Gentleman Martyrs of the Reform Movement of 1898 in prison. They were executed. Kang Yu-wei was forced to flee abroad, where he spent 16 years.

All photographs were taken by the author of the article at the Kang Yu-wei House Museum in Foshan, China.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Макарова Елизавета Юрьевна, магистр философии, преподаватель института иностранных языков, кафедра западных языков, Ляонинский университет международной торговли и экономики, ул. Шунле, д. 35, зона экономического развития Льюйшунь, Далянь, 116045, провинция Ляонин, КНР. makarova9liza@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Elizaveta Yu. Makarova, Master of Philosophy, Lecturer at the Institute of Foreign Languages, Department of Western Languages, Liaoning University of International Business and Economics, 35 Shunle St., Lushun Economic Development Zone, Dalian City, 116045, Liaoning Province, China; makarova9liza@yandex.ru

УДК 86.372.23-574.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-1

Агафонов И. С.¹,
Нагибина Н. П.²

Житие святого Трифона Вятского как исторический источник сведений о Перми Великой XVI-XVII веков

¹ Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; ilya.agafonov.2016@inbox.ru

² Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; nadya12354@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются работы исследователей, в сфере интересов которых находится жизнеописание русского святого, преподобного Трифона Вятского – монаха Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря, отшельника, основателя Успенского мужского монастыря на реке Чусовой и трех монастырей на реке Вятке. Особое внимание уделяется анализу и интерпретации особенностей этнической истории и миграционных процессов, протекавших на территории Прикамья в XVI-XVII веках, в их соотношении с агиографическими сочинениями о Трифоне Вятском, служащими источниками исторических сведений; среди таких сочинений ведущее место занимает житие преподобного, написанное неизвестным монахом Вятского Трифонова монастыря. Авторы на основе содержания жития святого и других письменных источников освещают его просветительскую деятельность в пермских вотчинах солепромышленников Строгановых, прослеживают стремление Трифона осуществить своим просветительским паломничеством на пермских землях идеал богоугодного существования. Полученные результаты исследования текстов жития Трифона Вятского могут представлять интерес в изучении, анализе и сопоставлении различных исторических этапов становления Перми Великой в составе Русского государства.

Ключевые слова: житие Трифона Вятского; Вятский край; историография Перми Великой; Чердынский Иоанно-Богословский монастырь; Пыскорский мужской монастырь; Пермская епархия; историографические исследования

Для цитирования: Агафонов И. С., Нагибина Н. П. Житие святого Трифона Вятского как исторический источник сведений о Перми Великой XVI–XVII веков // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 129-139. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-1

I. S. Agafonov¹,
N. P. Nagibina²

The Life of Saint Tryphon of Vyatka as a historical source of information about Perm the Great in the XVI-XVII centuries

¹ Perm State Institute of Culture,
18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation;
ilya.agafonov.2016@inbox.ru

²Perm State Institute of Culture,
18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation;
nadya12354@yandex.ru

Abstract. The article deals with the works of researchers, whose sphere of interest is the biography of the Russian saint, the Monk Tryphon of Vyatka – a monk of the Pyskor Spaso-Preobrazhensky Monastery, a hermit, the founder of the Dormition Monastery on the Chusovaya River and three monasteries on the Vyatka River. Special attention is paid to the analysis and interpretation of the peculiarities of ethnic history and migration processes that took place in the territory of the Kama region in the 16-17th centuries with hagiographic works about Trifon of Vyatka, among which the leading place is occupied by the hagiography of the saint, written by an unknown monk of the Vyatka Trifon Monastery. Based on the saint's hagiography and other written sources, the authors describe his enlightenment activities in the Perm fiefdoms of the Stroganov salt producers, and trace Tryphon's desire to fulfil the ideal of a God-pleasing existence through his enlightenment pilgrimage in the Perm lands. The obtained results of the study of the texts of the hagiography of Tryphon of Vyatka may be of interest in the study, analysis and comparison of various historical stages of the formation of Perm the Great within the Russian state.

Keywords: hagiography of Trifon of Vyatka; Vyatka region; historiography of Perm the Great; Cherdynsky St. John the Theologian Monastery; Pyskorsky Monastery; Perm diocese; historiographical research

For citation: Agafonov I. S., Nagibina N. P. (2024), “The Life of Saint Tryphon of Vyatka as a historical source of information about Perm the Great in the XVI-XVII centuries”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 129-139, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-1

В ряду исторических источников об истории Перми Великой заслуживающим внимания исследователей является житие святого Трифона Вятского. Данный документ представлен в нескольких списках, различающихся как по времени составления, так и по содержательным особенностям. Житие святого Трифона Вятского было издано попечителем Казанского учебного округа, Петром Дмитриевичем Шестаковым в 1868 году в журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник». При подготовке данной публикации П.Д. Шестаков пользовался пятью списками жития. Древнейший из списков относится к концу XVII века и принадлежит Николаю Ивановичу Золотницкому; однако сам автор отмечает, что, несмотря на свою историческую

ценность, он имеет большое количество существенных пропусков в биографии святого. Другой список был доставлен П.Д. Шестакову из Пинежского уезда Архангельской губернии, являющегося родиной святого. Он был написан в 1800 году в форме полуустава и является наиболее полным и точным. Третий список, созданный в 1849 году, доставлен из города Вятки, два другие документа – из Перми (Емельянов, 1910: 14).

По мнению П.Д. Шестакова, все перечисленные документы, исключая материал Н.И. Золотницкого, принадлежат авторству неизвестного монаха Вятского Трифонова монастыря, который лично знал преподобного при жизни. Составителем списка Н.И. Золотницкого считается раскольник, живший уже после смерти

святого и использующий другие подходы в изложении фактов из его жизни.

Таким образом, последняя редакция жития святого Трифона хоть и известна в более древнем списке от XVII века, но она менее ценна в научном плане. В Пинежском списке имеется рисованный образ святого, в котором он изображается с открытой головой, в иноческой мантии и епитрахили, с благословляющей десницею и свитком в левой руке. Над образом размещается надпись: «Святой преподобный Трифон, первый архимандрит Вятского Успенского монастыря и основатель его. Лета от сотворения мира 7008, от Рождества Христова 1580» (Емельянов, 1910: 15). Данная надпись подтверждает вятское происхождение первоначальной редакции жития святого Трифона Вятского.

Необходимо отметить, что в тексте жития нет точных хронологических данных о времени пребывания святого Трифона в Перми Великой, но со времени вхождения его в пределы территорий Вятского края в 1580 году начинается точная хронология событий. В 14 главе жития отмечено, что святой Трифон прожил на реке Чусовой 9 лет, после чего в 16 главе описано следующее: «...летом 7008 года месяца генваря в 18 день приедет преподобный отец наш Трифон в начале в Слободской град, и тут мало дней пробыв, оттуда дойдет и до Хлынова града» (Житие преподобного..., 1868: 101).

На основании этих дат, а также даты основания Пыскорского монастыря (1558–1560-е) и Орла-городка (1564 г.) П.Д. Шестаков полагает, что святой Трифон родился около 1543 года. В 1565 году был пострижен в монахи в Пыскорском монастыре, в котором прожил 6 лет, 9 лет – на реке Чусовой и 33 года – в Вятском крае, где скончался в 1613 году в возрасте 71 года. Время смерти преподобного точно обозначено в конце 27 главы жития: «И тако преставися в вечную жизнь в лето 1721 месяца октября в 8-1 день» (Попов, 1879: 243). Так как в то время летоисчисление было сентябрьское, а

не январское, что П.Д. Шестаков упустил из виду, что годом смерти Трифона Вятского необходимо считать 1612 год. По этой же причине является неверным хронологическое описание издателя полной версии жития святого (Подосенов, 1868: 508).

На основании жития преподобного Трифона Вятского священник С.Н. Подосенов в 1868 году подготовил статью «Преподобный Трифон на берегах Камы и Чусовой», которая была напечатана в «Пермских епархиальных ведомостях» (Подосенов, 1868: 18). Публикация повторяет аналогичные по сравнению с предыдущим материалом хронологические ошибки; в статье приводится незначительное сообщение о его жизни и миссионерской деятельности. Не имеет большого исторического значения и заметка о преподобном Трифоне, написанная протоиереем Евгением Поповым, опубликованная в книге «Великопермская и Пермская епархия», по причине дублирования материала из первоисточника. Необходимо отметить и заметки о святом Трифоне Вятском, опубликованные В.Н. Шишонко в книге «Пермская летопись» (Шишонко, 1885: 576). Ученый отмечает, что вятские историки, занимающиеся жизнеописанием святого Трифона Вятского, не в полной мере проработали пермский период его жизни: «Им не доставало ближайшего знакомства с теми местами и условиями, среди которых подвизался преподобный Трифон в Перми Великой» (Шишонко, 1885: 438). Далее сопоставим свидетельства жития с материалами имеющихся на сегодняшний день источников по истории Перми Великой.

Святой Трифон Вятский, в миру Трофим, родился в семье земледельцев Дмитрия и Пелагеи. Его родиной считается село Малонемнюжское (Малая Немнюга) Пинежского уезда Архангельской губернии, ныне Архангельской области. В прошлом село Малонемнюжское носило название Кевроль и имело статус уездного

города. Рядом с городом протекала река Немнюга – приток реки Пинеги. В XVI-XVII веках вокруг города располагались зырянские поселения, с представителями которых с ранних лет контактировал Трифон. Это обстоятельство объясняет приверженность святого к зырянам и родственным им коми-пермякам (Лыкова, 2023: 228-230).

Лишившись в раннем возрасте отца, будущий святой Трифон еще подростком тайно оставляет дом матери и братьев и уезжает с обозом в Великий Устюг, а потом в волость Шомоксу, где также проживали зыряне. «Оставляя свое отечество, проходя грады и веси и по пустыням скитаясь в последней нищете, и евангельски странствуя Христа ради аки един от убогих, ища полезное место ко спасению души своей» (Лыкова, 2023: 218). Целеустремленность в характере Трифона будет присуща ему и в дальнейшем: встречая вокруг себя соблазн, он идет все дальше на юго-восток, вступает в пределы Перми Великой и доходит до известного Орла-городка на реке Каме, который был вотчиной династии Строгановых. С этого времени судьба святого Трифона надолго связывается со Строгановыми, владения которых он покидает лишь на короткое время.

Прибытие святого Трифона в Орел-городок дает возможность определить время этого события. Орел-городок, первоначально именовавшийся Кергенданом, основан Григорием Аникиевичем Строгановым 2 января 1564 года по распоряжению Ивана Грозного: «И придет в Пермь Великую, в Строгановых городок, рекомый Орлов, говорить жизнеописатель, и ту живяше блаженный, странствуя нищетою годищное время, пребывая у церкви Божия» (Житие преподобного..., 1868: 83). Отсюда следует, что прибытие святого Трифона в Пермь Великую не могло произойти ранее 1565 года, когда в Орле была уже построена церковь. Вслед за приведенными словами житие повествует о низвержении святого

Трифона со Слудской горы в реку Кама, из чего следует, что слова «странствуя нищетою годищное время» нужно понимать как частые переходы преподобного из одного селения в другое в течение года и возвращение в Орел-городок. Во время одного из таких странствий он побывал в селении Слудка, расположенном на берегу Камы в имениях Строгановых. Придя к воротам Слудки, Трифон не получил ожидаемого радушного приема рабочих Строгановых и был скинут «в подгорие к реке», однако он остался невредимым и на второй день после этого инцидента Трифон вернулся в Орел-городок, жители которого уже знали о произошедшем. Явившись в местный храм к утрени, святой Трифон участвует в богослужении, во время которого в храм входит Яков Строганов и обращает на него свое внимание. По окончании службы и ухода людей, Яков удерживает святого и призывает его молиться за него и единственного сына Максима. По имеющимся данным, это событие произошло в 1566 году (Шестова, 2022: 251).

Упоминаемые в житии Яков Аникиевич Строганов и его сын действительно жили в то время не на Чусовой, а в Орле-городке, грамоту на строительство которого Яков Строганов получил только 25 марта 1568 года. У Якова Аникиевича действительно было много детей: Максим, Дмитрий, Иван, Моисей, Анна и Феодосия, но кроме Максима они «все изомроша» (Шестова, 2022: 254).

Из Орла-городка в том же 1566 году Трифон Вятский отправился в Зырянский край, где имя его также имело известность. Его призвал к себе приказной Максим Федорович, житель села Никольского, располагавшегося на берегу реки Виляди, севернее города Сольвычегодска, резиденции Строгановых. Можно предположить, что Максим Федорович был приказным человеком Строгановых, от которых он мог слышать о чудотворных

способностях Трифона, именно поэтому и призвал его к себе для исцеления болезни своего сына Тимофея. Когда преподобный прибыл в село Никольское, Максима не оказалось дома, его встретила жена Иулиания. Совершив исцеление, святой Трифон, «не хотя, услышав славы от человека» отправился обратно в Пермь Великую. И «отшед оттуда на реку, глаголемую Кама, в монастырь всемилостивого Спаса, нарекаемый Пыскормсим» (Шестова, 2022: 251). В это время он все еще был мирянином Трофимом. Прожив в Пыскорском монастыре некоторое время, он стал просить настоятеля иеромонаха Варлаама о пострижении в иноческий чин. Варлаам согласился постричь его: «Имя же ему нарекоша Трифон, святой от рождения двадесяти двою лету, егда приятия святой ангельский образ» (Слюнков, 2012: 2).

Прибытие святого Трифона в Пыскор и его пострижение в инок не могло произойти ранее 1568 года ввиду указанных выше обстоятельств его жизни. Святой Трифон никак не ранее конца 1566 – конца 1567 года предпринял путешествие по реке Виледь в Зырянский край, после чего некоторое время провел в Пыскоре для приготовления к принятию иночества – все это потребовало не менее года. Таким образом, если считать 1568 год датой пострижения святого Трифона, то годом рождения его необходимо считать 1546 год.

Остановимся подробнее на личности иеромонаха Варлаама, который постриг в монахи послушника святого Трифона. Житие называет его «мужем благочестивым, иже б начальник месту тому и создатель обители той» (Житие преподобного..., 1868: 134). Иеромонаху Варлааму было даровано от Якова Григорьевича и Семена Аникиевича Строгановых «поступное письмо» от 2 марта 1570 года на земли около Канкора, являющееся древнейшим документом Пыскорского монастыря. Полный текст

этого документа был напечатан в I выпуске «Пермской старины» за 1889 год.

Священник Ипполит Словцов при написании заметки об иерархах и настоятелях Пыскорского монастыря во II выпуске «Пермской старины» за 1869 год, называет иеромонаха Варлаама вторым игуменом Пыскорского монастыря (Михалюк, 2007: 265). В свою очередь, священник Словцов считает его первым игуменом на основании материалов заметки писцовой книги Михаила Кайсарова: «А продал те чертежи в монастырь на Пыскоре старцу Селуяну с братию Гриша Михайлов сын Подобольшкова в 7076 году» (Шишонко, 1885: 309). Полный текст писцовой книги М. Кайсарова опубликован в приложении к IV выпуску «Пермской старины» за 1869 год. На основании содержания жития и других архивных источников иеромонаха Варлаама следует считать создателем Пыскорского монастыря. Если отнести его назначение в Пыскор к 1558 году, когда Строгановы впервые приступили к укреплению Канкора и церкви, которая послужила основанием для строительства монастыря, то правление первого настоятеля Пыскорского монастыря продолжилось 19 лет – до 1577 года, так как в следующем году писцовая книга М. Кайсарова указывает на личность второго настоятеля Пыскора – Силуана. Однако определить точное время игуменства Варлаама сегодня не представляется возможным (Агафонов, 2024: 110).

Неизвестно, по какой причине, но в 1578 году Варлаам оставил Пыскорский монастырь и стал игуменом древнейшего из монастырей Перми Великой – Чердынского Иоанно-Богословского монастыря. Достоверно можно сказать, что в 1580 году Варлаам еще жил в Чердыни. В этом же году святой Трифон, закончив свою духовно-просветительскую деятельность в Перми Великой, вынужден перебраться через Чердынь и Кай-город

обратно в город Слободской на Вятку: «И приидя преподобный во град Чердынь, во обитель святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, ко отцу своему духовному преждереченному иеромонаху Варлааму и ту собеседнику ему бысть» (Житие преподобного..., 1868: 115).

Как хороший хозяин и опытный настоятель иеромонах Варлаам и для Чердынского монастыря исходатайствовал весьма важную царскую грамоту от 10 августа 1580 года «О неприкосновенности монастырских владений Чердынского Иоанно-Богословского монастыря». Священник Строев на основании этой грамоты считает годом начала правления Варлаама в Чердыни 1580-й, а уже с ноября 1585 года игуменом монастыря становится, по его мнению, Антоний. Остаются под вопросом и предположения о причастности игумена Варлаама к основанию Плесской пустыни Живоначальной Троицы вблизи Кайгорода в Чердынском уезде Пермской губернии. Опираясь на приведенные выше материалы о личности Варлаама, мы видим, насколько важны в этом отношении тексты жития Трифона Вятского (Агафонов, 2024: 111).

Вернемся к личности преподобного Трифона Вятского. Мы остановились на моменте его вступления в число иноков Пыскорского монастыря. Более двух лет он трудился здесь в «черных работах», «всеми любимый и удивительный». Он безропотно работал до изнеможения и как-то 40 дней пролежал в тяжелом состоянии от болезни. Явившиеся к нему во сне Ангел и великий святитель Николай «в той болезни бывшему преподобному во изступлении» избавили его от телесной немощи и поселили в нем духовную радость. В этом состоянии духа преподобный совершает новые чудеса исцеления: сначала он исцеляет бесноватую дочь некоего Симеона, жившего в деревне Зырянка Усольского уезда; после чего он исцеляет двухлетнего сына местного жителя Исидора, жившего в монастырской слободе. «И оттоль

прохождаше слава о преподобном... и мнози человецы начаша приходить к нему пользы ради духовной. Живше в монастыре, завистию диаволею разжигаемые, негодовали на преподобного и некия хулы глаголаху. Обычай бо лукавым человеком есть не токмо самим не творити доброе, но и другим в добродетелях злохитроством запинати»: завистливые нападки братии монастыря и в особенности дьяка Василия вынудили святого Трифона, при всей его незлобivosti и кротости, покинуть дорогу для него обитель: «Обычай-бо бе ему от места на место переходити, понеже бо добродетельное свое житие от всех таяше». «И тако помолился преподобный Богу со слезами и иыде из обители и обрете у реки Камы судно мало и седе ту, пловяше вниз реки. И отплыл от того монастыря 150 поприщ и достиже реки, яже глаголется Мулы Нижние, и ту бысть пустыня прекрасна». По всем имеющимся данным, приезд святого Трифона Вятского в Нижние Мулы произошел в июле 1570 года. С этого события начинается миссионерская деятельность преподобного в Перми Великой (Житие преподобного..., 1868: 120).

Двухлетнее миссионерство преподобного Трифона на территории нынешнего города Пермь является весьма любопытной страницей в истории Перми Великой. VII-VIII главы жития святого раскрывают исторические моменты, которые не отражены ни в одном из других имеющихся письменных источников: писцовых книгах, грамотах и т. п. По материалам жизнеописания святого мы можем рассмотреть своеобразный культ язычников-остяков и увидеть их отношение к русскому населению, тогда еще новым переселенцам. Рассмотрим «пермский этап» жизни святого Трифона, описанный неизвестным автором жития.

Ниже современной Перми на левом берегу Камы в реку впадают две мелкие реки – Верхняя и Нижняя Муллянки, называемые в народе Кайсаровыми

Муловками. В XVI веке на их берегах возникают два татарских поселения – Верхние и Нижние Муллы – ныне это село в Пермском крае и микрорайон города Перми. Из документа, взятого из дела Пермского уездного суда от 29 марта 1794 года «О прошении башкир деревень Кояново и Култаево по спору о землях княгини Голицыной», известно, что после покорения Иваном Грозным Казани здесь жили татарские князья Уракъ-бей Маметкулов – на Верхней Муллянке, а его младший брат Уракъ-Бей Сиюндюк бей Маметкулов – на Нижней, а отец их Маметкул был муллою, отсюда и произошло название речек и поселений, образовавшихся на их берегах (Корчагин, 2021: 43).

Местное татарское население платило Русскому государству ясак – по кунце с юрты – который потом отвозили на лыжах в город Чердынь. В ближайшем соседстве с татарами-магометанами жил еще более древний народ – остяки-язычники. Русского населения тут было мало.

Эти территории должны были перейти во владение Строгановых, однако представители промышленной династии не проявляли большого интереса к старинным поселенцам. Они ограничивались торговыми отношениями, посылая приказчиков, живших в Сылвенском острожке – ближайшем к Перми укрепленном пункте их владений. Люди Строгановых постепенно осваивали и колонизировали эти земли и вытесняли их коренных обитателей. После ухода святого Трифона с пермских земель, наплыв их усилился, а в начале XVII века началась массовая колонизация. Строгановы прежде всего старались населить земли, расположенные выше по Каме и по Чусовой. Освоение и эксплуатация неистощимых соляных залежей этих мест было главной целью деятельности Строгановых в Прикамье (Житие преподобного..., 1868: 91).

С древнейших времен управление над остяками-язычниками, проживающими на

территории Перми Великой, осуществлялось князьями. Речки Муллянки до появления татар на их берегах носили другие угорские названия. В отдаленной древности угорские поселения, без сомнения, простирались гораздо далее на запад и юг, но в начале XVI века остяки в значительном количестве жили только в бассейне реки Сылвы, левого притока реки Чусовой, в то время как на Нижней Муллянке сохранились только отдельные их колонии. На этих реках они успели смешаться с татарами, и многие из них настолько ассимилировались с татарским населением, что, по письменным источникам XVI века, было трудно различить эти две народности, несмотря на их разное племенное происхождение. Хотя святой прибыл на Муллянку исключительно с целью проповеди среди местного языческого населения, его житие, тем не менее, освещает и различные аспекты быта остяков. На основании приводимых в житии сведений, быт муллинских остяков во второй половине XVI века можно представить следующим образом (Корчагин, 2021: 39).

Во главе муллинских остяков стоял начальник, или старейшина, называемый зевендук. Под его руководством состояло не менее 70 человек, с которыми он приходил к святому Трифону на проповеди. В свою очередь зевендук со своим племенем был в подчинении у остяцкого князя Амбала, жившего на реке Сылве, где было главное сосредоточение остяцкого населения. Отсюда ясно, что муллинские остяки являлись лишь небольшой колонией сылвенских. По материалам писцовых книг М. Кайсарова, главным остяцким поселением на Сылве был Рожин улус, располагавшийся выше нынешнего села Серга Пермского края. Улус располагался рядом с Сылвенским острожком Строгановых, который ныне является селом Троицким в Пермском крае. В этом главном улусе, расположенном у самой южной границы тогдашней Перми Великой, и имел, вероятно, свою

резиденцию остяцкий князь Амбал – глава всех сылвенских и муллинских остяков (Михалюк, 2007: 124).

Занятия живших по Мулल्याкам татар и остяков были одинаковыми: охота, пчеловодство, рыболовство и отчасти земледелие. В «Кунгурских писцовых книгах татар», изданных В.Н. Шишонко, отмечается, что татарские князья, жившие на обоих берегах рек Мулल्याнок, до принятия русского подданства имели привычку «кочевать на этих реках для звериного промысла», а во время вхождения в подданство ясак платили куницами. Жили муллинские татары отдельными семьями, или юртами, которые назывались по имени старшего члена семьи. Каждая семья имела свой участок пашенной земли рядом с самой юртой. Из текста «Кунгурских татарских писцовых книг» М. Кайсарова мы можем во всех подробностях выявить особенности хозяйства сылвенских и иренских татар и остяков. Несмотря на значительное расширение русской колонизации и на то, что писцовые книги были составлены на полстолетия позже пребывания святого Трифона среди пермских остяков, основные формы быта коренного населения этих мест не могли претерпеть существенных изменений (Лыкова, 2023: 219).

Из книг М. Кайсарова видно, что у каждой юрты сылвенских и шаквинских остяков размещалась особая «пашня паханая», а объединение нескольких юрт имело свои бортные угодья и бобровые гоны, угодья для рыбной ловли и охоты. Государев ясак все остяки платили исключительно куницами. В XVI веке хвойные леса покрывали густым слоем берега Камы и ее притоков, вследствие чего преобладающим занятием местных аборигенов-инородцев была охота, пчеловодство и рыболовство, а не земледелие, для занятия которым прикамские лесные угодья не были пригодны. Еще в XVIII веке прикамские леса славились своим пушным богатством.

В тексте жития описывается место, где святой поселился: «Бяху же ту дресеса велики и многоветвенны» (Житие преподобного..., 1868: 104). Отметим, что многие из племен инородцев, таких как ханты и манси, древних народов, населяющих уральские и сибирские леса, и сегодня живут так же, как жили остяки в Перми Великой во времена Трифона Вятского. Продукты охоты и рыболовства – мясо и меха – остяки продавали русскому населению. Определенное количество куниц ежегодно шло в качестве ясака как обязательная подать (Лыкова, 2023: 217).

Еще одним моментом столкновения святого Трифона с остяками стала вырубка им заповедного дерева остяков. Это событие побудило явиться к Трифону самого князя Амбала со множеством остяков. На обратном пути из Нижней Мулल्याнки в свой улус на Сылве князь Амбал и его спутники остановились в Сылвенском острожке Строгановых, чтобы посоветоваться с русскими, как поступить с Трифоном. Здесь за преподобного вступились «того града прикащик, именем Иоанн» и «в то же время прилучися быти в граде том Строгановых прикащику, именуему Третьяку Моисееву, с тем же Иоанном» (Попов, 1879: 228). Все это свидетельствует, что в те времена муллинские и сылвенские остяки имели торговые отношения со Строгановыми, которыми они дорожили (Попов, 1879: 343).

Это важное в научном плане свидетельство доказывает, что прикамское «идоложертвенное древо» пользовалось большим почитанием среди всех остяков, вогулов и других инородцев Перми Великой: «Бе бо ту их агарян и многих язык идольское жертвище и от всех стран и рек с Печеры и с Сылвы, и с Обвы и с Тулвы князи их: остяцкий Амбал, вогульский Бебьяк и иные мнози языци со всеми своими улусы, остяки и вогуличи едино место почитавши» (Житие преподобного..., 1868: 127-128). Приведенные выше данные обозначают район распространения

остяков и вогулов в Перми Великой в XVI веке. Подробные границы их поселений, граничащих с Пермью Великой, рассмотрены в I выпуске «Пермской старины» за 1868 год (Смышляев, 1876: 240).

Именно такими были отношения пермских остяков к русским, в частности к Строгановым, во времена Трифона Вятского. Чем же, однако, объяснить, что на Нижней Муллянке колония остяков просуществовала сравнительно долгое время по сравнению с ближайшими татарскими и русскими поселениями? Мог ли князь Амбал поддержать ее существование? Устойчивость колонии остяков перед русской колонизацией объясняется прежде всего существованием в тех местах до конца XVI века языческого капища. Оно находилось рядом с нынешней деревней Гляденово в Оханском городском округе Пермского края, расположенной рядом с местом впадения в Нижнюю Муллянку речки Юрчим. Между деревней Гляденово и Нижними Муллами располагается возвышенность, называемая местными жителями «городок». С южной и западной стороны этой горы заметны остатки валов и сопровождающих их рвов, а за наружным валом с южной стороны местные жители указывают на костыще. М. Кайсаров указывает, что именно в этих местах располагалось остяцкое городище. По всем историческим и источникам, и преданиям остяцкого народа, на территории этого городища стояло заповедное дерево остяков, срубленное преподобным Трифоном (Шишонко, 1885: 653).

Приведем описание заповедного дерева остяков, отраженное в «Пермской старине»: «С Камы видна была плывущим эта исполинская ель – бе бо величайши прочих древес, толстота бо бяше его кругом полтрети сажени, а в ветвие его в длину по четыре сажени» (Смышляев, 1876: 154). Подобное описание о остяцкого городища можно найти в тексте жития: «...яко же бо нецыи людие, глаголя Великая Пермь,

града Чердыни, плывя рекою Камою, мимо того диавольского жилища и на их нечестивою жертвище смотряху» (Житие преподобного..., 1868: 73).

На основании всех данных, представленных довольно обширным кругом источников о Перми Великой XVI века, отобранных Д.Д. Смышляевым, и данных, которые представлены в житии святого Трифона Вятского, можно прийти к заключению, что житие преподобного – уникальный памятник русской агиографии и ценный документальный источник для изучения истории Прикамья и Вятского края на рубеже XVI-XVII веков.

Источники

Житие преподобного отца нашего Трифона, вятского чудотворца: Памятник рус. духов. письменности XVII в. / [публ. и предисл. П. Шестакова]. Казань: Унив. тип., 1868. 160 с.

Михалюк, В.М. Пермская шкатулка: Пермь и Пермский край в судьбе России. Пермь: [б.и.], 2007. 318 с.

Попов, Е.А. Великопермская и Пермская епархия: пятисотлетие проповеди св. Стефана Пермского, почти столетие Перми и почти трехсотлетие Сибири / [соч.] протоиерея Евгения Попова, почет. чл. С.-Петербур. дух. акад. Пермь: Типогр. Никифоровой, 1879. 353 с.

Слюнков, Н. Жизнь и подвиг преподобного Трифона в Пермском крае и назначение его для Перми // Скит прп. Трифона Вятского, с. Пыскор. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://pyskor.cerkov.ru/zhitie-prepodobnogo-trifona-vyatskogo-archimandrita/> (дата обращения: 14.01.2023).

Смышляев, Д.Д. Источники и пособия для изучения Пермского края: материалы для Указателя книг и статей, заключающих в себе сведения о Пермской губернии / собр. Д. Смышляевым. Пермь: типогр. Губерн. зем. управы, 1876. 278 с.

Шестаков, И.В. Вятская лепта: (памятка о преподобном Трифоне Вятском чудотворце и о его великих деяниях в Прикамском крае) / юбилейное изд. свящ. Иакова Шестакова. Москва: [Изд. автора], 1912. 8 с.

Шишонко, В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Период 5. Ч. 1. С 1682–1725 гг. / сост. чл. разных учен. о-в, дир. нар. уч-щ Перм.

губ. Василий Шишонко. Пермь: тип. Губ. зем. управы, 1885. 680 с.

Литература

Агафонов, И.С., Нагибина, Н.П. История Чердыни и Чердынского уезда Пермской губернии по материалам этнографических очерков и рассказов XIX–XX веков // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 105-119. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-9.

Емельянов, В. О необходимости изучения Вятского края в археологическом отношении // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1910. Вып. II-III. С. 1-17.

Корчагин, П.А. Кама и ее притоки в Перми: вербальная локация // Река Кама в исторических судьбах города Перми: мат-лы Всеросс. междисциплин. науч.-практич. конф, Пермь, 11 ноября 2021 г. / редколл.: Г.А. Янковская, А.А. Маткин. Пермь: Изд-во Е.Г. Трегубовой, 2021. С. 37-52.

Лыкова, Л.А., Мошанский, А.Б. Духовный предтеча горнозаводской цивилизации // Реформы Императора Петра I. Историческое наследие и современность. К 350-летию со дня рождения Императора Петра Великого: Мат-лы науч.-исслед. форума (г. Калининград, 3 июня 2022 г.; г. Пермь, 13-14 июня 2022 г.; г. Казань, 22 июля 2022 г.) / под ред. А.В. Громовой, С.В. Неганова. Пермь: Уральский рабочий, 2023. С. 211-231.

Подосенов, С.Н. Преподобный Трифон на берегах Камы и Чусовой // Пермские епархиальные ведомости. 1868. № 29. С. 502-510. № 30 С. 513-522.

Шестова, Т.Ю. Известие о Строгановых в «Трудах Пермской учёной архивной комиссии» // Осмысляя региональное: российский регион XVI–XXI веков в фокусе междисциплинарных исследований: Мат-лы всеросс. науч. конф. (чтений памяти А.В. Камкина), Вологда, 31 марта – 1 апреля 2022 г. / под ред. А.В. Всеволодова. Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2022. С. 246-254.

Sources

Mikhalyuk, V. M. (2007), *Permskaya shkatulka: Perm i Permskiy kray v sudbe Rossii* [Perm Box: Perm and Perm Region in the Fate of Russia], Perm, Russia (in Russ.).

Popov, E. A. (1878), *Velikopermskaya i Permskaya yeparkhiya: pyatisotletiyе propovedi*

sv. Stefana Permskogo, pochti stoletiyе Permi i pochti trekhsotletiyе Sibiri [Great Perm and Perm diocese: five hundred years of preaching of St. Stephan of Perm, almost a century of Perm and almost three hundred years of Siberia], Printing House Nikiforova, Perm, Russia (in Russ.).

Shestakov, I. V. (1912), *Vyatskaya leptа: (pamyatka o prepodobnom Trifone Vyatskom chudotvortse i o yego velikikh deyaniyakh v Prikamskom kraye)* [Vyatka mite: (memo about the Monk Trifon Vyatsky wonderworker and about his great deeds in the Kama region)], Moscow, Russia (in Russ.).

Shishonko, V. N. (1885), *Permskaya letopis s 1263–1881 g. Period 5. Ch. 1. S 1682–1725 gg.* [Perm annals from 1263-1881. Period 5. Part 1. From 1682-1725], Printing House of the Provincial Zemstvo Council, Perm, Russia (in Russ.).

Slyunkov, N. (2012), “Life and exploits of the Monk Tryphon in the Perm region and his appointment for Perm”, *Skit prp. Trifona Vyatskogo, s. Pyskor* [Skete of the Monk Tryphon of Vyatka, vill. Pyskor] [Online], available at: <https://pyskor.cerkov.ru/zhitie-prepodobnogo-trifona-vyatskogo-arximandrita/> (Accessed 14.01.2023) (in Russ.).

Smyshlyaev, D. D. (1876), *Istochniki i posobiya dlya izucheniya Permskogo kraya: materialy dlya Ukazatelya knig i statey, zaklyuchayushchikh v sebe svedeniya o Permskoy gubernii* [Sources and aids for the study of the Perm region : materials for the Index of books and articles containing information about the Perm province], Printing House of the Provincial Zemstvo Council, Perm, Russia (in Russ.).

Zhitiye prepodobnogo ottsа nashego Trifona, vyatskogo chudotvortsa: Pamyatnik russkoy dukhovnoy pis'mennosti XVII v. (1868) [The Life of our Venerable Father Trifon, Vyatka wonderworker: A monument of Russian spiritual writing of the 17th century] / [edited and prefaced by P. Shestakov], University Printing House, Kazan, Russia (in Russ.).

References

Agafonov, I. S. and Nagibina, N. P. (2024), “History of Cherdyn and Cherdynsky district of Perm province based on ethnographic essays and stories of the 19th-20th centuries”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 105-119 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-9.

Korchagin, P. A. (2021), “Kama and its tributaries in Perm: verbal location”, *Reka Kama v*

istoricheskikh sud'bach goroda Permi: Perm, 11 noyabrya 2021 g. [The Kama River in the historical destinies of the city of Perm: Perm, November 11, 2021], in Yankovskaya, G. A. and Matkin, A. A. (eds), Publishing House of E. G. Tregubova, Perm, Russia, 37-52 (in Russ.).

Lykova, L. A. and Moshchansky, A. B. (2023), "Spiritual forerunner of the mining civilization", *Reformy Imperatora Petra I. Istoricheskoye naslediyе i sovremennost'. K 350-letiyu so dnya rozhdeniya Imperatora Petra Velikogo: Materialy nauchno-issledovatel'skogo foruma* [Reforms of Emperor Peter I. Historical heritage and modernity. To the 350th anniversary of the birth of Emperor Peter the Great: Materials of the research forum (Kaliningrad, June 3, 2022; Perm, June 13-14, 2022; Kazan, July 22, 2022)], in Gromova, A. V. and Neganov, S. V. (eds), Ural'skiy rabochiy, Perm, Russia, 211-231 (in Russ.).

Podosenov, S. N. (1868), "Venerable Tryphon on the banks of the Kama and Chusovaya", *Permskiye yeparkhial'nyye vedomosti* [Perm Diocesan Gazette], 29, 502-510; 30, 513-522 (in Russ.).

Shestova, T. Yu. (2022), "News about the Stroganovs in the 'Works of the Perm Scientific Archival Commission'", *Osmyslyaya regionalnoye: rossiyskiy region XVI–XXI vekov v fokuse mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (chteniy pamyati A.V Kamkina), Vologda, 31.03–01.04 2022 g.* [Understanding the regional: the Russian region of the 16th–21st centuries in the focus of interdisciplinary research: Proceedings of the All-Russian scientific conference (readings in memory of A. V. Kamkin), Vologda, March 31 – April 1, 2022], in Vsevolodov, A. V. (ed.), Publishing House of Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, 246-254 (in Russ.).

Yemelyanov, V. (1910), "On the need to study the Vyatka region in archaeological terms", *Trudy Vyatskoy uchenoy arkhivnoy komissii*

[Proceedings of the Vyatka Scientific Archival Commission], II-III, 1-17 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Агафонов Илья Сергеевич, магистрант кафедры библиотечных и документально-информационных технологий, факультет культурологии и социально-культурных технологий, Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; ilya.agafonov.2016@inbox.ru

Нагибина Надежда Павловна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра библиотечных и документально-информационных технологий, факультет культурологии и социально-культурных технологий, Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; nadya12354@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Ilya S. Agafonov, Master's Degree Student, Department of Library and Documentary Information Technologies, Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies, Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; ilya.agafonov.2016@inbox.ru

Nadezhda P. Nagibina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Library and Documentary Information Technologies, Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies, Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; nadya12354@yandex.ru

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 130.3, 37.0, 001.11

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-2

Жаров С. Н.

Экзистенциальные смыслы образования и науки

Воронежский государственный университет,
Университетская площадь, д. 1, г. Воронеж, 394018, Российская Федерация;
zharov_sn@mail.ru

Аннотация. Осуществление образовательного процесса не просто привлекает к себе те или иные человеческие мотивы. Суть образования – осуществление изначальной экзистенциальной мотивации. Анализ истории культуры показывает существование базового смысла, который можно назвать *образовательным экзистенциалом*. При этом экзистенциальные смыслы образования неразрывно связаны с экзистенциальной притягательностью научных истин.

Ключевые слова: образование; наука; смысл; экзистенция

Для цитирования: Жаров С. Н. Экзистенциальные смыслы образования и науки // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 140-151. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-2

S. N. Zharov

Existential meanings of education and science

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russia; *zharov_sn@mail.ru*

Abstract. Realization of educational process not just attracts to itself various human motives. Essence of education – implementation of initial existential motivation. The essence of education is the realisation of the original existential motivation. Analyses of cultural history show the existence of a basic meaning that can be called educational existential. At the same time, the existential meanings of education are inseparable from the existential appeal of scientific truths.

Keywords: education; science; sense; existence

For citation: Zharov S. N. (2024), “Existential meanings of education and science”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 140-151, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-2

На первый взгляд может показаться, что тема, обозначенная в заголовке, уже осмыслена в целом ряде публикаций. В самом деле, обучение лишь тогда становится эффективным, когда обретает смыслы, способные мобилизовать душевные силы обучающихся. Эти сюжеты так или иначе выражены в историко-философских, историко-научных и психологических исследованиях. Чтобы перейти на новый уровень анализа, зададим следующий вопрос. Есть ли в изначальных экзистенциальных мотивах (у Хайдеггера они носят имя экзистенциалов) предрасположенность к *получению образования*? Если нет, то образование нуждается в экзистенциальной мотивации, отличной от сути обучения. Например, если речь идет о методах успешного бизнеса, никто не скажет, что стремление к прибыли уже присутствует в экзистенциальной самости (по Хайдеггеру – в *Dasein*) как исходный экзистенциал. А если стремление к образованию несет в себе то, что можно назвать экзистенциальной генетикой и *образовательным экзистенциалом*, это должно привести к новому осмыслению образования, к планированию образовательных новаций с учетом экзистенциальных оснований.

В свете привычной рефлексии образование предстает как формирование человека со стороны культуры. В этом плане экзистенциальные смыслы образования будут восприниматься вторичными по отношению к культурным и социальным запросам. Поэтому задача состоит в том, чтобы, обратившись к истории культуры, увидеть в ней явное выражение того, что мы назвали образовательным экзистенциалом. Как мы увидим далее, экзистенциальные основы образования внутренне связаны с экзистенциальным притяжением научной истины.

По Гегелю, история философии есть движение мысли «которое ничего другого не выражает, кроме природы самого духа, и которое живет во всех нас» (Гегель,

1994: 572). Гегель здесь имеет в виду рациональный мировой дух (=мировой разум), но в контексте нашей проблемы напрашивается аналогичный сюжет с историческим воплощением исходных экзистенциалов. По Хайдеггеру, бытие *Dasein* – это забота, подлинность которой заключена не в предметно реализуемых интересах, но в выходе за пределы заданности, к просвету бытия. «Самоотдача открытости вместе с самой открытостью – это, собственно, и есть бытие как оно есть» (Хайдеггер, 1993: 204). Существовая как *Dasein*, человек «делает... просвет Бытия своей "заботой"» (Хайдеггер, 1993: 200). Тем самым стремление к просвету бытия выступает как базовый экзистенциал, можно сказать, исток всех экзистенциалов. А если так, то стремление к образованию как *постижению чего-то нового* есть реализация этого экзистенциального просвета. Однако здесь нужен соответствующий историко-философский анализ. Если в человеке изначально заложен экзистенциальный интерес к обучению (себя, но и других тоже), то это должно быть отчетливо выражено в культурном и философском наследии.

Поставленный вопрос сразу же высвечивает смысловые ситуации, представленные в известных источниках.

В древней Индии образование путем посвящения в Веды именовалось «вторым рождением», а прошедшие обряд посвящения члены высших варн назывались «дваждырожденными» (Эдвардс, 2005: 60-61). В этом контексте родиться второй раз – значит заново обрести себя. Посредством обучения человек обретал подлинность своего существования. Самое интересное, что этот сюжет в разных формах повторяется в истории культуры.

Обратимся к классическому произведению буддизма – Дхаммападе. По словам Будды, «Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как

лучник стрелу...» (Дхаммапада, 1993: 67). Куда же направлена эта мысль? Вовсе не к миру идей (Судзуки, 1993: 55). Буддийская мысль открывает путь в нирвану, где свобода обретается через угасание желаний и самой мысли. «Обладатель верного знания, ясно видящий светлый путь угасания... идет здесь верною дорогой» (Сутта-Нипата, 2001: 115). Этот путь выводит человека к тому, что изначально таится в нем, будучи заслоненным образами и желаниями. Это – *непредметное существование*, составляющее человеческую подлинность. В чань-буддизме данный сюжет выражен следующим образом: «...Вы погрузитесь полностью в безразличную пустоту. Пустота (*шуньята*) включает Солнце, Луну, звезды и планеты..., злые и добрые *дхармы-законы*... Абсолютно все пребывает в пустоте. Изначальная природа всех людей тоже пуста» (Книга поучений, 1975: 333). Входя в непредметный мир, названный здесь пустотой, человек обретает свою подлинность, несущую в себе простор свободы. Обучение не дает картину этой пустоты, но указывает способ ее пробуждения в человеке. «В буддизме..., – пишет М.Н. Кожевникова, – основное содержание учения – не ознакомление учеников с... информацией, но поворот... заблуждающегося относительно реальности ума... "преобразование"» (Кожевникова, 2014: 140). И здесь, как замечает И.П. Григорьева, «...слов... нужно ровно столько..., чтобы повести за собой по невидимой нити... в безмолвие Нирваны» (Григорьева, 1992: 275).

А теперь обратимся к осмыслению образования в античной Греции. Ясно, что культура и обучение здесь выглядят совершенно иначе, чем на индо-буддийском Востоке. Зато на экзистенциальном уровне вырисовывается явная аналогия. Нужно только правильно ее выделить. Смысловое сходство заключается в том, что, приобщаясь к истине, человек обретает не просто знание,

а подлинность своей жизни. Это ясно выражено у Платона: «...созерцая истинное, божественное и непреложное и в нем обретая для себя пищу, душа полагает, что так именно должно жить» (Платон, 1993: 40).

Платон очень ярко показывает, чем отличается обучение у Сократа от обучения у софистов. Сократ имеет в виду знания, которые питают душу смыслами. «...Знания же нельзя унести в сосуде, а поневоле придется... принять их в собственную душу и, научившись чему-нибудь, уйти либо с ущербом для себя, либо с пользой» (Платон, 1994b: 423). А вот софист Протагор имеет в виду другое знание. Это – знание-знакомство, знание-инструмент, которое используется душой, но не обязательно становится ее частью. Однако с точки зрения Протагора, такое знание лучше, чем отсутствие всякого представления о предмете: «...если какой-нибудь человек представляется тебе самым несправедливым среди тех, кто воспитан меж людьми в повиновении законам, он все-таки справедлив и даже мастер в вопросах законности, если судить о нем по сравнению с людьми, у которых нет ни воспитания, ни судилищ, ни законов...» (Платон, 1994b: 437).

Можно ли однозначно признать неправоту или правоту мыслей Протагора, представленных в соответствующем диалоге Платона? Все не так просто, как это кажется на первый взгляд. Подход Протагора может быть весьма эффективным, если речь идет о частных проблемах образования, однако в исторической перспективе он способен подорвать значение образованности, поскольку лишает образование экзистенциального смысла. Такого рода образование позволяет решать прагматические задачи, но не пробуждает в глубине души ничего нового, всего лишь обслуживая частные цели. Как замечает Платон, «...если ты знаешь, что здесь полезно, а что – нет, тогда тебе не опасно приобретать знания и у Протагора, и у кого

бы то ни было другого; если же нет, то смотри, друг мой, как бы не проиграть самого для тебя дорогого» (Платон, 1994b: 423).

Приобщая человека к миру идей, платоновское образование высвечивает путь к священному основанию, к которому изначально причастна человеческая душа: «...всякому человеку лучше быть под властью божественного и разумного начала, особенно, если имеешь его в себе как нечто свое...» (Платон, 1994a: 386).

Если оставаться на уровне восприятия экзистенциального смысла, то аналогичные сюжеты мы увидим у христианских богословов. Образование здесь по-прежнему означает путь человека к божественному началу. Отличие в том, что в христианстве божественное не отождествляется с разумом. Вот как пишет об этом Августин Блаженный: «Обо всем, постижимом для нас, мы спрашиваем... у самой внутренне присущей нашему уму истины... Тот же, у кого мы спрашиваем и кто нас учит, есть обитающий во внутреннем человеке Христос...» (Августин, 1998b: 304–305). При этом «мышление не создает истины, а находит ее готовой. <...> А когда ее находят, она служит к нашему обновлению» (Августин, 1998a: 443). Эту же сюжетную линию продолжает Исидор Севильский (570–638 гг.): «Самого себя познай человек, познай, кто ты, откуда твое начало... <...> Будь таким, каким ты сотворен, кем создал тебя Бог...» (Исидор Севильский, 1970: 203). А в заключение приведем слова Гуго Сен-Викторского из его трактата «Наставление к обучению»: «Мы восстанавливаем себя посредством обучения, чтобы знать свою природу и чтобы научиться не искать вовне то, что можно найти в себе самих» (Гуго Сен-Викторский, 2000: 83).

Иначе говоря, в самых разных великих культурах, при всем различии их рациональных и символических форм, мы видим один тот же экзистенциальный сюжет, лежащий в основе образования.

Помимо социокультурной и инструментально-практической значимости, *фундаментальное образование пробуждает и реализует стремление человека к экзистенциальной подлинности, скрытой за приманками обыденной жизни.* Этот сюжет прекрасно выражен в поэме Низами. Здесь, конечно, нужно учитывать, что Низами – не просто поэт, у него, как, впрочем, и у многих его творческих современников, выражены смыслы суфизма, мистического направления ислама. Но его строки полны и экзистенциально-поэтической силой:

«Все умрет, все сгубит время, прахом истребя.
Вечно будет жить познавший самого себя.

.....
Если ты себя, как свиток, правильно прочтешь,
Будешь вечен. В духе – правда, остальное – ложь.
Коль не обретишь познания высшего теперь,
В дверь одну вошедший, выйдешь ты в другую
дверь» (Низами, 1986: 34).

После всего сказанного сразу же вспоминается смысловой поворот, связанный с появлением науки Нового времени. Если для средневекового человека основой познания было приобщение к высшему смыслу, то теперь главной задачей выступило практическое покорение природы. Эту идею мы видим у Ф. Бэкона, ставшего философским провозвестником новой науки. Бэкон призывает людей «к тому, чтобы они... объединенными силами встали на борьбу с природой... и раздвинули... границы человеческого могущества» (Бэкон, 1977b: 239). А это означает обновление базового смысла познания. Теперь «два человеческих стремления – к знанию и могуществу – поистине совпадают в одном и том же...» (Бэкон, 1977a: 79). Жажда могущества нужна для оформления внешней жизни, однако она таит в себе опасность забвения смыслов, которые охраняют человека от опасных последствий вмешательства в природу. Идея власти над природой в Новое время была связана не только с христианством, но и с герметизмом (см. Косарева, 1985: 128-135;

Гайденко, 2012: 213-229; Визгин, 2020: 189-280). И, как отмечает П.П. Гайденко, новая наука унаследовала «выросшую из магико-герметических корней жажду овладеть природой, силой вырвав у нее ее тайны, преобразовать, пересоздать ее, даже если это грозит уничтожением всего живого на планете, в том числе и самого человека» (Гайденко, 2012: 229). Осознание этого факта и в самом деле заставляет задуматься над следствиями, инициированными смысловой доминантой новой науки.

Вместе с тем нужно отличать стремление Бэкона от того, что реализовалось в позднейших этапах истории науки. Дело в том, что могущество, о котором шла речь в приведенных выше цитатах, понимается не как простое самоутверждение, а как реализация высшего блага. Согласно Бэкону, нужно, чтобы люди «помнили об истинных целях науки и устремлялись к ней... не ради славы или могущества или тому подобных низших целей, но ради пользы для жизни и практики и чтобы они совершенствовались и направляли ее во взаимной любви» (Бэкон, 1977а: 67). Отсюда понятно, почему в образовании Нового времени по-прежнему на первое место выходят классические экзистенциальные смыслы. Это хорошо видно при чтении работ Я.А. Коменского.

Как уже отмечалось, в Индии человек воспринимал фундаментальное образование как свое второе рождение. Очень похожую формулировку мы находим у Коменского: «...создавая цельного человека, природа раз и навсегда предусматривает все человеческие необходимости. Почему бы и нам, в меру возможного, не делать того же при втором создании человека (чем и занимается наше искусство) ...» (Коменский, 1982а: 396). Для этого необходимо, «чтобы дарования не оставались необработанными..., но чтобы они были возделываемы тщательно, как мы обыкновенно возделываем... виноградники и сады» (Коменский, 1982b: 7).

Таким образом, в начале Нового времени наука и образование, будучи устремленными к реализации могущества, были внутренне связаны с приобщением к высшему смыслу. Обретение могущества представало не как инструмент собственного произвола, а как приобщение к скрытой в человеке божественной силе. И это приобщение должно было реализоваться благодаря постижению истины. Данный сюжет последовательно выражен в философии Фихте.

Согласно Фихте, присваивая природу, человек «сорвет яблоко познания» и реализует «стремление быть равным Богу» (Фихте, 1993b: 62). В этом деянии и состоит смысл жизни: «Действовать! Действовать! – вот для чего мы существует. <...> Будем радоваться тому, что мы чувствуем в себе силы и что наша задача бесконечна» (Фихте, 1993b: 64). Это позволяет человеку, не идеализируя противостоящую природу, увидеть ее как условие собственного духовного восхождения. «Без применения человеческих рук природа сурова и дика, и она должна быть такой, чтобы человек был принужден выйти из бездеятельного естественного состояния и обработать ее, – чтобы он сам из чисто естественного состояния стал свободным разумным существом» (Фихте, 1993b: 62).

Природа здесь выступает как объективация абсолютного Я, кроющегося в глубине человека, и борьба с ней есть не более чем акт совершенствования. По логике Фихте, как отмечает П.П. Гайденко, «не будь этого препятствия, человеку не на чем было бы выковывать свой дух как способность к самопреодолению» (Гайденко, 1995: 27). Отсюда понятен смысл образования, заложенный в фихтевскую онтологию. Фихте ведет человека к осознанию своего предназначения, освобождая от неизбежного давления жизненных опасений: «...после того, как ты понял, что все существует только в тебе самом и

только благодаря тебе, тебе нечего будет бояться того, что ты признал своим собственным созданием» (Фихте, 1993а: 143).

Здесь мы сталкиваемся с любопытной ситуацией. Сегодня вряд ли возможно признать правоту Фихте, имея в виду его взгляд на происхождение природы. Однако все меняется, если речь пойдет о понимании *смысла*, который природа имеет для познающего ее человека. Задумаемся о том, что способно заставить сначала студента, а потом – ученого отдавать все силы постижению противостоящей ему природы. Чем природа способна манить к себе человека, будучи равнодушной к его существованию?

С позиции современной физики природа сама по себе не обладает привлекательным смыслом, но мы обретаем такой смысл в ее познании, что очень ярко зафиксировал лауреат Нобелевской премии С. Вайнберг. Нашей Вселенной «...предстоит... угасание в бескрайнем холоде или невыносимой жаре. Чем более постижимой представляется Вселенная, тем более она кажется бессмысленной» (Вайнберг, 2000: 161). Однако, «есть... какое-то утешение в самом исследовании. <...> Попытка понять Вселенную – одна из очень немногих вещей, которые чуть приподнимают человеческую жизнь над уровнем фарса...» (Вайнберг, 2000: 161).

Создавая новый образ природы, ученый, с одной стороны, овладевает им изнутри, а с другой – заново открывает самого себя и возможность нового видения мира. В этом плане природа перестает быть чем-то чуждым, становясь частью нашего внутреннего мира. Об этом говорит автобиография Эйнштейна: «Там, во вне, существовал большой мир, существующий независимо от нас... и стоящий перед нами как огромная вечная загадка, доступная, однако, по крайней мере отчасти, нашему восприятию и нашему разуму. Изучение этого мира манило как освобождение...» (Эйнштейн, 1967: 260).

Отсюда понятен экзистенциальный смысл фундаментального изучения природы. Давая принципиально новое объяснение явлений, физик тем самым заново открывает для себя свои внутренние возможности. И то, что сделано в плане открытия, продолжается в плане образования. Изучение физики будет интересно студенту, поскольку приобщение к чужому открытию инициирует формирование им новых способов своего мышления. Об этом точно написала Н.А. Мещерякова, имея в виду обучение через введение «обучаемого в проблемную ситуацию, созданную для него педагогом» (Мещерякова, 2008: 102). В результате студент или аспирант заново проходит ранее проложенный путь решения задачи, формируя тем самым свою научную субъективность. «И в данной системе координат обучаемый является таким же творцом научной истины, как и впервые получивший ее ученый» (Мещерякова, 2008: 102). А если учесть, что формирование у студента нового способа мышления требует экзистенциального интереса к новой проблематике, то получается, что в проблемном обучении работает не только *метод*, но и пробуждаемый этим методом *экзистенциал*. Речь идет о новом обретении своей субъективности посредством включения в созданную обучением проблемную ситуацию.

Иначе говоря, образовательный экзистенциал человека в полной мере работает лишь там, где образование не сводится к информационному заполнению его памяти и внедрению стандартных методов мысли. А там, где образование переходит на инструментально-прагматический уровень, оно формирует работников, но гасит пробуждение творческой субъективности.

Здесь важно не упускать из вида некоторые современные тенденции. Например, Э. Геллнер связывает современную цивилизацию с появлением

«модульного человека» (Геллнер, 2004). Это индивид, субъективность которого сведена к набору усвоенных функций и готова к своему внутреннему переустройству, поскольку «смотрит на жизнь сквозь призму бухгалтерского баланса» (Геллнер, 2004: 118). Данная способность делает его эффективным работником с точки зрения меняющегося бизнеса: «...он готов к любым переменам... в своих занятиях и в своей деятельности. <...> И если понадобится, в его распоряжении всегда есть руководства и учебники, которые позволят ему... освоить практически любое дело» (Геллнер, 2004: 121). У модульного человека «убеждения могут изменяться, и это не считается грехом или отступничеством. И все же такие в высшей степени специализированные, инструментальные... связи являются надежными и эффективными» (Геллнер, 2004: 119). Но это как раз и подразумевает отказ от стремления к экзистенциальной подлинности. Подобный подход начинает постепенно реализовываться в самых разных культурных измерениях, и в том числе – в современном образовании. Как отмечает И.Б. Антонова, в контексте постмодерна программируется «потеря персональной идентичности студента» (Антонова, 2016: 17), заменяя ее «ситуативной идентичностью» (там же).

В рамках образовательного процесса осуществление указанной тенденции порождает следствия в двух планах – локальном и историческом. Если настроиться на формирование модульных работников, то эффекты первого плана могут оказаться экономически привлекательными. Однако в историческом плане это означает отказ от пробуждения экзистенциального интереса и ориентацию на *das Man*, где внешние удачи оказываются следствием упадочных внутренних адаптаций. Данной констатацией можно было бы завершить

оценку подобных эффектов, однако читатель может подумать, что это лишь частная точка зрения, не имеющая реального подтверждения. Поэтому приведем интересное свидетельство академика В.И. Арнольда. «Американские коллеги объяснили мне, что *низкий уровень общей культуры и школьного образования в их стране – сознательное достижение ради экономических целей*. Дело в том, что, начитавшись книг, образованный человек становится худшим покупателем: он меньше покупает и стиральных машин, и автомобилей, начинает предпочитать им Моцарта или Ван Гога, Шекспира или теоремы. От этого страдает экономика общества потребления и, прежде всего, доходы хозяев жизни – вот они и стремятся не *допустить культурности и образованности...*» (Арнольд, 2003: 4).

До сих пор мы главным образом рассматривали способы философского выражения образовательного экзистенциала. Но всякий экзистенциал изначально реализует себя не в философской рефлексии, а в мире душевных стремлений. Поэтому нужно попытаться найти и увидеть, а лучше сказать – *прочувствовать* соответствующие феномены.

Обратимся к воспоминаниям о гимназическом образовании конца XIX – начала XX века, приводя достаточно полные высказывания, чтобы можно было ощутить скрытые там экзистенциальные смыслы.

Как я уже упоминал в одной из своих статей (Жаров, 2014), в мемуарах Цвейга удивительным образом сочетаются два смысловых сюжета. Мы читаем, как тоскливо и неудобно было ученикам под властью гимназической дисциплины: «...если говорить честно, все мои школьные годы – это сплошная, безысходная, все возрастающая тоска и нестерпимое желание избавиться от каждодневного ярма. Не могу припомнить,

чтобы я когда-нибудь был “весел и счастлив” в этом размеренном, бессердечном и бездуховном школьном распорядке» (Цвейг, 1996: 432-433). Но каким оказался эффект этой «бездуховной дисциплины»? Как ни странно, следствием стало пробуждение страсти к познанию всего нового. Цвейг выразил это ярко и однозначно: «Нами, словно лихорадка, овладела страсть все знать, докопаться до всего, что происходит в искусстве и науке; ...мы пробирались в студенческой гуще в университет послушать лекции; мы посещали выставки, даже ходили в анатомический театр, чтобы присутствовать на вскрытии» (Цвейг, 1996: 442).

Аналогичную смысловую дилемму можно встретить и в воспоминаниях Эйнштейна. Выше уже цитировались слова о том, что его манило изучение физического мира. Но вот как Эйнштейн воспринимал университетское образование: «Тут была, однако, та загвоздка, что для экзамена нужно было напихивать в себя – хочешь не хочешь – всю эту премудрость. Такое принуждение настолько меня запугивало...» (Эйнштейн, 1967: 264); «В сущности, почти чудо, что современные методы обучения еще не совсем удушили святую любознательность...» (Эйнштейн, 1967: 265). И опять ситуация прояснится лишь тогда, когда мы зададим вопрос, чем для Эйнштейна обернулось такое образование. Зная открытия Эйнштейна, ответ ясен. При этом выясняется, что начальное желание отстраниться от кажущегося излишним знания не всегда правильно, о чем говорят слова самого Эйнштейна: «...мне как студенту не было еще ясно, что доступ к более глубоким принципиальным проблемам в физике требует тончайших математических методов. Это стало мне выясняться лишь постепенно, после многих лет самостоятельной научной работы» (Эйнштейн, 1967: 264).

Как нужно относиться к образовательной дисциплине, вынуждающей изучать обширную систему знаний? Исходя из проанализированных выше ситуаций, напрашивается следующий вывод. Адекватное образование осуществляется таким образом, что требования, иногда кажущиеся ученику внешним давлением, на самом деле инициируют в нем пробуждение *творческого интереса* и *научной воли*, ведущей к решению поставленных задач. Но ведь это и есть сюжет, который был осознан в философии Фихте. Конечно, вряд мы всегда будем воспринимать жизненное давление как подарок судьбы. Но опыт человеческой жизни высвечивает неизбежную экзистенциальную истину: попадая в проблемную ситуацию, нужно осознать в ее давлении не только то, что нас гнетет, но и то, что высвобождает нашу внутреннюю силу, позволяя нам заново открыть в себе подлинную самость.

В этом плане внутреннее (а не только внешнее) включение человека в образовательный процесс с его неизбывными задачами и проблемами составляет безопасный и привлекательный способ нового обретения себя. Здесь вспоминаются слова Л.С. Выгодского: «...обучение только тогда становится подлинным обучением, когда оно забегает вперед развития» (Выготский, 1935: 134). Если мы хотим и в самом деле совершенствовать образование, нужно стремиться не только к внешним прагматическим результатам, но и понять, как в новом контексте будут открываться экзистенциальные возможности человека.

Таким образом, обновленное образование принесет исторический успех, когда его главной задачей будет не просто эффективность запланированных функций, но реализация возвышающих человека экзистенциальных возможностей.

Литература

- Августин, А. Об истинной религии // Августин А. Творения: в 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998а. Т. 1. С. 393-468.
- Августин, А. Об учителе // Августин А. Творения: в 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998б. Т. 1. С. 264-312.
- Антонова, И.Б. Торжество неопределенности, смещение акцентов, или Кто он, студент эпохи постмодерна // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 3(5). С. 9-18.
- Арнольд, В.И. Новый обскурантизм и российское просвещение. М.: ФАЗИС, 2003. 60 с.
- Бэкон, Ф. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1977а. Т. 1. С. 55-80.
- Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1977б. Т. 1. С. 81-522.
- Вайнберг, С. Первые три минуты: современный взгляд на происхождение Вселенной. М.; Ижевск: РХД, 2000. 272 с.
- Визгин, В.П. Герметическая традиция и генезис науки // Визгин В. П. Наука в ее истории: взгляд философа. 2-е изд. М.: ЯСК, 2020. С. 189-280.
- Выготский, Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. Сб. статей. М.; Л.: Госучпедгиз, 1935. 135 с.
- Гайденко, П.П. Жизнь и творчество Иоганна Готлиба Фихте // Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792-1801 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 6-67.
- Гайденко, П.П. Метафизические и религиозные предпосылки европейского естествознания // Метафизика. Век XXI. Альманах. Вып. 3: Наука, философия, религия / под ред. Ю.С. Владимирова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. С. 213-229.
- Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1994. Кн. 3. 583 с.
- Геллнер, Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2004. 240 с.
- Григорьева, Т.П. Дао и логос (встреча культур). М.: Наука, Восточная литература, 1992. 424 с.
- Гуго Сен-Викторский. Наставление к обучению. Об искусстве чтения // Историко-философский ежегодник '98 / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Наука, 2000. С. 81-92.
- Дхаммапада. СПб.: Изд-во Чернышова, 1993. 176 с.
- Жаров, С.Н. Университет как универсум // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Проблемы высшего образования. 2014. № 4. С. 65-70.
- Исидор Севильский. Из «Синонимов, [или] О стенании грешной души» // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М.: Наука, 1970. С. 201-204.
- Книга поучений шестого патриарха [Хойнэна] («Лю-цзу тань-цзин») / Пер. Е.В. Завадской / Антология: Китайские философы и художники о сущности живописи // Завадская, Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М.: Искусство, 1975. С. 304-335.
- Кожевникова, М.Н. Учение. Книга о философии образования в буддизме: в цитатах, примерах, и размышлениях. СПб.: Алетейя, 2014. 294 с.
- Коменский, Я.А. Всеобщий совет об исправлении дел человеческих // Коменский, Я.А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. М.: Педагогика, 1982а. Т. 2. С. 285–469.
- Коменский, Я.А. О развитии природных дарований // Коменский, Я.А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. М.: Педагогика, 1982б. Т. 2. С. 5-33.
- Косарева, Л.М. Проблема герметизма в западных исследованиях генезиса науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 3. С. 128-135
- Мещерякова, Н.А. Формирование творческой субъективности в процессе университетского образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2008. № 1. С. 98-103.
- Низами. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 4. Семь красавиц. 366 с.

Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994а. Т. 3. С. 79-420.

Платон. Протагор // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994б. Т. 1. С. 418-476.

Платон. Федон // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993с. Т. 2. С. 7-80.

Судзуки, Д. Основы Дзэн-Буддизма // Дзэн-Буддизм. Бишкек: Одиссей; Гл. ред. КазЭ, 1993. С. 3-467.

Сутга-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга. М.: Алетей, 2001. 248 с.

Фихте, И.Г. Назначение человека // Фихте, И.Г. Сочинения: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993а. Т. 2. С. 65-224.

Фихте, И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993б. Т. 2. С. 7-64.

Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192-220.

Цвейг, С. Вчерашний мир: Воспоминания европейца // Цвейг, С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ТЕРРА, 1996. С. 405-792.

Эдвардс, М. Древняя Индия. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005. 224 с.

Эйнштейн, А. Автобиографические заметки // Эйнштейн, А. Собрание научных трудов: в 4 т. М.: Наука, 1967. Т. IV. С. 259-293.

References

Antonova, I. B. (2016), "The triumph of uncertainty, a shift in emphasis, or Who is he, a student of the postmodern era", *RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian studies. History. Political science. International relations" Series*, 3 (5), 9-18 (in Russ.).

Arnold, V. I. (2003), *Noviy obskurantizm i rossiyskoe prosveshenie* [The New Obscurantism and the Russian Enlightenment], FAZIS, Moscow, Russia (in Russ.).

Augustine, A. (1998a), "On True Religion", *Tvoreniya: v 4-kh tomakh* [Creations: in 4 vols], Vol. 1, Aleteya, St. Petersburg, Russia 393-468 (in Russ.).

Augustine, A. (1998b), "About the teacher", *Tvoreniya: v 4-kh tomakh* [Creations: in 4 vols.], Vol. 1, Aleteya, St. Petersburg, Russia 264-312 (in Russ.).

Bacon, F. (1977a), "The Great Restoration of Sciences", *Sochineniya v 2-kh tomakh* [Essays in 2 vols] Vol. 1, Mysl', Moscow, Russia, 55-80 (in Russ.).

Bacon, F. (1977b), "On the dignity and multiplication of sciences", *Sochineniya v 2-kh tomakh* [Essays in 2 vols] Vol. 1, Mysl', Moscow, Russia 81-522 (in Russ.).

Edwards, M. (2005), *Drevniaya Indiya. Byt, religiya, kultura* [Ancient India. Life, religion, culture], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia (in Russ.).

Einstein, A. (1967), "Autobiographical notes", *Sobranie nauchnykh trudov: v 4-kh tomakh* [Collected scientific works: in 4 volumes.], Vol. T. IV, Nauka, Moscow, Russia, 259-293 (in Russ.).

Fichte, I.G. (1993a), "The Purpose of Man", *Fichte, I.G. Sochineniya: v 2-kh tomakh* [Works: in 2 volumes.], Vol. 2, Mifril, St. Petersburg, 65-224 (in Russ.).

Fichte, I.G. (1993b), "Several lectures on the purpose of a scientist", *Fichte, I.G. Sochineniya: v 2-kh tomakh* [Works: in 2 volumes.], Vol. 2, Mifril, St. Petersburg, 7-64 (in Russ.).

Gaidenko, P. P. (1995), "The life and work of Johann Gottlieb Fichte", *Fichte I.G. Sochineniya. Raboty 1792-1801 godov* [Fichte I. G. Works. Works of 1792-1801], Ladomir, Moscow, Russia 6-67 (in Russ.).

Gaidenko, P. P. (2012), "Metaphysical and religious prerequisites of European natural science", *Metafizika. Vek XXI. Almanakh. Vypusk 3: Nauka, filosofiya, religiya* [Metaphysics. The 21th century. The Almanac. Issue 3: Science, Philosophy, Religion], in Vladimirov, Yu. S. (ed.), BINOM. Laboratoriya znaniy, Moscow, Leningrad, Russia 213-229 (in Russ.).

Gellner, E. (2004), *Usloviya svobody. Grazhdanskoe obshestvo i ego istoricheskie soperniki* [Conditions of freedom. Civil society and its historical rivals], MShPI (Moscow School of Political Studies), Moscow, Russia (in Russ.).

Grigorieva, T. P. (1992), *Dao i logos (vstrecha kultur)* Tao and logos (meeting of cultures), Nauka, Vostochnaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.).

Hegel, G. V. F. (1994), *Lektsii po istorii filosofii. Kniga 3* [Lectures on the history of philosophy. Book 3], Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Heidegger, M. (1993), "Letter on Humanism", *Heidegger, M. Vremya i bytie: Stati i vystupleniya* [Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches], Respublika, Moscow, Russia, 192-220 (in Russ.).

Hugo of Saint Victor (2000), "A guide to learning. About the art of reading" *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik '98* [Historical and Philosophical Yearbook '98], in Motroshilova, N. V. (ed.), Nauka, Moscow, Russia 81-92 (in Russ.).

Isidore of Seville (1870), "From "Synonyms, [or] About the groaning of a sinful soul"", *Pamyatniki srednevekovoy latinskoj literatury IV-IX vekov* [Monuments of medieval Latin literature of the 4-9th centuries], Nauka, Moscow, Russia 201-204 (in Russ.).

Komensky, Ya. A. (1982a), "The General Council on the correction of human affairs", *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: v 2-kh tomakh* [Selected pedagogical works: in 2 vols.], Vol. 2, Pedagogika, Moscow, Russia, 285-469 (in Russ.).

Komensky, Ya. A. (1982b), "On the development of natural talents", *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: v 2-kh tomakh* [Selected pedagogical works: in 2 vols.], Vol. 2, Pedagogika, Moscow, Russia, 5-33 (in Russ.).

Kosareva, L. M. (1985), "The Problem of Hermeticism in Western Studies of the Genesis of Science", *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the history of natural science and technology], 3, 128-135 (in Russ.).

Kozhevnikova, M. N. (2014), *Uchenie. Kniga o filosofii obrazovaniya vbuddizme: v tsitatakh, primerakh i razmyshleniyakh* [The Doctrine. A book about the philosophy of education in Buddhism: in quotations, examples, and reflections], Aleteya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Meshcheryakova, N. A. (2008), "Formation of creative subjectivity in the process of university education", *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 1, 98-103 (in Russ.).

Nizami (1986), *Sobranie sochineniy v 5 tomakh. Tom 4. Sem krasavits* [Collected works: in 5 volumes. Vol. 4, Seven Beauties], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.).

Platon (1994a), "Republic", *Sobranie sochineniy v 4-kh tomakh* [Collected works: in 4

vols], Vol. 3, Mysl', Moscow, Russia, 79-420 (in Russ.).

Platon (1994b), "Protagoras", *Sobranie sochineniy v 4-kh tomakh* [Collected works: in 4 vols], Vol. 1, Mysl', Moscow, Russia, 418-476 (in Russ.).

Platon (1993), "Phaedo", *Sobranie sochineniy v 4-kh tomakh* [Collected works: in 4 vols], Vol. 2, Mysl', Moscow, Russia, 7-80 (in Russ.).

Suzuki, D. T. (1993), "Foundations of Zen Buddhism", *Zen Buddhism*, Odissey, Bishkek, Kyrgyzstan, 3-467 (in Russ.).

Sutta-Nipata. Sborbesed i paucheniy. Buddiyskaya kanonicheskaya kniga (2001), [Sutta-Nipata. Collection of Conversations and Teachings. Buddhist Canonical Book], Aleteya, Moscow, Russia (in Russ.).

The Dhammapada (1993), Chernyshov Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

"The Book of Teachings of the sixth Patriarch [Hoi-neng] ("Liu-tzu tan-ching")" (1975), in: Zavadskaya, E.V. *Tsteticheskie problemy starogo Kitaya* [Aesthetic problems of painting in old China], Iskusstvo, Moscow, Russia 304-335 (in Russ.).

Vizgin, V. P. (2020), "Hermetic tradition and the genesis of science", *Nauka v ee istorii: vzglyad filsofa* [Science in its History: A Philosopher's View], YASK, Moscow, Russia, 189-280 (in Russ.).

Vygotskiy, L. S. (1935), *Umstvennoe razvitie detey v protsesse obucheniya. Sbornik statey* [Mental development of children in the learning process. Collection of articles], Gosuchpedgiz, Moscow, Leningrad, Russia (in Russ.).

Weinberg, S. (2000), *Pervye tri minuty: sovremenniy vzglyad na proiskhozhdenie Vselennoy* [The first three minutes: a modern view of the origin of the Universe], RKHD, Moscow, Izhevsk, Russia (in Russ.).

Zharov, S. N. (2014), "University as a Universe", *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 4, 65-70 (in Russ.).

Zweig, S. (1996), "The World of Yesterday: Memories of a European" in: *Sobranie sochineniy v 10 tomakh* [Collected works: in 10 vols], Vol., TERRA, Moscow, Russia, 405-792 (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов:
автор не имеет конфликта интересов для
деклараций.*

*Conflict of Interests: the author has no
conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Жаров Сергей Николаевич, доктор
философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания, Воронежский
государственный университет,

Университетская площадь, д. 1, г. Воронеж,
394018, Российская Федерация;
zharov_sn@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey N. Zharov, Doctor of Science in
Philosophy, Associate Professor, Department of
Ontology and Theory of Knowledge, Voronezh
State University, 1 Universitetskaya
Sq., Voronezh, 394018, Russia;
zharov_sn@mail.ru

УДК 1 (091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-3

Степанова О. И. | Рецепция идей Блеза Паскаля в философии Льва Шестова

Московский педагогический государственный университет,
ул. М. Пироговская, д. 1, г. Москва, 119435, Россия, 15101995ol@gmail.com

Аннотация. Л.И. Шестов и Б. Паскаль крайне популярны как в нашей стране, так и на западе. Философские идеи Шестова и Паскаля часто перекликаются несмотря на разные эпохи жизни мыслителей. Шестов ощутил эту связь лишь в поздний период своего творчества, что было связано с паскалевским ренессансом в Европе, тем не менее, он все же успел сказать свое слово о жизни и мысли французского философа. В статье приведены сведения о том периоде жизни Шестова, когда он начинает серьезно заниматься философией Паскаля, и об отклике среди русской и французской интеллектуальной публики, который получила работа Шестова о Паскале «Гефсиманская ночь». Основное внимание сосредоточено на анализе взглядов, излагаемых Шестовым в работах о французском мыслителе. Установлено, что в духовном опыте Паскаль может быть назван философским двойником Шестова. Последнего прежде всего интересовал тот опыт бездны, который был так близок русскому мыслителю. Однако и другие аспекты философии Паскаля – его концепция «Бога Авраама, Исаака, Иакова», а не «Бога философов и ученых»; интерес французского мыслителя к отдельной личности и пр. – также крайне интересовали Шестова. Таким образом, показано, что многие философские и религиозные идеи Б. Паскаля получили свое развитие в творчестве Л.И. Шестова.

Ключевые слова: Шестов; Паскаль; Кьеркегор; концепции Бога; экзистенциальная философия; богоискательство

Для цитирования: Степанова О. И. Рецепция идей Блеза Паскаля в философии Льва Шестова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 152-161. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-3

O. I. Stepanova

Reception of the Ideas of Blaise Pascal in the Philosophy
of Lev Shestov

Moscow Pedagogical State University,
1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russia; 15101995ol@gmail.com

Abstract. L.I. Shestov and B. Pascal are extremely popular both in our country and in the West. The philosophical ideas of Shestov and Pascal often overlap despite the different epochs of the thinkers' lives. However, the philosophical ideas of Shestov and Pascal often overlap despite the fact that they lived in different eras. Shestov felt this connection only in the late period of his work, which was undoubtedly associated with the Pascalian renaissance in European thought. However, Shestov still managed to say his word about the life and thought of the French philosopher. The article provides

brief information about the period of Shestov's life, when he began to seriously study the philosophy of Pascal. In addition, information is provided about the response in the Russian and French intellectual public that Shestov's short work on Pascal "The Night of Gethsemane" received. The author's main attention is focused on the analysis of the views expressed by Shestov in his works about the French thinker. Based on the results of the study, it was established that in spiritual experience Pascal can be called the philosophical double of Shestov. In the experiment of Pascal, Shestov was primarily interested in the experience of the abyss, which was so close to the Russian thinker. However, other important aspects of Pascal's philosophy: his concept of «the God of Abraham, Isaac, Jacob», and not «the God of philosophers and scientists»; the French thinker's interest in the individual, etc., were also extremely interesting to Shestov. Thus, many of B. Pascal's philosophical and religious ideas were developed in the works of Shestov.

Keywords: Shestov; Pascal; Kierkegaard; concepts of God; existential philosophy; God-seeking

For citation: Stepanova O. I. (2024), "Reception of the Ideas of Blaise Pascal in the Philosophy of Lev Shestov", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 152-161, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-3

Жизни русского мыслителя Л.И. Шестова и французского философа Б. Паскаля разделяет огромный промежуток времени. На первый взгляд, их биографии кажутся совершенно разными. Б. Паскаль – гениальный изобретатель, в юности столкнувшийся с силой, которую дает наука; рано начавший сильно болеть; отказавшийся от земных благ и практикующий суровый аскетизм. Шестов – в молодости переживший суровый кризис, ставший впоследствии примерным семьянином, печатавшийся в лучших изданиях России и Франции и отошедший от жизни в глубокой старости.

Однако, если мы будем обращать внимание не только на внешние отпечатки истории, но попытаемся взглянуть во внутренний опыт мыслителей, то станет понятно, что Шестов и Паскаль ближе друг к другу, чем можно было ожидать. Русский мыслитель почувствовал эту связь, и французский философ становится одним из его самых близких мыслителей. Душевная жизнь этих философов знала много взлетов и падений, однако главное, что объединило их – это ощущение зияющей бездны под ногами. Именно после такого опыта мысль

человека приобретает личные, экзистенциальные оттенки. Безусловно, во внешней биографии можно заметить события, которые отчасти могли послужить спусковым крючком к ощущению бездны: в случае Л.И. Шестова это могли быть проблематичные отношения с родителями и история несчастной любви; в случае с Б. Паскалем это могла быть постоянная близость к смерти из-за его болезни. Впрочем, все вышесказанное – лишь наши догадки, интерпретации.

Одной из тем, которая занимала Л.И. Шестова на протяжении всего его творчества, была трагедия в жизни мыслителя. Русского философа глубоко интересовали мыслители, пережившие опыт бездны. Б. Паскаль, безусловно, был одним из них.

Л.И. Шестов обратил пристальное внимание на философию французского мыслителя уже в своих поздних работах. В его ранних сочинениях тоже можно найти упоминания гениального француза, однако они делаются вскользь и без должного осмысления его философской деятельности. По мнению исследовательницы философии

Л.И. Шестова К.В. Ворожихиной, русский мыслитель не просто начинает заниматься философией Паскаля, но воспринимает французского мыслителя как своего двойника-предшественника (Ворожихина, 2016: 18). Французский писатель и друг Л.И. Шестова, переведший на французский множество его работ, также отмечает некоторое «двойничество» французского и русского мыслителей, которое заключается в том, что оба не дают ничего положительного читателю, только отнимают, оставляют у читателя одни недоумения; открывают человеку глаза на ту бездну, которая всегда была перед ним (Л.И. Шестов. Pro et contra..., 2016: 346). Видимо, здесь можно говорить о симфонии душ двух мыслителей.

Помимо вышеприведенных работ, исследования на тему влияния философии Паскаля на русского мыслителя немногочисленны. Среди них необходимо назвать основные: работа Б.Н. Тарасова (Тарасов, 2009); книга Г.Я. Стрельцовой (Стрельцова, 1994); диссертация Я.И. Ширманова (Ширманов, 2009). Несмотря на то, что в существующих исследованиях влияние Паскаля на Шестова рассматривается в отдельных главах, комплексного анализа этого влияния до сих пор не проводилось.

Серьезное увлечение Шестова философской мыслью Паскаля пришлось на годы его эмиграции. Когда философ уезжает из России, он начинает работать на русском факультете Парижского университета. С 1923 г. по 1925 г. в течение четырех семестров русский мыслитель читает курс «Философские идеи Достоевского и Паскаля» в Сорбонне. Ранее, в 1921 г. философ готовил речь «Достоевский и Паскаль», которая, вероятно, стала прообразом будущего курса. Однако ни самой речи, ни конспектов прочитанного философем-эмигрантом курса не сохранилось (Баранова-Шестова, 1983: 236). Осталась небольшая книжка русского мыслителя, полностью посвященная фигуре

французского мыслителя, «Гефсиманская ночь (Философия Паскаля)». Работа была написана Шестовым по случаю трехсотлетия со дня рождения Паскаля. Рукопись впоследствии вошла в третью главу сборника «На весах Иова», который впервые был опубликован в журнале «Современные записки» в 1929 г. Сам автор указывает, что основная идея книги «На весах Иова» состоит в том, что и в нашем мире, как и в древнем, продолжает царствовать необходимость (Баранова-Шестова, 1983: 92).

Впрочем, сама работа «Гефсиманская ночь» была выпущена ранее, чем сборник, в который она впоследствии вошла. Впервые рукопись опубликована в Париже в популярном тогда журнале Грассе «Les Cahiers Verts» в 1923 г (Л.И. Шестов. Pro et contra..., 2016: 655). Рукопись оказалась слишком большая для номера статей и была выпущена отдельной книгой под названием «La nuit de Gethsemani. Essaisur la philosophic de Pascal» (Баранова-Шестова, 1983: 252). Переводчиком работы на французский был некий J. Exempliarsky. Возможно, это был российский консул в Париже – Яков Ильич Экземлярский (Л.И. Шестов. Pro et contra..., 2016: 655), однако точно личность переводящего в имеющихся исследованиях не установлена.

По словам дочери Л.И. Шестова Натальи Барановой-Шестовой, весь тираж книги составлял 4000 экземпляров и целиком был продан за один год. Больше никогда при жизни философа не было продано столько экземпляров за такой небольшой период времени (Баранова-Шестова, 1983: 256). На русском книга была опубликована позднее, в 1924 г., в русском эмиграционном журнале «Современные записки», издававшемся в Париже (Шестов, 1924: 176-206).

«Гефсиманская ночь» находит отклик как у российской, так и у зарубежной публики. Положительные и проникновенные отзывы оставили А. Бергсон и Л. Леви-Брюль, выраженные ими в личных письмах к русскому

мыслителю (Баранова-Шестова, 1983: 254). По мнению музыковеда, литературного критика и зятя Л.И. Шестова Г.Л. Ловцкого, среди множества книг, которые были выпущены по случаю трехсотлетия со дня рождения Б. Паскаля, работа Л.И. Шестова была наиболее оценена читателями и критиками (Л.И. Шестов. Pro et contra..., 2016: 346). Положительно оценивает книгу давняя подруга мыслителя В.Г. Малахьева-Мирович (Громова, 2021: 149). Друг философа Н.А. Бердяев неоднозначно оценивает его работу. С одной стороны, он признает высокое качество написания, но с другой – считает, что Шестову не хватает глубокого понимания религиозного опыта Паскаля, поскольку сам он не является христианином (Баранова-Шестова, 1983: 291).

Эпиграфом к «Гефсиманской ночи» Шестов выбирает следующие строки из «Мыслей о религии и других предметах» Паскаля: «Иисус будет в смертельных муках до конца мира: не должно спать в это время» (Шестов, 1975: 332). Такой эпиграф и название даны не случайно. Сделан акцент на том, как Паскаль понимает агонию Иисуса. Как верно заметил К.С. Корконосенко, «агония» для французского мыслителя – это не мучения Иисуса на кресте, а смущение и борьба в душе Иисуса. Такая агония – это не только прошлое, а еще и настоящее и будущее, ведь она будет длиться до конца мира (Корконосенко, 1990: 172). Л.И. Шестов писал своему другу М.О. Гершензону, что данное им название связано с тем, что главная мысль работы – это вопрос о том, почему агония Иисуса в Гефсиманском саду была столь мучительна и ему, в отличие от его учеников, не дано было спать (Баранова-Шестова, 1983: 275). Если агония Христа длится до конца мира, то человек и мир всегда существуют на грани, над зияющей бездной. Именно на таком «существовании на грани» в своих размышлениях о Паскале и делает акцент Шестов.

Свою рукопись мыслитель начинает с того, что рисует перед читателем гипотетическую ситуацию: однажды наступит момент, когда Б. Паскаль сможет ответить на исторический приговор. После смерти к французскому философу изредка прислушиваются, но в целом, он сброшен с широкой дороги истории. Паскаль ничего не может на это ответить, поскольку он мертв, а мертвые – молчат. Но возможно ли такое, что Паскаль когда-либо сможет ответить на приговор истории? Вдруг настанет момент, когда мертвые встанут рядом с нами и заговорят на равных? (Корконосенко, 1990: 322). Вероятно, Л.И. Шестов говорит здесь о воскрешении мертвых. Его интенция похожа на намерение другого русского философа – Н.Ф. Федорова и состоит в принципиальном нежелании примириться с окончательной гибелью даже одного человека. Однако, по словам самого Л.И. Шестова, философ-футуролог слишком верил в науку, в прогресс (Н.Ф. Федоров. Антология..., 2004: 715), у Шестова был другой путь. Первые абзацы статьи русского мыслителя задают тон всей дальнейшей работы и являют перед читателем излюбленный метод автора – «странствование по душам», заключающийся в прислушивании к отдельной душе, в уходе от оценочных суждений.

При «странствовании» по душе французского исследователя Шестов в первую очередь опирается на его незаконченное произведение «Мысли о религии и других предметах». Русский мыслитель полагает, что за дошедший до нас глас Паскаля мы должны быть благодарны тому обстоятельству, что автор не успел закончить свой труд, поскольку умер в 1662 г. Таким образом, творение Паскаля стало жить своей собственной жизнью: многочисленные редакторы и издатели пытались расположить фрагменты текста в казавшейся им правильной последовательности, возникали многочисленные разночтения;

некоторые издатели и вовсе публиковали одни фрагменты и игнорировали другие; а название произведения получило вовсе не то, что задумывалось его создателем. Как известно, Б. Паскаль планировал назвать свое произведение «Апологией христианства», и тогда, как отмечает русский мыслитель, текст рукописи опирался бы на разумные доводы, поскольку работа носила бы апологетические цели. Шестов пишет: «Когда Паскаль записывал свои *Pensées*, он забывал, что люди на земле думают, должны думать только для других. Но в апологии этого забывать нельзя» (Шестов, 1975: 342).

Другая работа французского мыслителя «Письма к провинциалу», состоящая из 18 писем полемического характера, упоминается Л.И. Шестовым лишь ввиду того, что в ней знаменитый француз прибегает к поддержке разума и здравого смысла (Шестов, 1975: 341). Как отмечал русский мыслитель, Б. Паскаль на протяжении своей жизни пытался освободиться от власти разума и перейти к сугубо экзистенциальной философии; но иногда, как и все люди – боялся его осуждения и трепетал перед ним (Шестов, 1975: 341). Тем не менее, как считает русский философ, в конце концов Паскалю удалось освободиться от господства над ним вечных истин. В результате французский мыслитель провозгласил идею, которая наиболее противоречит нашему разуму, состоящую в том, что человек не способен себя познать без признания за всем человечеством и лично за собой первородного греха.

Вышеприведенные слова определяют главную тему философских размышлений Б. Паскаля – проблему человеческого «Я». В своей работе о французском мыслителе Шестов ухватывает некоторую двойственность в его отношении к проблеме. Как известно, Б. Паскаль в «Мыслях» писал о ненависти к собственному «Я». В этом, как полагает Шестов, французский мыслитель

продолжил традицию античной философии. Вместе с тем до нас дошел «Мемориал» Паскаля, в котором он провозглашает свое стремление к личному и живому Богу. В «Мемориале» Паскаль обзвевает красоту и величие человеческой души. На этом основании русский мыслитель полагает, что в действительности Паскаль старался защитить живое человеческое «Я» от нематериальных и «вечных» истин. Шестов пишет: «Но кто, как Паскаль, в “понимании” видит начало смерти, и кто в борьбе со смертью видит свое призвание, может ли такой мыслитель ненавидеть Я?» (1975: 256). Противоречивость французского мыслителя относительно вопроса о человеке Шестов относит к своей и, как он считает, паскалевской теории знания, в которой речь идет о том, что Бог перед одним и тем же человеком то открывает истину, то скрывает ее. По мнению русского философа, Бог прячет от великого француза истину именно тогда, когда он проклинает человеческое «Я».

Для каждого христианина вопрос о человеке всегда восходит к идее о богочеловеке Иисусе Христе. Так было и для Паскаля. В своих «Мыслях» он пишет: «Смертные муки Иисуса Христа будут длиться до скончания мира – а потому все это время нельзя спать!» (Шестов, 1975: 235). Шестов в комментарии к этим строкам отмечает, что сказать такое можно, а вот может ли человек выполнить это? С точки зрения обычного человеческого рассудка – это безумие. Он указывает, что даже Петр не смог выполнить просьбу своего учителя. Русский мыслитель пишет: «Ап. Петр, когда воины схватили Его и повели к безжалостным палачам, все продолжал еще спать: ведь только во сне мог человек за одну ночь трижды отречься от Бога» (Шестов, 1975: 235).

Впрочем, Шестов совсем не противопоставляет в своей статье Иисуса и Петра. В одном из писем М.О. Гершензону русский мыслитель отмечает, что речь идет вовсе не о Петре, а о Христе: «И неужели

для Петра, который мог уснуть, обидно, если кто-нибудь вспомнит и о Иисусе, который тоже хотел уснуть (“да минет Меня чаша сия”), но которому уснуть не пришлось (“да будет воля Твоя”)? Мне кажется, что наоборот. Или еще лучше: что спящий Петр и неспящий Иисус не сталкиваются. Не сталкиваются даже тогда, когда Петр от Иисуса отрекается» (Баранова-Шестова, 1983: 274). К тому же, у Петра будет в жизни момент, когда он не сможет спать: он засыпает, когда Иисус просит его не спать; но тот же Петр будет распят на перевернутом кресте во время нероновских гонений. Однозначно, такую судьбу нельзя выбрать добровольно: Паскаль, Кьеркегор, Лютер – это фигуры, которых сама судьба столкнула с бездной и отчаянием. Как пишет Шестов: «В какой-то момент непостижимая сила толкнула его...» (Фокин, 2023: 256). Такие люди – своего рода избранники.

Б. Паскаль призывает людей не спать и быть в страданиях вместе с Христом, а русский мыслитель повторяет эти строки из работы в работу. Французский мыслитель это говорит, потому что ему открылась одна важная истина, поведавшая ему о том, что последний суд над человеком будет не на земле, а на небе. Эта идея была нестерпима как для самого гениального француза, так и для его дальнейших переводчиков и интерпретаторов. Видимо, эта мысль нестерпима для всех людей. Таким образом, взгляды Паскаля сделали его опасным для любых земных церквей. Шестов не считает французского мыслителя янсенистом, а тем более, не видит в нем католика или протестанта. Русский философ пишет: «Как я сказал уже, настоящий Паскаль, такой, каким он обнаруживается сейчас пред нами, для янсенистов, пожалуй, был страшнее, чем иезуиты и даже сам Пелагий» (Шестов, 1975: 327). Паскалевская настроенность была одинаково опасна как для католиков и протестантов, так и для янсенистов. Вероятно, здесь во французском мыслителе Л.И. Шестов видит своего двойника –

внеконфессионального мыслителя, стремящегося только к истине и Богу. Однако сложно сравнивать религиозность двух философов.

В «Гефсиманской ночи» Л.И. Шестов выразил вовсе не все свои соображения о философии Паскаля. В дальнейших работах русский мыслитель, словно мантры, повторяет паскалевские слова «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не Бог философов», «Иисус будет в смертных муках до конца мира, не должно спать в это время» (Паскаль, 1996: 23). Тем не менее, в последующих сочинениях русский мыслитель развивает идеи, которые были высказаны им в «Гефсиманской ночи», а также выражает новые мысли о фигуре Паскаля. Исследовательница русской мысли Н.К. Бонецкая отмечает, что Шестову было свойственно рассматривать мыслителей парами (Бонецкая, 2021: 35). В философии русского мыслителя часто вырисовываются пары похожих друг на друга философов, так называемых философов-«близнецов»; а также пары антагонистов. Одну из таких пар «близнецов» с Б. Паскалем составляет датский мыслитель Серен Кьеркегор

Для Шестова философия Кьеркегора и Паскаля – это прорыв свободного мышления, личной, экзистенциальной мысли (Баранова-Шестова, 1983: 92). Такая философия всегда начинается с серьезного потрясения. Датский мыслитель напишет, что убийство самоочевидностей – исток экзистенциальной философии. Русский философ комментирует эти строки: «Это исходный пункт того, что Кьеркегард впоследствии назовет экзистенциальной философией, которую он противопоставляет философии умозрительной, завещанной нам греками» (Шестов, 2017: 313). Помимо Кьеркегора и Паскаля, такими экзистенциальными мыслителями в книгах Л.И. Шестова выступают Д. Ареопагит, Тертуллиан, Ф. Ницше, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев. Таким образом, экзистенциальная мысль для

Л.И. Шестова не является лишь господствующим направлением философии XX в. Он, как и его многолетний друг, одновременно оппонент и единомышленник Н.А. Бердяев, полагает, что экзистенциальная философия существовала всегда. В работе «Самопознание» Бердяев пишет: «Всегда существовали философы, которые вкладывали в свою философию себя, то есть познающего как существующего» (Бердяев, 1998: 168). Таким образом, экзистенциальная философия начинается с личного опыта мыслителя, с его субъективных оценок происходящего; с тех жизненных потрясений, свидетелем и участником которых ему приходится быть. У Кьеркегора таким исключительно личным и потрясающим все существо был разрыв с Р. Олсен, у Паскаля – тяжелая болезнь и происшествие на мосту, у Фридриха Ницше – наблюдение за избиванием лошади в Турине. Все эти мыслители сталкиваются с бездной лицом к лицу. Именно таких философов выбирает для своих «странствований по душам» Шестов. Французский и датский мыслитель стремятся к одному Богу – к «Богу Авраама, Исаака, Иакова», а не к Богу ученых и философов. Кьеркегор и Паскаль полагают, что страдания Иисуса будут длиться вечно и поэтому «не надо спать». Оба мыслителя в течении своей жизни спорят с провозвестниками «Бога ученых и философов»: Б. Паскаль спорит с Р. Декартом, а С. Кьеркегор с Ф. Гегелем.

В «Болезни к смерти» датский философ пишет: «Верить – значит потерять разум, чтобы обрести Бога». В связи с этим Л.И. Шестов вспоминает загадочное паскалевское «поглупеете» (Шестов, 2017: 12). Кроме того, Паскаль пишет, что источник ересей – это вера в закон противоречия. Ереси возникают, когда человек не может поверить в существование противоречивых вещей (Паскаль, 1995: 242). Французский философ считает, что разум медлителен и часто сбивается с нужного пути из-за того,

что привык рассматривать любой вопрос под разными углами. Напротив того, чувство быстро и проворно и мгновенно отвечает на воздействие. Таким образом, Паскаль полагает, что в вопросах веры нужно опираться прежде всего не на разум, а на чувство (Паскаль, 1995: 148).

Л.И. Шестов полагает, что именно Паскаль и Кьеркегор призывают человека сбросить с себя власть разума, власть «Ничто» (Шестов, 1992:135). Власть «Ничто» для Шестова синонимична необходимости, неизбежности. Такие люди, которые задумываются о власти неизбежного, о власти «Ничто» над человеком в мире возникают крайне редко. В основном же, люди настолько боятся противостоять неизбежному, что даже не задумываются о его всепоглощающей власти. Таким образом, французский и датский философ становятся, в определенном смысле, исключительными во всей плеяде философов и мыслителей.

Еще одной парой, которая вырисовывается в работах Шестова, становятся Б. Паскаль и М. Лютер. Русский мыслитель полагает, что перед Паскалем и Лютером когда-то встал вопрос о существовании Бога и они ответили, что Бога – нет. После этого они с горечью узнали, что значит жизнь без Бога, и таким образом пришли к предпоследней или последней истине (Шестов, 1975: 164). Русский мыслитель всегда полагал, что началом настоящего бытия должно быть личное потрясение. Так, у Лютера и у Паскаля потрясение стало началом экзистенциальной, личной мысли. Шестов пишет: «Лютер, как и Паскаль, идет по прямой линии от Тертуллиана, отвергнувшего все наши *puet, ineptum, impossibile* (стыдно, нелепо, невозможно), и Петра Дамиани, дерзнувшего вслед за Св. Писанием в *cupiditas scientiae* (т. е. в жадном стремлении нашего разума к всеобщим и необходимым, т. е. столь же неумолимым, как Стикс, истинам) усмотреть источник всех ужасов на земле» (Шестов, 2017: 329).

Шестов никогда в своих работах не представляет мыслителей исключительно в паре – близнецов, схожих по духу; обычно у каждого философа есть и свой антагонист. Идейным противником Б. Паскаля стал его современник француз Р. Декарт.

У мыслителей противоречащие друг другу представления об истине, и именно это прокладывает непреодолимую бездну между ними. Р. Декарт в своей философии провозгласил стремление к ясным и отчетливым суждениям, а Б. Паскаль, наоборот, предполагал, что отчетливость и ясность убивают истину. Русский мыслитель полагает, что именно Декарт оставил свой отпечаток на широкой дороге истории, а наследие Паскаля сохранилось лишь случайно. Шестов настаивает на том, что философская мысль последнего прошла для истории незамеченной, осталась на ее обочине (Шестов, 1975: 300).

Помимо шестовского взгляда, существует и другая позиция относительно идейного конфликта между двумя современниками, которая нам кажется наиболее соответствующей реальному положению дел. Эта точка зрения была высказана еще одним известным французом, оставившим заметный след в философской мысли, – А. Бергсоном. Последний полагал, что Декарт и Паскаль стали представителями одинаково известных и почитаемых двух форм мышления, появившихся в Новое время. Бергсон пишет: «Если все тенденции новейшей философии сосуществуют в Декарте, то доминирует в них рационализм, как он будет доминировать в мышлении последующих веков. Но рядом или, точнее, с изнанки рационалистической тенденции другое течение пронизывает новейшую философию, которое часто рационализм прикрывает или даже скрывает. Его можно было бы назвать “чувственным”, при том условии, что мы будем понимать слово “чувствование” в том смысле, в каком оно использовалось в XVII столетии, то есть как непосредственное и интуитивное

познание... именно Паскаль ввел в философии определенную манеру мышления, которая не сводится к чистому разуму...» (Фокин, 2023: 115).

Согласно результатам проведенного исследования, можно видеть, что Л.И. Шестов в эмиграции глубоко и серьезно заинтересовался философией Б. Паскаля. Сочинение русского мыслителя «Гефсиманская ночь» тщательно продумано, а название и эпиграф не только дают приблизительно понять, о чем будет идти речь, но и отражают более глубокие размышления. Шестов не останавливается на одном сочинении, полностью посвященном фигуре Паскаля; впоследствии французский мыслитель становится для философа-эмигранта постоянным спутником.

В Паскале русский мыслитель отмечает прежде всего его антисциентистские, личностные, экзистенциальные идеи. Философия Паскаля, изложенная им в «Мыслях», местами выглядит неоднозначной, но русский мыслитель предпочитает считать «истинными» те взгляды французского философа, которые наиболее близки его собственной интеллектуальной позиции.

В привычной русскому философу манере он не только рассматривает взгляды самого Б. Паскаля, но и сравнивает его с близкими по духу мыслителями и с его идейными противниками. Каждый из них выступает словно зеркало для другого.

Очевидна и идейная близость самого Л.И. Шестова с французским мыслителем. Они похожи в своем чувстве зияющей бездны, и именно такой опыт открывает перед обоими пространство экзистенциального философствования. В своей работе Шестов замечает, что люди любят прочность, а Паскаль живет в неуверенности; люди ценят внутренний мир, а он находится в постоянной тревоге; люди гонятся за ясными и отчетливыми истинами и понятиями, а французский мыслитель смешивает все карты (Фокин,

2023: 335). Однако разве не тем же самым занят Шестов в своих произведениях?

Литература

Баранова-Шестова, Н.Л. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Том I. Paris.: Presse libre, 1983. 367 с.

Бердяев, Н.А. Самопознание. М.: Эксмо-Пресс, 1998. 620 с.

Бонецкая, Н. К. Письма о русском экзистенциализме. СПб.: Алетейя, 2021. 226 с.

Ворожихина, К.В. Лев Шестов и его французские последователи. М.: ИФРАН, 2016. 157 с.

Громова, Н.А. Потусторонний друг. История любви Льва Шестова и Варвары Малахеевой-Мирович в письмах и документах. М.: АСТ, 2021. 416 с.

Корконосенко, К.С. (Паскаль, Унамуно, Шестов: логика агонии) // Канун: Альманах. 1990. Вып. 5: Пограничное сознание. С. 472-500.

Л.И. Шестов. Pro et contra. Антология / сост., вступ. ст., коммент. Т.Г. Щедриной. СПб.: РХГА, 2016. 719 с.

Н.Ф. Федоров. Антология. Книга первая / вступ. ст., коммент. С.Г. Семеновской, А.Г. Грачевой. СПб.: РХГА, 2004. 1107 с.

Паскаль, Б. Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с.

Стрельцова, Г.Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. 495 с.

Тарасов, Б.Н. «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М.: Языки славянских культур, 2009. 896 с.

Фокин, С.Л. Гений кривомыслия: Рене Декарт и французская словесность Великого века. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 303 с.

Ширманов, Я.И. Проблема богоискательства Л.И. Шестова в контексте западной философии: Дис...канд. философских наук. Сургут, 2009. 178 с.

Шестов, Л.И. Гетсиманская ночь (Философия Паскаля) // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. 1924. № 19. С. 176-206.

Шестов, Л.И. На весах Иова: странствования по душам. Париж.: YMCA-press, 1975. 412 с.

Шестов, Л.И. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Проект-гнозис, 1992. 304 с.

Шестов, Л.И. Афины и Иерусалим. М.: Рипол Классик, 2017. 414 с.

References

Baranova-Shestova, N. L. (1983), *Zhizn Lva Shestova. Po perepiske i vospominaniyam sovremennikov. Tom I.* [Life of Lev Shestov. Based on correspondence and memoirs of contemporaries. Vol. 1], Presse libre, Paris, France (in Russ.).

Berdyayev, N. A. (1998), *Samopoznaniye* [Self-knowledge], Eksmo-Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Bonetskaya, N. K. (2021), *Pisma o russkom ekzistentsializme* [Letters on Russian existentialism], Aleteyya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Fokin, S. L. (2023), *Geniy krivomyслиya: Rene Dekart i frantsuzskaya slovesnost Velikogo veka* [The genius of crooked thinking: Rene Descartes and French literature of the Great Century], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Gromova, N. A. (2021), *Potustoronniy drug. Istoriya lyubvi Lva Shestova i Varvary Malakhiyevoy-Mirovich v pismakh i dokumentakh* [Otherworldly friend. The love story of Lev Shestov and Varvara Malakhieva-Mirovich in letters and documents], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Korkonosenko, K. S. (1990), “(Pascal, Unamuno, Shestov: the logic of agony)”, *Kanun: Almanakh*, 5, 472-500 (in Russ.).

L.I. Shestov. Pro et contra. Antologiya (2016), [L. I. Shestov. Pro et contra. Anthology], in Shchedrina, T. G. (ed.), SRKhGA, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

N.F. Fedorov. Antologiya. Kniga pervaya (2004), [N. F. Fedorov. Anthology. Book one], in Semenova, S. G. and Gracheva, A. G. (ed.), RKhGA, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Pascal, B. (2021), *Mysli* [Thoughts of Blaise Pascal], Izd-vo imeni Sabashnikovykh, Moscow, Russia (in Russ.).

Shestov, L. I. (1924), “The Night of Gethsemane (Philosophy of Pascal)”, *Contemporary Papers*, 19, 176-206 (in Russ.).

Shestov, L. I. (1975), *Na vesakh Iova: stranstvovaniya po dusham* [On the scales of Job:

soul-searching journeys], YMCA-press, Paris, France (in Russ.).

Shestov, L. I. (1992), *Kirkegard i ekzistentsialnaya filosofiya (Glas vopiyushchego v pustyne)* [Kierkegaard and existential philosophy. Voice in the wilderness], Proekt-gnozis, Moscow, Russia (in Russ.).

Shestov, L. I. (2017), *Afiny i Ierusalim* [Athens and Jerusalem], Ripol Klassik, Moscow, Russia (in Russ.).

Shirmanov, Ya. I. (2009), "The Problem of L. I. Shestov's God-seeking in the context of Western Philosophy", Abstract of Ph.D. dissertation, Department of Philosophy and Cultural Studies, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia.

Streltsova, G. Ya. (1994), *Paskal i evropeyskaya kultura* [Pascal and European culture], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Tarasov, B. N. (2009), «*Myslyashchiy trostnik*». *Zhizn i tvorchestvo Paskalya v vospriyatii russkikh filosofov i pisateley* ["The Thinking Reed". Pascal's life and work in the perception of Russian philosophers and writers], Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, Russia (in Russ.).

Vorozhikhina, K. V. (2016), *Lev Shestov i ego frantsuzskiye nasledovateli* [Leo Shestov and his French followers], IFRAN, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Степанова Ольга Игоревна, аспирант кафедры философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, ул. М. Пироговская, д. 1, г. Москва, 119435, Россия; 15101995ol@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Olga I. Stepanova, PhD Post-Graduate Student, Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russia; 15101995ol@gmail.com

УДК 008+82.091

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-4

Белогорцев А. Д. | Два этапа развития автофикшн

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; andrbelog@yandex.ru

Аннотация. В статье социально-литературное явление «автофикшн» рассматривается как непрерывный процесс, изучение которого требует систематизации уже существующих исследований и более внимательного изучения еще не завершеного этапа развития явления «автофикшн». Предлагается разделение истории развития автофикшн на два этапа: «жанровый» и «эго-документальный». Подробно разбирается «эго-документальный этап», а именно: определено, как изменения в восприятии автобиографии повлияли на автофикшн; определены приобретенные эго-документальные черты в автофикшн; рассматривается, как работают с автофикциональными произведениями исследователи эго-документов; высказано предположение о связи автофикшн и фотографии в контексте расширения формы автофикциональных произведений. Новизна исследования заключается в применении междисциплинарного подхода, благодаря которому становится возможным изучить причины изменения автофикшн. Исследование современного явления автофикшн обладает широкой областью применения, поскольку может быть использовано в области культурологии, социологии, филологии, психологии, философии и многих других. В результате исследования выявлено, что восприятие автофикшн в «жанровом» и «эго-документальном» этапах развития кардинально различается, что оправдывает разделение на этапы; определено направление на еще большее расширение понятия «автофикшн», которое касается как формы произведения, так и его содержания.

Ключевые слова: автофикшн; автофикциональная проза; эго-документ; современная литература; автобиография; культурная память

Для цитирования: Белогорцев А. Д. Два этапа развития автофикшн // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 162-170. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-4

A. D. Belogortsev | Two stages of autofiction development

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; andrbelog@yandex

Abstract. The article examines the socio-literary phenomenon of “auto-fiction” as a continuous process, the study of which requires systematization of existing research and a more careful study of those which are not yet completed on its new stage of development of the phenomenon of “auto-fiction”. The article proposes to divide the history of autofiction development into two stages: “genre” and “ego-documentary”. The “ego-documentary stage” is examined in detail: identifying how changes in the

perception of autobiography have influenced autofiction; identifying acquired ego-documentary features in autofiction; examining how ego-document researchers work with autofictional works; and suggesting the relationship between autofiction and photography in the context of the expanding form of autofictional works. The novelty of the study lies in the application of an interdisciplinary approach, thanks to which it becomes possible to study the reasons of changes in autofiction. This article is relevant due to the study of the modern phenomenon of autofiction and its wide field of application, since it can be used in the field of cultural studies, sociology, philology, psychology, philosophy and many others. The study shows that the perception of autofiction is radically different in the "genre" and "ego-documentary" stages of development, which justifies the division into stages; a direction for an even greater expansion of the concept of "autofiction", concerning both the form of the work and its content, is identified.

Keywords: autofiction; autofiction literature; ego document; modern literature; autobiography; cultural memory

For citation: Belogortsev A. D. (2024), "Two stages of autofiction development", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 162-170, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-4

Введение

До сих пор нет однозначного ответа, что такое «автофикшн». Социально-литературное явление преобразуется с такой скоростью, что представляется возможным зафиксировать лишь промежуточные этапы развития, которые бы отражали наиболее значимые события и исследования, которые, в свою очередь, рассказывают о причинах изменения автофикшн и о том, какие особенности были обнаружены в последних произведениях.

В данной статье предлагается посмотреть на историю развития автофикшн с помощью разделения на два этапа: «жанровый» и «эго-документальный». Большое внимание уделяется второму этапу, который еще не завершен, а потому нуждается в осмыслении и интерпретации.

«Жанровый» этап

В первом, «жанровом» этапе, автофикшн зародился как самостоятельное явление; здесь формируются первые художественные особенности, происходит первая попытка дать явлению научное обоснование и

вписать в историю этого явления первые имена. Речь идет о дискурсивном процессе между Сержем Дубровским и Венсаном Колонна, происходившем во Франции с 1977 года до 2000-х. Подробнее этот этап представлен в статье Маши Левиной-Паркер (Левина-Паркер, 2010). Выделим значимые события, которые сыграли главную роль в формировании автофикшн:

– В 1977 году французский писатель С. Дубровский в аннотации к своему роману «Сын» упоминает неологизм «автофикшн», «вымысел абсолютно достоверных событий и фактов, <...> доверивший язык авантюры авантюре языка, за пределами синтаксиса романа, будь то традиционного или нового» (Doubrovsky, 1977). Из цитаты видно, что Дубровский изначально отделяет автофикшн от романа, как классического, так и нового. В дальнейшем это отразится в его намерении отстаивать статус автофикшн как отдельного, самостоятельного жанра, особенностью которого стало единство автора, рассказчика и главного героя.

– В том же году С. Дубровский пишет письмо Ф. Лежёну, социологу литературы,

с комментарием к его эссе «Автобиографический пакт» (1975). В письме Дубровский упоминает, что в эссе отсутствуют примеры художественных произведений, в которых главным героем романа выступал бы реальный автор – именно эту клетку должен занять новоиспеченный «автофикшн». Опора на теоретические работы Лежёна позволяет рассмотреть вопрос о статусе автофикшна всерьез. С. Дубровский становится главным теоретиком автофикшна благодаря опубликованным статьям 1979 и 1980 годов, в которых Дубровский ссылается на свой же роман «Сын» и отмечает его фундаментальную новизну.

– В 1989 году в дискурс включается Венсан Колонна, защищая докторскую диссертацию, которая позже издана книгой с названием «Автофикшн и другие литературные мифомании». Венсан Колонна представляет автофикшн не как жанр, а как особый художественный прием. Он предлагает собственную классификацию произведений, которые можно назвать автофикшн, тем самым расширяя границы автофикшна до художественной литературы в целом. В этот список попадают Сартр, Роб Грийе, Пруст, Сервантес и даже Данте.

– В дальнейшем обсуждении статуса автофикшна участники делятся на «дубровистов», вставая на сторону С. Дубровского и отстаивая новизну автофикшна как литературного жанра, предлагая новые и новые жанровые особенности, которые можно зафиксировать, – либо «колоннистов», которые, подобно Венсану Колонна, расширяют понятие автофикшна до размеров художественной литературы как таковой. Среди участников, помимо уже упомянутых, можно выделить такие имена как Жерар Женетт, Клод Арно, Жак Лекарм, Режиан Робан, Мари Дариосек и другие (Левина-Паркер, 2010).

Первый этап дискурса вокруг автофикшна так и не смог ответить ни на вопрос «что есть автофикшн», ни на вопрос

«какие произведения являются автофикшн». Четких границ жанра определить не удалось, как и повторяющихся художественных приемов, использование которых означало бы безоговорочное отношение произведения к автофикшн. Дискурс не закончился, но медленно сходил на нет: все больше исследователей сходилось на том, что обсуждение зашло в тупик и продолжать его не имеет смысла.

«Эго-документальный» этап

На этом начинается новый этап, «эго-документальный», старт которого условно можно отнести к 2000-м годам и который продолжается до сих пор. Несмотря на неоднозначный статус автофикшна, произведения, в которых автобиографическая часть важна в той же степени, что и художественная, продолжили появляться. Автофикшн адаптировался к новой издательской политике и нашел огромный отклик у читателей. Однако то, что подразумевалось под «автофикшн» ранее, и то, что создается под тем же названием сейчас, имеет гораздо больше различий, нежели сходств. Изменения, прежде всего социально-культурные, которые произошли в XXI веке, в совокупности повлияли и на развитие автофикшна. Мы считаем необходимым зафиксировать эти изменения и выделить их в отдельный этап развития.

Одной из причин появления «эго-документального» этапа можно назвать начавшуюся эпоху глобализации и цифровизации. Из Франции автофикшн начал проникать и распространяться в другие страны, культуры, и вместе с тем видоизменяться. Исследования, проведенные в «эго-документальном» этапе развития автофикшна, могут говорить нам о том, какие изменения претерпел автофикшн С. Дубровского и каким он дошел до наших дней. Им дан подробный анализ такими исследователями, как Рикард Мэн, Мелисса Шух, Хайвел Дикс, Хелле Эгендаль, Юстина Вероника Каша в сборнике под редакцией А. Эффе и

Х. Лоулор (The autofictional, 2022: 101, 185, 141, 247, 227, 161). Приведем основные тезисы «эго-документального» этапа развития автофикшн:

– Разграничение терминологии. Рикарда Мэн и Мелисса Шух предложили употреблять прилагательное «автофикциональный» или словосочетание «автофикциональная проза», когда мы говорим о некоторых автофикциональных элементах в произведении, а термин «автофикшн» оставить для случаев, когда мы говорим об автофикшн как о социально-литературном явлении, в котором вопрос о пропорциональной составляющей биографического / художественного не имеет принципиального значения. Этим объясняется тот факт, что слово «автофикциональный» чаще употребляется в научных статьях, а упрощенное «автофикшн» встречается на прилавках книжных магазинах и обзорах в социальных сетях.

– От индивидуального к коллективному. Хайвел Дикс предлагает углубиться в содержание автофикциональных произведений, изучая романы в контексте культурной памяти. Он исследует, как авторы, рассказывая свои собственные истории, участвуют в повествовании более широких историй и культурной борьбы в целом. Для него автофикшн-произведения – это способ изучить, как одним историческим личностям и событиям придается большее значение, чем другим. Хелле Эгендаль в похожем ключе изучает автофикциональные произведения авторов из постколониальных стран, которые поднимают проблемы языка, национальности и самоидентификации. Автофикшн действительно позволяет поднять проблемы, которые раньше считались табуированными или неудобными. Подобно тому, как в странах Африки актуальны темы колонизации, в России самым популярным автором автофикшн становится Оксана Васякина: в трилогии, куда вошли романы «Рана»,

«Степь» и «Роза», она поднимает вопросы сексуальной ориентации, социальной роли женщины, неполных семей и многих других тем, которые были недоступны для обсуждения предыдущими поколениями. Повышенный интерес к вопросам самоидентификации связан с появлением интернета, который позволил создавать личные блоги, высказываться любому желающему и легче найти свою аудиторию. Кроме того, видоизменились СМИ, были оцифрованы и опубликованы личные дневники прошлых поколений, а поисковые системы выдавали ответы на любой вопрос, который появлялся по мере насыщения информацией.

– Культурные традиции. Автофикшн разных стран отличается друг от друга, поскольку новое социально-литературное явление ложится на предыдущий исторический опыт культуры: так Юстина Вероника Каша исследует японский жанр «Ватакуси Сёсэцу», который дословно переводится как «эгобеллетристика», и сравнивает его с современным автофикшн. Сложность заключается в уникальном использовании местоимения «я» в японском языке, которое не позволяет переводить зарубежные автофикциональные произведения достаточно точно. В России «дедушкой» автофикшн можно назвать жанр «житие». Впрочем, есть и универсальные для всех стран прародители жанра автофикшн. Таковыми являются, например, дневники.

– Поиск формы. Если раньше автофикшн хотел закрепиться как жанр художественной литературы, то сейчас он выходит за пределы литературы в целом: Анна Форне и Патрисия Лопес-Гай изучают автофикциональные произведения в кино, а Бонгл Тау нашла применение автофикшн в фотографии.

Новый взгляд на автобиографию

Главное отличие второго этапа заключается в изменении восприятия автофикшн. Если на «жанровом» этапе пытались разобраться с вопросом «что такое автофикшн», то в «эго-

документальном» произошло смещение акцентов с вопросов жанра и попыток разделить биографическое и художественное – на содержание; то есть, главный вопрос «эго-документального» этапа можно было бы сформулировать так: «о чем нам могут сообщить автофикциональные произведения».

Эти изменения восприятия связаны не столько с самим явлением автофикшна, сколько с автобиографическими текстами в целом, и, как следствие, той части автофикшна, которая отвечает за «авто-». Юрий Зарецкий, историк культуры, собрал их в статье (Зарецкий, 2012). Одно из таких изменений – излюбленный литературоведами термин «субъект» стал пониматься «не столько как агент действия, сколько как изменчивый результат влияния властных отношений» (Зарецкий, 2012: 378). Роль контекста значительно увеличилась, и на этом делают акцент огромное количество исследователей автобиографических текстов, указанных в статье Ю. Зарецкого:

«Индивидуальная личность стала теперь все чаще рассматриваться как результат действия определенных исторически изменчивых властных отношений в обществе, превратившись в некое разомкнутое единство, зависимое от морали, закона и трактуемое через такие понятия, как суверенность, права, рациональность, ответственность, умственное здоровье, сексуальность» (Зарецкий, 2012: 379).

«Вместо поисков исторических форм онтологического субъекта, теперь следовало осмысливать то, как субъект обретает конкретную форму через артикуляцию неопределенности в специфических социальных и исторических контекстах» – приводит Ю. Зарецкий ссылку на М. Фуко (там же).

Внимание исследователя автобиографического свидетельства должно концентрироваться «на времени, в

котором писали авторы, а не на времени, о котором они писали» – провозглашает теоретико-методологическое кредо новых исследователей Г. Янке (Зарецкий, 2012: 392). Юрий Зарецкий упоминает проект Берлинского свободного университета «Рассказы о себе в транскультурной перспективе» (Зарецкий, 2012: 387-390), задачей которого стало рассмотрение автобиографических свидетельств в тех историко-культурных контекстах, в которых они появлялись и функционировали. Исследователи пришли к тому же выводу: это возможно только с помощью переноса внимания с индивида на отношения: «Если отказаться от вопроса об индивиде как о точке отсчета, изменятся вопросы, а вместе с этим и ответы» (там же).

Эти утверждения применимы и к автофикшну. Смещение акцентов на события, описанные в тексте, вынуждают узнавать больше информации об авторе и его личном «контексте». Вымышленный герой, даже помещенный в историческую эпоху, лишен контекста реального; вырвать персонажа из художественного контекста не представляется возможным, но вполне реально изучить контекст жизни автора, подобно тому, как, рассматривая открытку или читая дневники, мы хотим знать, в какое время жил человек, в какой стране, в какой обстановке (прежде всего политической) писал человек, которому принадлежит эго-документ. Вот почему важно знать национальность автора, который пишет про постколониальные страны или обстоятельства смерти Сильвии Плат, автора романа «Под стеклянным колпаком», который многие исследователи считают автофикциональным. Автофикшн все больше и больше тяготеет к эго-документам, однако не сливается с ними, поскольку все еще представляет интерес как самостоятельное художественное произведение. Было бы точнее сказать, что

помимо художественных черт, автофикшн приобретает черты эго-документальные.

Как работают с автофикшн исследователи эго-документов

Интерес для исследователей представляет не только (и не столько) биография автора, сколько содержание произведения, однако нам мешают парадоксальные «автобиографический» и «романный» пакты, придуманные Филиппом Лежёном, который негласно заключают между собой читатель и автор. «Автобиографический» пакт подразумевает, что описанные события являются достоверными (по мнению автора), а «романный» пакт означает, что всё, написанное в произведении, является художественным вымыслом (Lejeune, 1975). На «жанровом» этапе была попытка строго разграничить эпизоды на вымышленные или автобиографические, однако эта попытка не увенчалась успехом: произведение автофикшн оставалось цельным, поэтому отдельные эпизоды из художественного произведения невозможно было интерпретировать в качестве фактов. Справедливо можно заметить, что художественный вымысел мешает автофикшн стать эго-документом, однако это приводит нас к разговору о том, что представляет из себя автофикциональное произведение сейчас.

Бесфабульные произведения, коими является автофикциональная проза, нуждаются в художественном обрамлении; в отличие от дневников, целью которых является последовательная, зачастую датированная документация событий, в центре романа автофикшн чаще всего оказывается психологическое состояние или состояния, раскрытие которых является главной задачей художественного произведения. Автор пытается рассказать, что чувствует человек, который болеет за футбольный клуб («Есть вещи поважнее футбола» Дмитрия Данилова, переживает

смерть своего отца («Детство» Карла Уве Кнаусгора), испытывает на себе подростковый бунт («Конец света, моя любовь» Аллы Горбуновой) и так далее. Нельзя сказать, что книги только об этом, однако именно такие чувства составляют основу произведений автофикшн. Используя «автобиографический» пакт, мы можем утверждать, что эти чувства существовали на самом деле и являлись неким толчком к написанию художественного произведения. Чтобы достаточно четко охарактеризовать этот импульс, придется снова обратиться к эго-документам.

В. Беньямин критикует линейную форму восприятия истории. Он предлагает рассматривать историю как набор фрагментов, которые могут быть переосмыслены и переработаны в современном контексте: «летописец, повествующий о событиях, не различая их на великие и малые, отдает тем самым дань истине» (этому же принципу следует уже упомянутый Хайвел Дикс, изучая культурное прошлое по автофикциональным произведениям).

Фрагменты, которые берет за основу Беньямин, не являются случайными, ведь немецкий философ пишет о том, как они создаются: в один из напряженных моментов насыщенной ситуации мышление замирает, что вызывает эффект шока – так мышление превращается в монаду, которую может исследовать историк. Такая «монада» может материализоваться в виде дневниковой записи или стать тем самым «импульсом» для произведения автофикшн.

Продолжая мысль о роли таких фрагментов в истории, В. Беньямин высказывает мысль о том, что историю пишут угнетенные; «традиция угнетенных учит нас, что переживаемое нами “чрезвычайное положение” — не исключение, а правило» (Беньямин, 2012: 241). В таком случае появление огромного

количества автофикциональных текстов можно интерпретировать так, что сейчас мы переживаем один из таких исторических моментов, который порождает эффект шока и заставляет кристаллизовать мысль в произведение автофикшна. Наличие ранее табуированных тем в произведениях автофикшна становится оправданным, поскольку совпадает с задачей: зафиксировать «монаду» (или «импульс»).

Собирая по кусочкам истории «угнетенных», можно вписать автофикциональные истории в общеисторический контекст и соотнести их с официальным нарративом, определяющим национальную память. Исследование автофикшна в таком ключе снова совпадает с задачей исследования эго-документов: «не только и не столько выявление подлинных, объективных событий прошлого, сколько обращение к субъектности (agency) и субъективности автора, т.е. его целеполаганию и действиям, а также мировоззрению и восприятию объективной реальности» (Голубинов, 2019: 3), что ещё раз подтверждает более глубокую связь автофикшна с эго-документами.

Связь автофикшна и фотографии

Видоизменения автофикшна коснулись и формы, появляются автофикциональные произведения, связанные с фотографией. Такими может быть «литературный автопортрет», когда в автофикциональное повествование вставляются фотографии из жизни автора, усиливая присутствие автора в тексте («Ролан Барт о Ролане Барте») или «автопортрет» в виде фотографий, на которых используются предметы, связанные с самоидентификацией, чтобы создать иллюзию реальности, как это делает Бонтл Тау (The autofictional, 2022: 161). На наш взгляд, на снимках не обязательно присутствовать автору, чтобы считать фотографию автобиографичной, а

связь фотографии и автофикшна гораздо более тесная, чем казалось ранее.

В эссе «Camera lucida» Ролан Барт пишет о том, что фотоснимок может быть предметом трех способов интенции: «его делают, претерпевают и разглядывают». Получается некое триединство, объединенное одним произведением. Автофикциональное триединство автор-рассказчик-герой вписывается в Бартовское восприятие фотографии: автор создает произведение (первый случай), в качестве рассказчика он испытывает опыт разглядывающего субъекта (третий случай), и в качестве героя можно пережить опыт разглядываемого субъекта (второй случай).

Замершее мышление, которое Беньямин обозначил как монаду, а мы интерпретировали как импульс для создания произведения, Барт пытается передать с помощью метафоры видеоискателя: «Я могу предложить, что эмоция Operator'a (а следовательно и сущность Фотографии-с-точки-зрения-Фотографа) состоит в некотором отношении с “маленьким отверстием” (sténopé), в которое он смотрит, ограничивая, кадрируя и определяя перспективу того, что он хочет “уловить” (застать врасплох)» (Барт, 2021: 5). Эго-документальность и фотографии, и автофикшна, состоит с одной стороны, в первоначальной эмоции, а с другой стороны, в самом изображении. И там, и там будет изображена существующая реальность («автобиографический пакт» в случае автофикшна), но эта реальность может быть изменена до неузнаваемости («романный» пакт). Так в 1840-х годах фотограф Фокс Тальбот догадался фотографировать крылья бабочки в увеличении: который попал в кадр, соответствовал реальности, но не мог быть идентифицирован глазом как бабочка, превращаясь в абстрактные узоры.

Тесное объединение правды и вымысла в автофикциональных произведениях, изображающего и изображаемого, точнее всего передает рекламный слоган камеры Minolta 1976 года, который звучал так: «Трудно сказать, где кончаетесь вы и начинается камера» (Сонтаг, 2013: 241).

В знаменитом эссе Сюзен Сонтаг «О фотографии» есть немало пересечений с позициями Вольтера Беньямина и Хайвела Дикса. Возвращаясь к теории Беньямина, что история состоит из случайных фрагментов, Сонтаг могла бы добавить: «Фотографические изображения – не столько высказывания о мире, сколько его части, миниатюры реальности, которые может изготовить или приобрести любой» (Сонтаг, 2013: 13-14). С одной стороны, Сонтаг указывает на фрагментарность, с другой стороны – на доступность, то есть, на ту самую «монаду», которую может познать историк.

Сонтаг обращает внимание на взаимоотношение фотографа и окружающего мира и приходит к идее «замерзшего сознания» через более уверенное чувство присвоения: «Сфотографировать – значит присвоить фотографируемое. А это значит поставить себя в некие отношения с миром, которые ощущаются как знание, а следовательно, как сила» (Сонтаг, 2013: 13). Поскольку присвоение мира Сонтаг связывает со знанием и силой, а до этого говорит про фрагментарность фотографии, мы снова вспоминаем слова об истории как о наборе случайных фрагментов.

Не может обойти стороной Сонтаг и тему «угнетенных». Сонтаг пишет следующее: «Фотография предоставляет свидетельства. О чем-то мы слышали, однако сомневаемся – но, если нам покажут фотографию, это будет подтверждением» (Сонтаг, 2013: 15). Табуированные темы, которые поднимают автофикциональные

произведения, и есть сомнения, которые нуждается в подтверждении. Роль верификатора может брать на себя как фотография, которая дает представление о том, как выглядело прошлое, так и автофикциональный роман. Общие черты фотографии и автофикшна снова отсылают нас к чертам эго-документов.

Выводы

Если на «жанровом» этапе развития автофикшна Венсан Колонна размыл определение «автофикшна» до понятия художественной литературы, то «эго-документальный» этап пошел еще дальше и расширил автофикшн до невероятно обширного понятия искусства в целом. В статье рассмотрены некоторые эго-документальные черты, которые приобретает автофикшн: перенос внимания с индивидуального на коллективное; наличие «импульса», одинакового и для дневника, и для художественного произведения; изменение концептуальной основы автофикшна, которая сближает художественную литературу с фотографией.

Литература

Барт, Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии / пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 192 с.

Беньямин, В. Учение о подобию. Медиаэстетические произведения. Сб. статей / пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова и др. М.: РГГУ, 2012. 288 с.

Голубинов, Я.А. Эго-документы как способ конструирования личной и семейной истории: случай Петра и Михаила Герасимовых // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 12. С. 1-9.

Зарецкий, Ю. История субъективности и история автобиографии // *Новое литературное обозрение*, 2012. № 83. С. 369-393.

Левина-Паркер, М. Введение в самосочинение: autofiction // *Новое литературное обозрение*, 2010. № 3. С. 12-40.

Сонтаг, С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.

Dobrovsky, S. *Fils*. Paris: Editions Galilee, 1977. 469 p.

Lejeune, P. *Le Pacte autobiographique*. Paris: Seuil, 1975. 357 p.

The autofictional. Approaches, affordances, forms / ed. by A. Effe, H. Lawlor. Switzerland: Palgrave Mackmillan, 2022. 338 c.

References

Bart, R. (2021), *Camera lucida. Kommentariy k fotografii* [Camera lucida. Comment on the photo], Translated by Ryklin, M., Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Benjamin, W. (2012), *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya* [The doctrine of similarity. Media aesthetic works], Translated from German by Boldyrev, I., Belobratov, A. and others, RSHU, Moscow, Russia (in Russ.).

Dobrovsky, S. (1977), *Fils*, Galilée, Paris, France (in French).

Effe, A. and Lawlor, H. (ed.) (2022), *The autofictional. Approaches, affordances, forms*, Palgrave Mackmillan, Switzerland.

Golubinov, J. A. (2019), "Ego-documents as a way to construct personal and family stories: Peter and Mikhail Gerasimov's case", *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 12, 1-9 (in Russ.).

Lejeune, P. (1975) *Le pacte autobiographique*, Seuil, Paris, France (in French).

Levina-Parker, M. (2010), "Introduction to Self-Composition", *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3, 12-40 (in Russ.).

Sontag, S. (2013), *O fotografii* [About Photography], Translated by Golyshev, V., Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Zarecky, Yu. (2012) "The history of subjectivity and the history of autobiography", *Novoe literaturnoe obozrenie*, 83, 369-393 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Белогорцев Андрей Денисович, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; andrbelog@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Andrey D. Belogortsev, Post-Graduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; andrbelog@yandex.ru

УДК 091

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-5

Унукаев Г. А.

**Мировоззренческий статус фэнтези:
историко-философский аспект**

Московский педагогический государственный университет,
ул. Малая Пироговская, д. 1, Москва, 119435, Россия; zzogark@gmail.com

Аннотация. В статье обосновывается необходимость и значимость анализа феномена фэнтези, поскольку он имеет глубокую историческую основу и подтекст, а также оказывает колоссальное влияние на современного индивида и общество в целом. Структура воздействия мифологии на человека и трансляцию культуры, по мнению автора, тесно связана с природой творчества и социальной адаптацией, что продемонстрировано на примерах античных и скандинавских мифов. Показывается, что развитие и становление фэнтези как части культуры проходит под эгидой смысловых каркасов именно этих исторических явлений и процессов, но не ограничивается ими, впитывая в себя открытую заново романтику Средних веков и воздействие предшествующего жанра фантастики. Дух времени требует ревизии аксиологического базиса современного человека, а в качестве фундамента современности выступает творческий функционал смыслов прошлого. Это также позволяет говорить о тесной связи фэнтези с процессами солидаризации индивидов, их становлением в качестве социальных субъектов. Автор приходит к выводу, что фэнтези – новый ответ, утешение и благо, стоящее на мифе, сказке и романтике средневековья.

Ключевые слова: дух времени; творчество; мифология; фэнтези; смыслы

Для цитирования: Унукаев Г. А. Мировоззренческий статус фэнтези: историко-философский аспект // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 171-179. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-5

G. A. Unukaev

**The ideological status of fantasy:
historical and philosophical aspects**

Moscow Pedagogical State University,
1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russia; zzogark@gmail.com

Abstract. The author examines the influence of the phenomenon of fantasy on individuals and society through the lens of its historical emergence and development. The author argues for the necessity and importance of analysing this phenomenon, as it has deep historical roots and context, and has a profound impact on contemporary individuals and society as a whole. The structure of mythology's influence on people and the transmission of culture is, according to the author, closely linked to the nature of creativity and social adaptation, as demonstrated by examples from both ancient and

Norse myths. The author shows that the development and formation of fantasy as a part of culture takes place within, but is not limited to, these historical events and processes. Fantasy absorbs the rediscovered romance of the Middle Ages and the influence of the preceding genre of science fiction. The spirit of the age demands a revision of the axiological foundations of modern humanity, based on the creative functionality of past meanings. This allows for a discussion of the close connection between fantasy and the processes of individual development and solidarity, as well as the formation of the individual as a subject. The author concludes that fantasy is a new response, a consolation and a benefit rooted in myth, fairy tales and medieval romance.

Keywords: spirit of the times; creativity; mythology; fantasy; meanings

For citation: Unukaev G. A. (2024), "The ideological status of fantasy: historical and philosophical aspects", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 171-179, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-1-5

Когда мы занимаемся анализом современных явлений и процессов, сопровождающих человечество в его движении по историческому и ценностно-смысловому путям, то необходимо обращать внимание не только на конкретные явления, но и на их динамику, смену, вариации и отражения в духе времени. Это связано с философией сферы смыслов общества и индивидуумов, а также с элементами познания в социально-культурных рамках. Если в какой-то из переменных составляющих современных событий, обстоятельств и явлений происходят изменения, сдвиги и культурные перемены, то это должно рассматриваться неотрывно от положения человеческой личности в этих условиях, аксиологического наполнения. Все здесь представляется пронизанным исторической значимостью. По О. Шпенглеру, складывающееся положение вещей, дух и культура – организм, наполненный взаимосвязанными результатами, творчеством в истории (Шпенглер, 1993: 128). Следовательно, рассматривая человека в современности, его идентификацию, возможности и особенности, необходимо анализировать не только то, что было создано его интеллектуальными и обусловленными необходимостью действиями, но и воздействия на него в складывающихся

условиях. Возникает справедливый вопрос: как определить, что именно представляет интерес и имеет значимость среди влияющих на людей феноменов?

Ответом на этот вопрос стоит считать явления, носящие массовый характер (поскольку господствующей системой передачи смыслов является массовая культура), охватывающие больший спектр сфер жизни и влияющие на самоопределение человека. Одним из таких явлений представляется феномен фэнтези. Обычно его влияние не рассматривается, подпадая под характерную косу интеллектуального снобизма исследователей общества и культуры, однако современная динамика, смысловой охват и результаты воздействия постепенно приводят к осознанию необходимости уделить внимание его анализу.

Что же такое фэнтези? Это часть современной культуры, творчества, некогда относимая к фантастике, основанная на интерпретации, адаптации и переосмыслении сказочных, мифологических, а также относящихся к эпосу мотивов. Е.Н. Ковтун дает такое определение: «Фэнтези – литература, в пространстве которой возникает эффект чудесного; в ней присутствуют в качестве основного и неустраняемого элемента сверхъестественные или невозможные миры, персонажи и объекты, с которыми

герои и читатель оказываются в более или менее тесных отношениях» (Ковтун, 2008: 78). Феномен фэнтези проявляет себя не только в литературе, он охватывает широкий круг компьютерных игр, кинематографа, музыки, изобразительного искусства и пр. С течением времени данное явление переживает переход от спорадических возникновений в культуре к устойчивому статусу транслятора идей и интенций.

Его воздействие на людей реализуется через создание возможностей к творчеству, объединению, самореализации и идентификации. Важно то, что фэнтези является особым жанром, генерирующим для многих людей новые смыслы, взгляды и выводы касательно реального мира, исторических событий. Словом, это организм, олицетворяющий современность и положение человека в ней, преломляющий события в некий механизм восприятия мира. Чтобы понять, каким образом фэнтези приобрело такой спектр воздействия, необходимо рассмотреть процесс его становления в философский контексте.

Основы следует искать в мифологии. Поскольку фэнтези является продуктом, возникшим на европейской почве, то стоит начинать рассмотрение с мифов Древней Греции. В сухом остатке, именно эта эпоха характеризуется началом слияния жизни и деяний героев, богов и различных существ, выходящих за пределы повседневного. В это время человек начинает осознавать, что он – часть мироздания. Его стремления, желания и интенции такие же реальные, как и оные у богов и героев. Он может чувствовать страсть, ненависть и любовь, не различая их в своем сознании с теми же ощущениями, которые испытывал, к примеру, Беллерофонт, который, побеждая Химеру, представлял пример, дающий людям надежду и вдохновение. Одиссей, совершая свое знаменитое возвращение на Итаку, встречает на своем пути невообразимых существ, нимф, проходит испытания. В сущности, его подвиги и

похождения дают осознание того, как делать можно и нельзя, являются неким моральным ориентиром. Однако то странное, то возвышенное, что обрамляло жизнь Одиссея, не только расширяло представление о реальности человека античности, но и было для него возможностью реализовать свой потенциал. Тайна и загадка не вызывали противоречия человеческой идентичности, но подталкивали к действию. А установка на вымысел, которую заметила Т. Чернышева, сохранилась (Чернышева, 1984).

Далее надо вспомнить скандинавскую мифологию, известную нам, в основе своей, по «Старшей» и «Младшей Эдде», имеющую поэтическую структуру. Одним из источников, питающих фэнтези, также является Иггдрасиль, мировое древо, пронизывающее разные планы бытия, несомненно существующее, в представлении скандинавов былых времен. Деяния Одина, отдавшего глаз, приколотого на девять дней к дереву ради великой мудрости, в образе ворона возвращавшегося с полным клювом волшебного меда, подвиги Тора – к ним обращались люди не только в молитве, но и в делах. Плавая по волнам, наблюдая удары молний и раскаты грома, для них естественно было понимание того, что это рыжебородый Тор бьет Мьелниром, а в набеге именно представления о Вальхалле побуждали человека идти в бой. Различные артефакты, присущие божествам – каждый снова станет юн, скушав яблочко Идунн; Драупнир, выкованный Синдри и Брокком; волосы Сиф, – всё это остранило мир, но не выбивалось из естественного восприятия реальности. Например, «Песнь о Трюме», входящая в «Старшую Эдду», представляет нам вариант песни космогонии, которая описывает миф самого творения. Актуальное состояние вселенной в мифопоэтическом мышлении связывается воедино с ее происхождением, как следствие с причиной: то, что порождается в процессе создания, построения космоса,

представляет собой его часть. Все, что включено в космос, возникает в процессе его становления. Данная космогоническая песня основывается на постоянном возвращении к тому моменту, который является примером, образцом того, как все воспроизводится уже просто потому, что этот момент имел место в самом начале. Для сознания эпохи древности, мифического и мифопоэтического, характерно относиться к тому самому моменту начала, некоего первостепенного события постольку, поскольку он есть основа всего, это творение исходного, к которому можно применять любые условия и изменения бытийной структуры. Т.В. Топорова характеризует это «созиданием элементов мироздания, космических и культурных объектов, людей» (Топорова, 2017: 57).

Безусловно, этими примерами не исчерпывается то, что перенимает фэнтези у мифа, на чем основывается как жанр: карело-финские мифы, англо-саксонские и другие много значат для него. Однако суть заключается в том, что соотнесение, казалось бы, сверхъестественного, сакрального и реальной жизни составляет ядро фэнтезийной структуры. В произведениях этого жанра герои, жители определенной вымышленной вселенной, существуют в рамках современного «волшебного». Для них это реальность. И это выражается в нашем мире, как заметит С. Полтавский, говоря о том, что природа фантазии в «большой народной мечте» и «древних мифах» (Полтавский, 1955: 130).

Выделяя основы фэнтези, мы приходим и к эпосу и рыцарским романам. Большинство исследователей, а также некоторые авторы делают акцент на артурианы. Для них это стержень фэнтези (Демина, 2015: 69). Произведения от «Килуха и Олвена» до «Смерти Артура» Т. Мэлори дают представление о структуре поведения героев, моделях действия королей и рыцарей. Малому количеству повестей и историй удалось сделать такую головокружительную карьеру, как циклу о

короле Артуре (Сапковский, 2002: 6). Отголоски вызванного культурного резонанса не утихают до сих пор, несмотря на прошедшие четырнадцать веков. Dux bellorum, Артур и его личность становится прототипом целой плеяды фэнтези-героев, таких, например, как Арагорн у Дж. Толкина, Нед Старк у Дж. Мартина и др. (<https://facetia.ru/node/3694>). Мерлин олицетворяет собой могущественного волшебника, черты которого угадываются в Альбусе Дамблдоре Дж. Роулинг, в некоторых магах «Саги о ведьмаке» А. Сапковского, Гэндальфе Сером, Медиве из серии Warcraft. Особый меч, артефакт Экскалибур, обладает своими аналогами в фэнтези-произведениях – Нарсиль/Андуриль, мечи, подаренные Асланом, героем произведений К. Льюиса, Ледяная скорбь из мира Warcraft. Легенды о прекрасном и развитом королевстве исходят не только из Платоновской Атлантиды, но и из Лайонесс, сказочного королевства Корнуолла. Произведения о рыцарях, королях и героях, эпическая литература, распространенная в Европе средних веков («Роман о Тристане» (ок. 1230), «Персеваль или Повесть о Граале» (Кретьен де Труа, 1181-1191), «Роман о Бруте» (Вас, 1155) и др.), представляет собой, с одной стороны, продукт слияния магии и мифа, с другой – первый в западной литературе образец индивидуального творчества, не являясь при этом религиозной литературой. М.М. Бахтин писал, что рыцарские романы представляют собой чудесный мир в авантюрном времени. Средние века являются нам светлыми, полными чести и достоинства. При этом сохраняется смысл, четкость и вера в этический идеал (Бахтин, 1975: 301).

Эта «понятность» перенимается фэнтези, составляет его неотъемлемую часть. Если мы возьмем почти любое фэнтези-произведение, мы наткнемся на некий закон, который представляет собой основу существования конкретной вселенной: герои понимают и ощущают,

что их действия и поступки будут определенно иметь последствия, у них есть ответственность, но и отклик реальности имеет место. Причинность у всего сохранна. К примеру, если взять один из столпов постмодернистского темного фэнтези «Сагу о Ведьмаке», мы будем сперва ощущать, что в рамках описанного мира господствует моральный релятивизм. Экзистенциальный кризис, казалось бы, накрывает представителей всех социальных слоев. У них есть тяготы, проблемы, их мучают сложные смысловые и бытовые выборы. Однако, следуя логике героев, мы будем видеть, как реальность имеет четко очерченные последствия выборов, совершенных Геральтом, Йеннифэр, Цири и другими. Это не представлено на телеологическом уровне внутри повествования, но герои, принимая решения, не закрываются от мира, поскольку глобальная структура вымышленного мира отвечает им раз за разом. Данный пункт очень важен для фэнтези, он дополняет мифологическую основу с ее наполненностью традицией, правилами поведения, этикой и потенциалом.

Влияние античности, романтический аспект средних веков и в целом пост-мифотворческое сознание аккумулируются особым образом в XIX веке. Идея модерна, пронесенная из эпохи Возрождения, начинает влиять на все большее количество социальных элементов. Мысль о том, что завтра будет лучше, чем вчера, конечно, за счет научных открытий и рационального движения вперед, однако оборачивается и ощущением общей потерянности. Чем больше распространяется образование, тем яснее эта мысль крепнет: мир расколдовывается (что предвидел Паскаль, описывая мыслящий тростник). Но крепкие философско-культурные пласты, лежащие в основе самого человека, становятся плодородной, благодатной почвой.

Свифт и Рабле сменяются Жюлем Верном. Фантастические романы-

приключения, на первый взгляд, двигаясь путем рационализации действительности, фактически осваивают пропасть, распространяется влияние энтропии модерна и ухода «магии» (то есть смыслового и потенциального содержимого лакун неизвестного). Г. Уэллс продолжает дело Ж. Верна, хотя больше концентрируется на социально-философских аспектах, а не на рационально-научных. Окунаясь в XX век, фантастика получает новый смысловой заряд, мощное насыщение целой плеядой разнообразных авторов. Ц. Тодоров показывает многообразие как поджанров, так и авторов фантастики (Тодоров, 1999). Складываются и оформляются жанры научной фантастики, утопий и антиутопий, мистико-философская фантастика (Г. Лавкрафт) и многие другие. Но в сущности, фантастика работает с «градом земным», с потенциалом человека, реализующимся в пределах его возможностей. Загадочный мир прошлого здесь является лишь придатком ушедшего, но не возможностью двигаться вперед в *данных* человеку условиях. А. и Б. Стругацкие заметили, что эти миры уже покорены человеком.

Жанр фантастики становится вариантом взгляда на действительность. Он предоставляет человеку возможность взглянуть на себя и жизнь через «перископ» чего-то нового. Вернее, через призму реализующихся возможностей. Однако действительность оказывается хитрее, и возможность собрать свою сущность заново, идентифицировать себя, усложняется. Первая мировая война подводит итог идее модерна – Бог умер, «лучшее завтра» – металлический отблеск нового оружия на складах и очередном поле боя.

В этих условиях начинает обретаться жанр фэнтези, уже близкий к тому, каким мы его знаем. Новая задача рождает новый же ответ. Как собрать действительность в умах людей снова? Как провести идентификацию? Постмодерн порождает

такие вопросы, и мы видим особый взгляд на реальность. Уже не выйдет ограничиться потенциалом и пределами возможного, нужно заколдовать тьму снова, чтобы она стала деятельной. Мифология и романтика средних веков, эти миры чудесного во времени авантюризма, следуя мысли М.М. Бахтина, соединяются в ином жанре, жанре фэнтези. Он выходит из фантастики, многие исследователи и по сей день считают фэнтези ее частью, однако его суть лежит, как мы видим, в других областях. Польский писатель и философ С. Лем пишет: «Превращение фэнтези в научную фантастику основывается на “возмпиричивании” чуда» (Лем, 2008). Однако, как мы видим, обратная ситуация не всегда справедлива.

В конце XIX века публикуется «Сказание о доме Вольфингов» У. Морриса, в 1920-х увидит свет «Дочь короля Эльфландии» Э. Планкетта, носящего псевдоним Лорд Дансени, а также «Змей Уроборос» Э. Эдисона. В 1930-х Р. Говард пишет сагу о Конане.

Ближе к окончанию первой половины XX века появляется литературное объединение «Инклинги». Представители оксфордской науки, академики, собираясь в английских пабах (The Eagle and Child), обсуждали литературу, пытались объять своей мыслью реальность и создавали произведения, декламируя их перед собравшимися, проговаривали детали и заключали творческие споры. Именно в то время и в тех условиях рождается жанр фэнтези в его современной структуре и негласных правилах. На собраниях были впервые зачитаны произведения К. Льюиса, «Властелин колец» Дж. Толкина и другие. Помимо прочего, участники объединения поддерживали написание и разработку именно фэнтези-произведений.

Когда мир пережил первую мировую войну, ему явились иные глобальные ценностные идеи, распространившиеся на многие государства. Дух времени стал непостоянным, он встречал попытки

отдельных свободно мыслить, обращаясь к собственным смыслам. Фэнтези-авторы, в том числе, переживали этот опыт. В творчестве Толкина, в частности, в «Сильмариллионе» и других произведениях, угадываются аллюзии с первой мировой (хоть он был и против аналогий). Испепеляющий огонь драконов, закованные в броню орудия, массовая гибель и жестокие сражения..., однако герои не опускают руки. Магия, пронизывающая их действительность, эти вымышленные миры, обладает своей системой, законом, правилами и ценностью. Действия героев имеют результат, и он неоспорим. У них есть доля, уготованная им, которую они волею-неволею проносят сквозь свои жизни. И посредством этого творят (Толкин, 1994: 365). Авторы начинают насыщать свои произведения сутью, черпая ее из эпоса, деяний героев прошлого, христианских мотивов («Хроники Нарнии» Льюиса). Толкин создает собственную мифологию («Сильмариллион»), говоря, что это его взгляд на наше реальное прошлое. Фэнтези становится возможностью человека сформировать свою картину мира, провести самоидентификацию через столпы культуры, отраженные в блеске вымысла. Исследователь Е. Неелов даже пишет о светлой логике чудесного (Неелов, 1986). Это реализация способности, потребности человека творить. М.И. Мещерякова замечает, что формируемые целостные фэнтези-системы сопровождаются мифо-синкретическими структурами мышления (Мещерякова, 1997).

Мы видим, далее, как подобные идеи закрепляются в смысловых планах развертывания истории. Фэнтези показывает свою реальность, предлагает универсальный вымышленный мир, куда можно не только «спрятаться», но и совершить с его помощью «прыжок веры». Появляется постклассическое, а также темное и постмодернистское фэнтези. «Волшебник Земноморья» У. Ле Гуин,

«Сага о Ведьмаке» А. Сапковского, цикл «Песнь льда и Огня» Дж. Мартина, серия Т. Брукса «Шаннара», «Гарри Поттер» Дж. Роулинг и многие другие. Фэнтези проникает в сферу изобразительного искусства и эстетики (А. Ли, Д. Хоу и др.), осваивает кинематограф, становясь его значимой частью. Позже колоссальное количество компьютерных игр выходит в рамках данного жанра. Все это охватывает колоссальное количество людей и воздействует на них. Сообщества по играм World of Warcraft, The Elder Scrolls исчисляются миллионами, как и различные комьюнити в социальных сетях. Анализируя представленные в сети сообщества и посты в них, можно прийти к выводу, что консолидация людей внутри культуры фэнтези происходит на основе конкретного произведения, игры или кино.

Интерес вызывает то, что, как правило, информация, попадающая в сообщества, посвященные фэнтези (и конкретным произведениям в рамках явления) и не связанная с исследуемым нами феноменом, во-первых, трансформируется в элементы, демонстрирующие непосредственно интерес людей к фэнтези. Истории, мнения, оценки, живопись и музыка представляются как то, что будто существует в фантазии, во вторичном мире среди тех, кто следит за контентом. Если мы видим, что, например, люди стараются изолироваться в современном мире от социальных проблем, либо не видят смысла в каких-то вещах, то под эгидой фэнтези они не отстраняются от данных вопросов. Р. Кайуа пишет, что фантазия – «...не тотальная подмена реальности миром, в котором нет ничего, кроме чудес» (Кайуа, 1965: 110). Например, если возникает квартирный вопрос, то пользователи будут обсуждать, какие возможности у них есть для создания декора в стиле жилища хоббита, если у них возникает страх и нежелание посещать какие-то разрозненные, размытые собрания (концерты, кружки, сходки), то в контексте

фэнтези они не будут отказываться от данных аспектов, но смогут реализовать их, например, на игрищах, описанных нами выше, либо займутся ролевыми играми (популярны как текстовые, так и оф-лайн). Во-вторых, явление фэнтези распространяется на смежные жанры. Например, заявленная как научная фантастика вселенная «Assassin's Creed» начинает заимствовать мифологические и фэнтезийные идеи из Древней Греции, Скандинавии и др. В сюжет и повествования вписываются сказочные существа: минотавр, сфинкс, языческие боги (Один, Тор и др.). В комедийные, драматические фильмы вписываются отсылки к Единому кольцу Толкина, стилистические приемы фэнтези-сериалов (сцена из восьмого сезона «Игры Престолов» с Арьей и Королем ночи), миру волшебства Роулинг и многое другое. Это происходит не просто из-за роста популярности явления, но и из-за запроса на это потребителей и интересантов, что отсылает нас к выявленной ранее особенности фэнтези, реализующей потребность в ответе на запрос действительности. Людям все больше хочется встречать волшебное и удивительное в реальности, в обыденных вещах. Они стремятся заколдовать мир обратно, пережить свою эвкатастрофу. Тысячи человек не просто снимают на видео свою реакцию на информацию, связанную с фэнтези, но многие еще и имеют успех и солидаризируются с другими. Именно таким образом осуществляется эволюция фэнтези в современном мире.

В заключение стоит повторить, что фэнтези – ответ, утешение, благо, стоящее на традициях мифа, сказки и романтики средневековья. Мы видим, что в процессе своего развития явление сперва соотносится с романтикой средневековья и мифом (50-70-е годы XX века), далее оно расширяется и добавляет в свое «тело» аспект социальной проблематики и ориентируется на дух времени (80-е годы

XX века – начало XXI века), а после (10-е годы XXI века – по настоящее время) возрастает роль социального запроса в исследуемом явлении, оно сегментируется и становится приоритетно-функциональным, консолидируя людей, действуя посредством глобализации и выступая в качестве ценностного источника.

Литература

Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.

Демина, А.В. Фэнтези в современной культуре: философский анализ: Дис. ... канд. филологических наук. Астрахань, 2015. 156 с.

Де Труа, К. Средневековый роман и повесть. М.: Художественная литература, 1974. 664 с.

Кайуа, Р. Вглубь фантастического. Отраженные камни / пер. с фр. Н. Кисловой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 276 с.

Кельтские мифы. Сказания о богах и героях. М.: Эксмо, 2016. 672 с.

Ковтун, Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2008. 408 с.

Лем, С. Фантастика и футурология. Книга 1. М.: АСТ, 2008. 592 с.

Мещерякова, М.И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX в.: Проблемы поэтики. М.: Мегатрон, 1997. 381 с.

Мэлори, Т. Смерть Артура. М.: Октопус, 2018. 800 с.

Неелов, Е.М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 200 с.

Полтавский, С.О. О сюжете в научной фантастике // О литературе для детей / сост. В.А. Макарова. Л.: Детгиз, 1955. С. 123-152.

Сапковский, А. Мир короля Артура. URL: <https://facetia.ru/node/3694> (дата обращения: 12.08.2024)

Сапковский, А. Нет золота в Серых Горах. М.: Аст, 2002. С. 198-236

Скандинавский эпос: Старшая Эдда. Младшая Эдда. Исландские саги. М.: Аст, 2009. 858 с.

Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.

Толкин Дж.Р.Р. Приключения Тома Бомбадила и другие истории. СПб.: Северо-Запад, Академический проект, 1994. С.365-450

Топорова Т.В. Имя собственное как маркер космогонической песни // Вопросы ономастики. 2017. №2. С. 55-70

Чернышева Т.А. Природа фантастики. Иркутск.: Изд-во Иркутского университета, 1984. 336 с.

Шпенглер О. Закат Европы. М.: Наука, 1993. 592 с.

References

Bakhtin, M. M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics], Khudozhestvennaya Literatura, Moscow, USSR (in Russ.).

Caillois, R. (2006), *Vglub fantasticheskogo. Otrazhennyye kamni* [Deep into the fantastic. Reflected Stones] [Au CŒUR Du Fantastique. Pierres Réfléchies], Ivan Limbach Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Celtic myths. Tales of gods and heroes (2016), Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Chernysheva, T. A. (1984), *Priroda fantastiki* [The nature of fiction], Publishing House of Irkutsk University, Irkutsk, USSR (in Russ.).

Demina, A. V. (2015) «Fantasy in modern culture: philosophical analysis», Ph.D. Thesis, Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russia (in Russ.).

De Troyes, K. (1974), *Srednevekovy roman i povest* [Medieval novel and narrative], Khudozhestvennaya Literatura, Moscow, USSR (in Russ.).

Kovtun, E. N. (2008), *Hudozhestvennyy vymysel v literature XX veka* [Artistic fiction in the literature of the 20th century], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Lem, S. (2008), *Fantastika i futurologiya. Kniga 1* [Fiction and futurology. Book 1], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Malory, T. (2018), *Smert Artura* [The Death of Arthur], Octopus, Moscow, Russia (in Russ.).

Meshcheryakova, M. I. (1997), *Russkaya detskaya, podrostkovaya i yunosheskaya proza vtoroy poloviny XX v. Problemy pojetiki* [Russian children's, teenage and youth prose of the second half of the 20th century: Problems of Poetics], Megatron, Moscow, Russia (in Russ.).

Neelov, E. M. (1986), *Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki* [Magical and

fairy-tale roots of science fiction], Izdatelstvo Leningrad University, Leningrad, USSR (in Russ.).

Poltavsky, S. O. (1955), "About the plot in science fiction" *O literature dlya detey* [About children's literature], Detgiz, Leningrad, USSR, 123-152 (in Russ.).

Sapkovsky, A. *The World of King Arthur* [online], available at: <https://facetia.ru/node/3694> (Accessed 12 August 2024) (in Russ.).

Sapkovsky, A. (2002), *Net zolota v Seryh Gorah* [No Gold in the Gray Mountains], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Scandinavian Epic: The Elder Edda. The Younger Edda. Icelandic Sagas (2009), AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Spengler, O. (1993), *Zakat Evropy* [The Decline of the West], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Todorov, C. (1999), *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu* [Introduction to fantastic literature], House of Intellectual Book, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolkien, J. R. R. (1994), *Priklyucheniya Toma Bombadila i drugie istorii* [The Adventures of Tom Bombadil and Other Stories], Severo-Zapad, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Toporova, T. V. (2017), "The proper name as a marker of a cosmogonic song", *Questions of onomastics*, 2, 55-70 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Унукаев Глеб Андреевич, аспирант кафедры философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, ул. М. Пироговская, д. 1, г. Москва, 119435, Россия; zzogark@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Gleb A. Unukaev, PhD Post-Graduate Student, Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russia; zzogark@gmail.com